

МАРИЯ
СЕМЁНОВА

ПОЕДИНОК
СО ЗМЕЕЙ

Мария Васильевна Семёнова

Поединок со Змеем

Серия «Миры Марии Семеновой»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136913
Поединок со Змеем: Азбука-классика; СПб; 2018
ISBN 978-5-389-10877-6

Аннотация

Боги каждого народа похожи на тех, кто им поклоняется. Боги славянских и скандинавских сказаний в изложении Марии Семёновой величественны и грозны, отважны и великодушны, воинственны и трудолюбивы. Они совершают поступки и делают выбор, прокладывая путь своим земным чадам, подавая им то дурной, то добрый пример. Они ошибаются и сполна платят за это. И люди не остаются в долгу. Они не просто покорные ученики – как умеют, помогают Богам в строительстве мира. Даже временами противятся их воле, если совесть и честь подсказывают иначе. А когда Небу и Земле грозит гибель – встают с Богами плечом к плечу, отводя беду от вселенной...

Содержание

Мария Семёнова	5
Девять миров	6
Два брата и скрывший лицо	6
Рождение Вселенной	12
Девять миров	16
Чудесное дерево	20
Цена мудрости	23
Самая первая война	27
Мёд поэзии	30
Путешествие Рига	37
Вальхалла	46
Валькирия и викинг	51
Богиня любви	55
Сватовство Фрейра	58
Один у Вафтруднира	64
Рождение чудовищ	68
Волосы Сив	74
Конь Слейпнир	79
Яблоки Идунн	83
Скади	92
Спутники Тора	101
Тор и перевозчик	108
Похищение Молнии	116

Сын	123
Дочь	126
Вызов	130
Поединок	136
Заклинания Гроа	142
Тор идёт в гости	146
Кровавое Копьё и его дочери	152
Котёл для пива	157
Рыбалка Тора	164
Наследник	172
Перебранка Локи	178
Скрюмир	184
Состязание	190
Гибель Бальдра	197
Конец ознакомительного фрагмента.	198

Мария Семёнова

Поединок со Змеем

© М. Семёнова, 2018

© Оформление. ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

*...Пусть вникают в эту книгу, дабы набраться
мудрости и позабавиться. Нельзя забывать этих
сказаний или называть их ложью.*

Снорри Стурлусон. Язык поэзии

Девять миров

Скандинавские мифы

Два брата и скрывший лицо

Осеннее море с грохотом сотрясало гранитные скалы. Ветер подхватывал брызги и нёс вглубь страны, над ущельями фиордов, над каменными перевалами, мимо снеговых шапок вершин. И даже орлы, гнездившиеся на неприступных утёсах, с трудом могли разглядеть далеко в море маленькую рыбацкую лодку.

Шторм давно сломал мачту, сорвал парус и утащил куда-то в низкие тучи. Двое мореходов сперва пытались грести, но тяжёлые волны выхватывали вёсла из рук, да и силы кончились быстро – ведь старшему из гребцов едва минуло десять зим, а младшему и того менее – восемь. Это были Агнар и Гейррёд, сыновья Храудунга, одного из самых знаменитых вождей Северных Стран. Буря уносила их лодку от родного берега прочь. Братья едва успевали вычерпывать холодную воду, хлеставшую через борта.

– Держись, Гейррёд! – крикнул старший брат младшему. – Мы же викинги! Дымные очаги и тёплые постели – это не для мужчин!

Агнар был доброго и весёлого нрава: все ждали, что он сделается хорошим вождём, справедливым и щедрым. Отцовские воины охотно пойдут за ним, когда он подрастёт.

Гейррёд отвечал:

– Пусть другие плачут или просят пощады.

Судьба младшего сына – всё в жизни добывать самому, и богатство, и славу, и преданную дружину. Что ж, Гейррёд обещал стать замечательным воином. Кровавое Копьё – вот что значило его имя.

Двое промокших мальчишек упрямо сражались с волнами, чувствуя, как понемногу стынет кровь в жилах, как ледяной ветер высасывает последние силы... Они были сыновьями вождя. Они хотели стать викингами. Они не привыкли сдаваться.

Наконец, уже в ночной тьме, впереди заревел прибой, ощерились белые буруны. Братья отчаянно вцепились в обледенелые борта, предчувствуя гибель. Но вот диво: откуда-то из темноты вдруг громко закаркали два ворона, и вздыбившаяся волна подхватила лодку, пронесла над оскаленными клыками камней и вышвырнула на незнакомую сушу. Обоим показалось, что это была не простая волна. Поспешно выскочили сыновья Храудунга на скрипучий песок и – новое диво – тотчас встретили старика.

Был у него синий плащ, гулко хлопавший на стылом ветру, и широкополая шляпа, низко надвинутая на единственный глаз. Он привёл неудачливых рыбаков к себе в дом и

велел старухе раздуть пожарче огонь, чтобы обсушить и согреть неожиданных гостей. А поскольку осенние шторма длятся подолгу, до самого снега, делать нечего – остались они в том доме зимовать.

Многому научили братьев старик со старухой. И так вышло, что Агнар привязался больше к хозяйке, а Гейррёд – к хозяину. Когда же наступила весна, старик дал детям вождя хорошую новую лодку, и, как по волшебству, немедля задул попутный ветер. Стали прощаться. Старик отозвал Гейррёда в сторону:

– Ты понравился мне. Знай же, что ты был гостем Одина, Отца Богов и Людей. Знай ещё: я помогу тебе стать знаменитым вождём, таким же, как твой отец.

Быстро принёс ветер лодку к родному берегу. Вот показались впереди горы, замаячили в морском тумане знакомые утёсы возле устья фиорда. Гейррёд первым выскочил на отцовскую пристань, на просмолённые дубовые брёвна... и вдруг оттолкнул лодку с братом прочь, крикнув:

– Плыви теперь туда, откуда не возвращаются!

Вот так понял он милость Одина и обещание сделать его вождём. Агнара унесло течением обратно в море, потому что в лодке не было вёсел, и никто не заметил его в тумане и не явился на помощь. А вероломный брат как ни в чём не бывало зашагал ко двору Храудунга.

Люди узнали Гейррёда и приняли его с радостью. Оказывается, его отец умер зимой, и вот Гейррёда посадили на по-

чётное место в доме и назвали вождём.

– Он сын хорошего отца, – промолвили старые, покрытые шрамами воины и по обычаю ударили мечами в щиты. – Старший брат не вернулся, но и в младшем добрая кровь!

Возмужал Гейррэд и сделался прославленным викингом. говорят, была ему удача во всём. Но, зная, грызла всё-таки его совесть – женившись, назвал сына Агнармом, по брату. Так прошло много зим...

И вот однажды воины привели к Гейррэду незнакомца, схваченного у ограды двора.

– Колдун забрёл в твои земли, вождь, – сказали они. – Ни один пёс на него не лает, даже самый свирепый!

У гостя была длинная седая борода, синий плащ на плечах и широкополая войлочная шляпа, низко надвинутая на единственный глаз. Не узнал Гейррэд своего воспитателя, слишком много времени миновало.

– Свяжите-ка ему руки, чтобы не мог колдовать, – приказал он воинам и обратился к седобородому: – А ну отвечай, кто ты таков? И кто тебя подослал?

У Гейррэда было немало врагов, а в те времена враждующие вожди часто подсылали один к другому злых колдунов – навести порчу, отнять удачу, погубить урожай.

– У меня много имён, – отвечивал незнакомец. – Иногда меня называют Гримниром – Скрывшим Лицо...

Голос его показался Гейррэду смутно знакомым. Но пленник замолк и ничего больше не захотел говорить.

– Посадите его на пол меж двух очагов, – велел тогда Гейррёд. – И пусть там сидит, пока не изжарится или не станет разговорчивее!

Так и было сделано с Гримниром: восемь ночей сидел он между огнями. Одежда на нём прогорела до дыр и волосы скрутило жаром, а нутро ссохлось от жажды. Иные не верят, что Отец Богов мог быть схвачен смертными и не сумел уйти из пут с помощью волшебных заклятий; должно быть, ни разу не пробовали эти Люди творить заклинания со связанными руками, да ещё когда нет вблизи ни капли воды...

А Гейррёд смотрел на его муки, потягивая вкусное пиво.

Но на девятый вечер вернулся сын вождя Агнар, ходивший с воинами в море. Было ему тогда десять зим, почти столько же, сколько его отцу когда-то, когда пришла для него пора испытания. Увидел Агнар связанного, измученного старика, услышал, что произошло в доме, – и тотчас подбежал к Гримниру с полным рогом питья:

– Плохо поступает отец, пытая безвинного человека!

И затоптал огонь, подобравшийся к гостю так близко, что уже тлел его плащ. Вот когда только разомкнул уста Гримнир и стал говорить, и никто не мог двинуться с места, пока звучал голос Одина, Отца Богов и Людей. Он сказал:

– Счастлив ты будешь, Агнар, племянник Агнара и сын Гейррёда, потому что Бог воинов желает тебе добра. Скоро ты станешь вождём и повелителем могучей дружины. Никто ещё не получал за глоток воды подобной награды...

И долго ещё говорил Отец Богов, потому что вернулась к нему божественная сила, и огонь не смел больше приблизиться. Поведал он Агнару об Асгарде – славной небесной стране, о чертогах Богов и о блещущей золотом Вальхалле, обители героев, не осквернённых пороком. Рассказал о валькириях, о Мировом Древе и о волке по кличке Обман, бегущем за Солнцем. Открыл сыну конунга прошлое девяти древних миров и будущее Богов и Людей. И наконец вновь повернулся к конунгу и назвал своё имя:

– Не в меру ты, Гейррэд, пьёшь на пирах, помутился твой разум. Много у меня имён, но Одином зовут меня Люди.

Тогда только упала с глаз Гейррёда мутная пелена, понял он, кого предал на муку. В ужасе вскочил вождь с хозяйского места, думая оградить Одина от огня... но соскользнул наземь меч, что он держал на коленях, упал вниз рукоятью – споткнулся хмельной Гейррэд и рухнул грудью на остриё. Один же произнёс ещё одно заклинание и исчез, а Агнара вскоре избрали вождём, и говорят, что он правил долго и славно – ибо наградил его Всеотец не только удачей и властью, как Гейррёда, но и высшей мудростью, заповедными знаниями обо всех девяти мирах. Говорят также, что у Агнара были дочери и сыновья, и он многое им рассказал, чтобы сохранить драгоценную мудрость. Ибо память живёт дольше смертных Людей, дольше стального оружия, дольше золота и серебра, зарытого в Землю...

Рождение Вселенной

Что было в самом начале времён, не знают ни Люди, ни Боги. Тогда ведь ещё не родился никто, способный запомнить. Быть может, дети Муспелля могли бы поведать кое о чём, ведь их мир, как говорят, появился раньше других – но не много найдётся охотников беседовать со свирепыми Сынами Огня. В их стране всё горит, всё охвачено пламенем. Нет туда доступа никому, кто там не рождён и не ведёт оттуда свой род. Да ещё сидит на краю Муспелля Великан Сурт, дочерна обуглившийся от жара, и огненным мечом грозит всякому, кто пожелает войти... Злая страна!

Сказывают, в начале времён не было ночи и дня, Солнца, звёзд и Луны; не было холодного моря и заснеженных гор, зелёных лугов и прозрачных рек, звенящих по перекатам. Одна только Мировая Бездна Гинунгагап. И если на крайнем юге её негасимо горело страшное пламя, то на севере, на самом дне, царил мрак и вечный мороз. Эта страна называлась Нифльхейм – Тёмный Мир. Только один источник не поддавался морозу – родник Кипящий Котёл. Но мало доброго может родиться во тьме, и вода источника была ядовитой. Злые реки текли из Кипящего Котла по всей Бездне: Свэль – Холодная, Сюльг – Глотающая, Ульг – Волчица и ещё другие, не лучше. Когда они отдалились от родника, широко разлились и начали замерзать, яд выступил наружу росой и его

прихватило морозом. Сделался иней и стал слой за слоем заполнять бездну Гинунгагап.

Так летели века: снизу, из Нифльхейма, шёл холод и угрожала свирепая непогода, но чем ближе к Муспелльсхейму, тем больше делалось тепла и света. Иней встречался с теплом, таял и стекал каплями вниз. И наконец эти капли ожили, и возникло самое первое существо – Великан Имир. Он ворочался в Мировой Бездне, не зная, куда себя деть, не ведая, зачем живёт. У него не было жены, сын с дочерью возникли из капель его пота, когда он вспотел однажды во сне. От них пошло исполинское племя – Хримтурсы, инеистые Великаны. Первые Великаны родились злыми и глупыми: это оттого, что капли талой воды, давшие жизнь роду Имира, были напоены ядом. Говорят, до сих пор есть у них потомки на свете. Иногда поэты зовут их «хладнорёбрыми» – это оттого, что нет в них настоящей живой жизни, есть только желание рушить и убивать... Но есть и такие, кому в кровь попало меньше яда, или яд рассеялся с течением поколений, а может, иным Великанам попросту надоела злоба и глупость – некоторые стали добрыми и гостеприимными, и с ними дружат Боги и Люди.

Когда появился Имир, с ним вместе возникла корова Аудумла; и, верно, неплохо доилась эта корова, если достало её молока на прокорм Великану. Аудумле негде было пастись. Она лизала солёные камни и к исходу третьего дня вылизала из них новое существо, тоже во всём подобное человеку,

хоть и не такое большое, как Имир. И вовсе не злобное.

От него пошло славное племя Асов, вот почему его называют Бури, то есть Родитель. Говорят, он был хорош собою, высок и могуч. Он назвал своего сына Бор – Рождённый. Бор взял в жёны дочь доброго Великана, и родились у них дети – Один, Вили и Ве. Минуло время, и эти трое совершили такие славные подвиги, что их называли Богами и стали им поклоняться. Говорят, младший, Ве, был самым первым жрецом, а старший, Один, подарил Людям божественное вдохновение, поэзию и бешенство битвы. Но об этом потом.

Немало пришлось потрудиться сынам Бора, братьям-Богам: сразились они против злобного Имира, и говорят, будто множество Великанов утонуло в его крови, когда он наконец пал. Братья кинули тело Имира в самую глубину Мировой Бездны и сделали из него Землю, а из крови – озёра, реки, моря. Кости Имира стали горами, из осколков костей и зубов вышли скалы и валуны – недаром они до сих пор торчат из воды, норовя пропороть днище доверчивому кораблю... Из черепа Имира Боги построили небосвод, а мозг бросили в воздух и сделали облака – вот почему так коварны тёмные тучи, грозящие то метелью, то градом. Потом Боги взяли сверкающие искры, что летали кругом, вырвавшись из пламени Муспелля, и прикрепили их к Небу. Так получились неподвижные звёзды. Другим искрам Боги позволили летать в поднебесье, но каждой назначили место и уготовили путь.

Между тем в мёртвом теле Имира завелись черви; Боги

наделили их разумом и дали обличье, схожее с человеческим, и от них пошёл род Карликов-двергов. Они до сих пор живут под землёй и внутри скал и боятся солнечного света, потому что он превращает их в камни. Карлики невелики ростом, но очень сильны. Так сильны, что четверым из них Боги доверили поддерживать Небо там, где оно всего ближе к Земле. Эти Карлики стоят по четырём углам света, их так и зовут: Аустри, Нордри, Вестри и Судри – Восточный, Северный, Западный, Южный.

Земля получилась округлая, а кругом неё глубокий Океан. Что там за ним? Древняя бездна Гинунгагап, куда обрываются море и суша и где по-прежнему нет жизни и света, лишь звёздные искры Муспелля да вековой холод Тёмного Мира? Или, может быть, там другие Вселенные, устроенные другими Богами? И кажется Людям, что беспределен тот Океан и нельзя его переплыть...

Девять миров

Славную работу исполнили Боги: из волос Имира возникли деревья и травы, и зазеленела Земля, начали заселять её звери и птицы, в воде завелись рыбы, по сырым местам – змеи да ящерицы. И вот однажды шли сыновья Бора – Один, Вили и Ве – берегом моря и увидали два дерева: могучий ясень и рядом гибкую иву.

– Слышите, братья, как шумят они на ветру? – сказал задумчиво Один. – По-моему, этим двоим скучно стоять здесь среди камней. Вот бы им ещё румянец жизни, дыхание да судьбу!

– Если бы они могли ходить и разговаривать, как мы, – сказал Вили. – Поглядеть бы, что из этого выйдет!

– Мы станем сильнее, если нам начнут поклоняться, – сказал Ве, первый жрец.

Поразмыслили Боги, а потом взяли деревья и вырезали из них Людей. Один, старший из братьев, дал им душу и жизнь, Вили – разум и движение, а Ве наделил пригожим обликом, речью, слухом и зрением. И дали мужчине имя Аск, то есть Ясень, а женщине имя Эмбла, что значило Ива. Вместе с именами Боги подарили Людям одежду – вот откуда пошёл обычай дарить что-нибудь, нарекая имя или прозвание.

Тогда, говорят, юные Боги взяли веки Имира и огородили ими середину Земли, потому что по берегу Океана и в

неприступных горах позволено было жить Великанам, и следовало Людей от них защитить. Так был огорожен Срединный Мир, Мир Людей, и оттого зовётся он Мидгард – «то, что огорожено». А Великанов называли Турсами, Хримтурсами или Иотунами, и поэтому их мир зовётся Иотунхейм, а иногда ещё Утгард – «то, что за оградой». Там чужая, враждебная Людям земля, никогда не знавшая семени и сохи. Там бродят людоеды-Тролли и страшные, покрытые инеем Великаны – кто в шкуре волка, кто в чешуе змея, кто в оперении орла...

Себе Боги отвели место на Небе и назвали свой мир Асгард – Крепость Асов, потому что Асами звалось племя первых Богов. Другие Боги, племени Ванов, стали жить в мире Ванахейм. Карлики-дверги, обитатели подземелий, взяли себе Нифльхейм – им с их огнедышащими кузнечными горами никакой мороз нипочём. Карлики неплохо обжились в Мглистом Краю, начали рыть подземные ходы в Мидгард и появляются, говорят, порою даже в Асгарде.

Когда родились существа, прозванные светлыми и тёмными Альвами, те и другие тоже получили свои миры. А когда в жизнь вошло зло и начали умирать Люди и Боги – появился Мир Мёртвых, угрюмый мир Хель... Но об этом потом, а вначале все жили в покое и тишине, и Асы веселились на зелёном лугу, играя золотыми фигурками на доске. Говорят, все вещи и утварь в ту пору у них были из золота, и оттого этот век иногда зовут Золотым.

В те времена Солнце, слепленное Асами из искр Муспелля, стояло неподвижно на Небе, и с ним стояла Луна. Но потом родилась дочь у одного Великана – сумрачная и темно-волосая, и он назвал её Ночь. А вот её сын удался весёлым и светлолицым, потому что муж Ночи был из Богов. Один дал матери и сыну двух коней и две колесницы и послал в Небо, чтобы каждые сутки объезжали они всю Землю.

До сих пор несётся по Небу Ночь и правит конём по кличке Инеистая Грива, и каждое утро орошает Землю пена, стекающая с его удил... А конь Дня зовётся Ясная Грива, и грива его озаряет Землю и воздух. Люди же нарекли времена суток именами матери и сына, и с тех пор ведётся обычай считать время в ночах, ведь Ночь старше Дня, она ему мать.

А ещё у одного человека было двое детей, прекрасных и светлых лицами, и он звал дочь Солнцем, а сына Месяцем. Они тоже были взяты Богами на Небо, и девушка правит конями, впряжёнными в солнечную колесницу. Коней зовут Арвак и Альсвинн – Ранний и Быстрый, и под дугами у них висят кузнечные мехи, которые раздувают Солнце и дают прохладу коням. А братец Месяц везёт на колеснице Луну, и говорят, что ему послушны все звёзды.

И всё было бы хорошо, но родились в Железном Лесу, в Иотунхейме, два чудовищных волка – Обман и Ненавистник, и погнались за светлыми колесницами, надеясь проглотить Солнце и Месяц. Век за веком длится погоня и кончится только тогда, когда всему миру придёт пора гибнуть в ог-

не и вновь возрождаться... Но об этом потом.

Чудесное дерево

Всё, что делается смертными, живущими на Земле, в начале времён уже было сделано кем-нибудь из Богов. Боги возвели самую первую стену, сшили самую первую одежду и вылепили самый первый горшок. Боги принесли самую первую жертву и составили самый первый закон. Вот почему так трудно обрести что-нибудь новое: сложить песню, построить корабль, открыть в море неизвестные острова. Потребны для этого великий ум и немалая смелость: как знать, добрый или злой дух послал открывателю вдохновение? И чего ждать от перемен – добра или худа?..

Оттого всякое новое дело, будь то сев или битва, лучше начать мудрому, знающему человеку. Оттого так держатся Люди старых заветов – сквозь поколения и поколения несут они знания и законы, подаренные Людям Богами на самой заре времён, когда не было вражды и раздора. Вот почему ругают старые молодых – не так, мол, живёте!

...Говорят, в древности Люди строили свои дома у подножий могучих деревьев, чтобы крепкие стволы служили опорой. Они хотели устроить свои жилища подобно Вселенной: ведь посередине её Боги вырастили дерево, чтобы оно пронизало собой все девять миров и связало их воедино. Это дерево – ясень, и говорят, что нет равных ему по мощи и красоте. Проросло оно из нижних миров, ствол поддерживает

Мидгард Людей, а крона – выше Небес, и, если нужно кому путешествовать между мирами, нет лучшей дороги.

Три корня у дерева, и далеко расходятся эти корни. Один – у Асов на Небесах, другой – у инеистых Великанов, там, где прежде была бездна Гинунгагап. А третий корень тянется к Тёмному Миру Нифльхейм, и всё ещё бурлит под ним поток Кипящий Котёл. В ядовитом источнике поселился злобный дракон Нидхёгг, он грызёт корень ясеня, надеясь погубить Людей и Богов... Под тем корнем, что в Иотунхейме, тоже бьёт ключ, и всякий, кому доведётся испить из него, обретает знание и мудрость. Ведь род исполинов – древнейший. Но самый священный источник бурлит под тем корнем, что оказался на Небе. Такова, говорят, его священная сила, что всё попавшее в его воду становится белым, как плёнка, лежащая под скорлупою яйца. Вот почему всё белое называют прекрасным, вот почему светловолосые Люди красивее темноволосых.

А ещё живут в том источнике прекрасные белые птицы – два лебедя. От них пошёл весь лебединый род, ибо таково уж свойство Мирового Древа: хоть и зовут его ясенем, но расцветают на нём все цветы, какие только можно найти на Земле, зреют все плоды и все семена, а в ветвях живут все звери и птицы, там их дом, оттуда сходят они наземь, чтобы родиться. Листья ясеня служат им пищей – оленям, козам, коровам и даже волкам, ибо Асгард слишком священен, чтобы там могла быть пролита кровь.

Возле чудесного родника Боги вершат свой суд. Говорят, там стоит прекрасный чертог, и из него навстречу Богам выходят три девы: Урд, Верданди и Скульд. Прошрое, Настоящее и Будущее – вот что значат их имена. Их называют Норнами, провидицами судьбы. Им ведомо всё, что произойдёт с Людьми и с Богами. Рождается человек, и тотчас являються к нему Норны – судить судьбу. Урд, Верданди и Скульд – главные Норны, но есть ещё много других, добрых и злых. Неравные дают они Людям судьбы: у одних вся жизнь в довольстве и почёте, у других, сколько ни бейся, ни доли, ни воли, у одних жизнь длинная, у других – короткая. Людям кажется, всё дело в том, что за Норны стояли у колыбели: если они добры и из хорошего рода, наделят новорождённого хорошей судьбой. Если же человеку выпали на долю несчастья, так судили злые Норны. Бывает и так, что родители малыша забудут позвать какую-нибудь из Норн или обидят её на пиру, и в отместку она нагадает такое, что трудно поправить даже Богам.

Но достойно прожить доставшуюся жизнь, будь она счастливой или несчастной, – дело самого человека, тут никто ему не помощник.

Норны черпают из священного источника воду и поливают ясень, чтобы не засохли и не зачахли его ветви и гниль не завелась на стволе, чтобы крепко стояли девять миров...

Цена мудрости

Один был избран вождём Асов, и стали его называть Отцом Богов и Людей, а то ещё Всеотцом, потому что он вместе с братьями создал самых первых Людей, а многие Боги приходились ему детьми либо младшими родственниками, и по обычаю называли своего старейшину отцом.

Много знаний передали Боги человеческому роду; но прежде, чем поучать, должны были они сами всему научиться, и не было такой науки, в которой Один не превзошёл бы всех остальных. Только братья, Вили и Ве, знали его молодым. Все остальные помнили Одина седобородым и одноглазым. И думали, что это усердие в науках и мудрость составили его, а вовсе не годы.

А Одину всё казалось, что знания его не полны. Как учить Людей, не узнав страданий и боли? Как отнимать и дарить жизнь, не ведая, что значит смерть? Как, наконец, обрести небывалую, высшую мудрость, постичь тайны волшебных заклятий, научиться заглядывать в будущее, прошлое и во все девять миров? Не понадобится ли для этого умереть и снова родиться к иной жизни – в полном могуществе?

Вышел Один из Асгарда и отправился на северо-восток, в Утгард, в Страну Великанов. Туда, где под корнем Мирового Древа вечно клокочет дарующий мудрость источник. Хотел Один зачерпнуть из него и напиться, но не тут-то было.

Стражи источника не подпустили Отца Богов к берегу и не дали попробовать ни капли, требуя платы. Долго спорил с ними Один, и наконец решено было, что он отдаст им свой глаз. Так и сделали. Умер глаз Одина, и тотчас обрёл вождь Асов духовное зрение, способность видеть не только живых, но и мёртвых: известно ведь, мёртвые и живые зрячи только в своих мирах, всех сразу видит лишь тот, кто наполовину ослеп, ибо есть у него глаз живой и глаз мёртвый. И, верно, не предпочёл бы Один своего прежнего зрения новому. Но думают Люди, не сладким ему показался дарующий мудрость напиток, поскольку пришлось вместе с мудростью вкушать жестокую боль. Так и посейчас бывает с Людьми.

Но начала заживать раненая глазница, и понял Один, что этого мало, что ещё не пришла к нему полная божественная сила. Долго он размышлял и решил наконец, что нужно пройти через смерть. Сделал петлю, укрепил её на Мировом Древе... А перед тем, как броситься вниз, попросил своё копьё нанести смертельный удар:

– Никогда ты не подводило меня. Не подведи и теперь.

Содрогнулось копьё, но послушаться не посмело – и девять дней, по числу миров, висел вождь Богов на суку, качавшемся под порывами небывалого ветра. Стягивала горло петля, кровь из раны сочилась каплями наземь. Вспыхивали, проносились видения, раскрывали тайну за тайной...

Так Один принес себя в жертву себе самому. С тех самых пор, говорят, завели Люди обычай, избирая вождя, надевать

ему петлю на шею и прикасаться к телу копьём, посвящая Одина. И бывает, петля вдруг затягивается, а копьё пронзает нового вождя само по себе, если Всеотец надумал призвать его в свои пиршественные чертоги. И зовут Одина иногда – Богом повешенных. Ведь он тоже висел без пищи и без воды, принимая смертные муки и оглядывая Землю и Небеса то живым взглядом, то мёртвым...

Восемь ночей длилось его Посвящение, тайное восхождение к высшему знанию, и лишь на девятое утро ждала Одина награда: заметил он под собой буквы-руны, начертанные на камнях. И тотчас оборвалась верёвка, и рухнул Один наземь, едва успев подхватить волшебные знаки.

Вот когда Мировое Древо получило своё имя – Иггдрасиль, то есть Конь Игга, ведь Игг – «Ужасный» – одно из многих имён, которыми называл себя Один. А виселицу иногда называют «конём»...

Воскресший Один без сил лежал на земле, сжимая руны в руках, и к нему подошёл мудрый Великан Бёльторн – отец его матери. Он напоил внука мёдом и спел ему девять песен мудрости, которых тот никогда прежде не слышал. Один научил Богов и Людей вырезать и окрашивать руны, и тот обретает немалую силу, кто выучится хотя бы рисовать их по порядку, одну за другой, все двадцать четыре. Но следует знать, что ошибка в начертании рун может принести страшный вред вместо пользы: великие знания требуют великой осторожности, и это следует помнить.

И так уж ведётся, что слово рождает слово, а от дела рождается дело – кто щедро раздаёт свою мудрость, никогда не оказывается в убытке. Сколько ни учил Один Богов и Людей, его знаний от этого лишь прибывало. Умел он помочь человеку, охваченному горем, вылечив его душу. Умел излечить раны тела и вернуть жизнь убитому. Мог затупить в бою вражеские мечи и свернуть с пути стрелы, оберегая друзей. Мог погасить пожар в доме и помирить воинов, поссорившихся друг с другом. Мог заставить чаще стучать девичье сердце и обратить в камень ведьм, несущих беду...

Научил он Людей называть Богов по именам и обращаться к ним за советом, молиться и приносить жертвы в святилищах. Научил знать меру во всём:

– Лучше совсем не молись, чем без конца молиться. Лучше не жертвуй совсем, чем жертвовать без числа.

Много знал Один, но не всё открывал, если думал, что тайные знания могут принести беду. И всё вспоминал о мёде, которым под ясенем Иггдрасиль напоил его дед. Никогда прежде он не пробовал подобного мёда: была в нём особая красота, порождавшая вдохновение, желание слагать прекрасные песни. И почувствовал Один: без этого мёда его мудрость так и останется несовершенной...

Самая первая война

Между Асами и племенем Ванов случилась жестокая распря, как часто бывает меж разными народами – не только на Земле, но и на Небе. Теперь одни говорят, что войну начали Асы, другие, напротив, что Ваны подослали им женщину по имени Гульвейг – «Жадность к золоту». Она насылала безумие на Богов и Богинь. Трижды сражал её Один своим копьём и трижды сжигал тело убитой, ибо знал – немалое несчастье Жадность к золоту принесёт в мир, но всё без толку: возрождалась колдунья и снова творила чёрное зло. Говорят, тогда и пропала игральная золотая доска, пропали резные фигурки, которыми тешились Асы на солнечном лугу Идавёлль. Кончился Золотой Век...

Только богатые Ваны, владевшие земным плодородием, знали, как справиться с Гульвейг. А хотелось им войти в Асгард и жить там с Асами наравне. Долго советовались Асы, и наконец Один повёл войско на Ванов и, начиная битву, первый бросил копьё, потому что первый удар должен нанести вождь.

Долго длилась война – самая первая на свете война. И поскольку это было давно, одни утверждают, что Асы были близки к поражению, а Ваны – к победе, другие – что Боги просто устали от бессмысленной битвы, в которой никто не мог умереть, ибо Норны судили им смерть ещё через мно-

го веков. Решено было заключить мир. И его заключили. Но всё сделанное Богами потом повторяется у Людей – доброе и дурное; так и война, однажды случившись, до сих пор гуляет в земных пределах. Вот почему Люди враждуют и дерутся друг с другом вместо того, чтобы мирно жить, охраняя прекрасный зелёный Мидгард, у которого и так немало врагов...

Заключая мир, Асы и Ваны обменялись заложниками. Ваны послали в Асгард Ньёрда, повелителя моря и кораблей: выстроив себе дом, он назвал его Ноатун – Корабельный двор. И, должно быть, не врут, говоря, будто в Ноатуне лежит немало богатств. Попадает туда всё добро с кораблей, потонувших в морской глубине. В Ноатуне родились у Ньёрда дети – Фрейр и Фрейя. Их имена значат «господин» и «госпожа», и немудрено, что так их прозвали. Фрейр ведаёт урожаем, приплодом скота, и ещё говорят, что ему нехудо молиться, когда бездетные мечтают о детях. А почему Фрейю зовут Госпожой, думается, и объяснять ни к чему: ведь она – Богиня любви.

Асы отправили в заложники к Ванам мудреца Мимира и ещё Хёнира – красивого, высокого ростом Аса. Из него, сказали они, неплохой получится вождь. Но когда эти двое прибыли к Ванам, вскорости оказалось, что Хёнир шагу не может ступить без Мимира и его разумных советов. Ни решение принять, как то подобает вождю, ни молвить справедливое слово, когда сходятся Боги на своё собрание – тинг. На всё один ответ у него, когда нет рядом Мимира:

– Пусть другие решают.

Тогда подумали Ваны – не очень-то равный вышел обмен. Им бы вспомнить, что вождь тогда и хорош, коль умеет слушать советы, – но нет. Убили они Мимира и послали его голову назад в Асгард:

– Пусть ведают, что хитрость раскрылась!

Гибель Мимира сильно опечалила Асов, ведь вместе с ним умерла и его мудрость. Но Один умастил мёртвую голову добрыми травами и произнёс заклинания, так что она ожила и стала беседовать. И говорят, Один часто советуется с нею о важных делах, когда решаются судьбы девяти миров. Может, у Ванов в почёте были такие вожди, что одни думали и решали за всех?.. Как знать!

Мёд поэзии

Когда Асы и Ваны заключали между собой мир, решено было смешать слюну в знак побратимства между двумя племенами: собрались все вместе и каждый по очереди плюнул в большую чашу. А чтобы не пропал без толку этот знак мира, при расставании Боги сотворили из слюны человека и назвали его Квасир. И, видно, досталось ему понемногу от мудрости каждого Аса и Вана: сделался Квасир столь сведущ, что никто не мог выдумать вопроса, на который он не сумел бы тотчас ответить. Он много странствовал по свету и учил мудрости Людей и всех, кому случалось его спрашивать. Говорят, как-то раз он даже забрёл в другую Вселенную и оставил о себе добрую память, – тамошние племена даже назвали его именем добрый напиток, помогающий затеять беседу... Но об этом потом.

Недолго пришлось Квасиру путешествовать по Срединному Миру. Жили-были в пещере два Карлика – Фьялар и Галар, оба жестокие, жадные и вероломные. Надумали они присвоить все познания Квасира и ни с кем не делиться. Зазвали к себе доверчивого мудреца и не постыдились поднять руку на гостя – убили его, а кровью наполнили котёл и две чаши. Смешали кровь с диким мёдом, и вышел чудесный напиток – кто ни попробует, тотчас становится поэтом либо учёным. Фьялар и Галар спрятали мёд в недрах горы, чтобы

никто не дознался и не украл. Асам же, хватившимся друга, сказали:

– Квасир захлебнулся в собственной мудрости – не нашлось никого, кто сумел бы выпросить у него всё, что он знал!

Пробовали сами Карлики волшебный мёд или не пробовали, никто теперь не узнает. Но если и пробовали, не пошёл он им на пользу. Злые делаются только хуже, когда им достаются знания. Спустя малое время Карлики пригласили к себе одного Великана вместе с женой и убили обоих. Так трижды были попораны законы гостеприимства, но тут подошло злодеям и наказание. Разыскал Фьялара с Галаром безжалостный мститель – сын погибшего Великана. Звали его Суттунг.

Он схватил обоих и посадил на скалу, что во время прилива погружается в море.

– Пощади нас!.. – взмолились Карлики, видя, как жутко и медленно подползает вода. – Мы дадим тебе выкуп!.. Щедрый выкуп! И за мать, и за отца!..

– Не хочу ничего слышать, – рычал с берега Суттунг. – Тоните, предатели!

Но вода знай себе поднималась, и, когда дошла до горла убийцам, с плачем посулили они самое дорогое, что имели, – бесценный мёд. Тут Суттунг смягчился и снял Карликов с камня. Увёз мёд к себе и укрыл в неприступных горах, что звались Хнитбьёрг – Сталкивающиеся скалы. Иногда гово-

рят, эти горы были когда-то облаками, но потом опустились наземь и окаменели. Суттунг поставил котёл и две чаши с мёдом в самой глубокой пещере, а сторожить посадил свою дочь Гуннлёд, ибо понял, каким сокровищем завладел.

Так оказались под спудом мудрость и вдохновение, так превратились они в мёртвую драгоценность, из-за которой сражаются и убивают...

Высмотрел это Один с чудесного престола Хлидскьяльв. И решил вернуть Богам мёд, побывавший у Карликов и у Великанов: ведь это был тот самый напиток, что когда-то поднёс ему, воскресшему, дед Бёльторн. Сказано – сделано. Отправился Вождь Богов в путь и пришёл на луг, где девять рабов косили сено. Он сказал:

– Что-то медленно идёт у вас дело, косы, знать, затупились. Хотите, наточу?

– Хотим, – обрадовались рабы.

Тогда Один вынул из-за пояса точило и наострил косы, как обещал. И так славно пошла тут работа, что косцам захотелось непременно купить у незнакомца точило. Каждый принялся просить его для себя:

– Мне!

– Нет, мне!

– Я первым сказал!..

Тогда Один кинул точило в воздух и усмехнулся:

– Ловите, жадные, кому повезёт.

Рабы кинулись ловить, и в спешке все девять полоснули

друг друга косами по шее. Остались они лежать мёртвыми на зелёном лугу, а Одина с тех пор стали звать Обманщиком и Сеятелем Раздоров.

Один заночевал у Великана-Турса по имени Бауги, которому Суттунг доводился родным братом. Вечером хозяин и гость разговорились за пивом.

– Рабы у меня погибли, – посетовал Бауги. – Передрались. Видно, стоять моему лугу нескошенным: маловато в Иотунхейме добрых работников... А жалко, такой хороший лужок!

Один, конечно, не стал говорить ему, что это он своим волшебным точилом раздражил жадность рабов.

– Я прозываюсь Бёльверком – Злодеем, – сказал он Турсу. – Что ты дашь мне в награду, если я целое лето проработаю у тебя вместо тех девятерых? Не заплатишь ли ты мне глотком чудесного мёда, которым, я слышал, владеет твой воинственный брат?

– Брат мой один завладел им и сам решает, кого угощать, а кого нет, и скуп он изрядно, – сказал тогда Бауги. – Но вот тебе моё слово: дойдёт дело до платы, пойдём вместе к Суттунгу, я уж его уговорю.

На том порешили, и, верно, думалось Бауги, что держать слово придётся не скоро. Бёльверк всё лето работал у Великана, и никто не сказал бы, что он делал меньше в одиночку, чем девять рабов. Насушил хозяйским коровам на всю зиму доброго сена. Но вот наступила зима, и он потребовал платы. Бауги пошёл к Суттунгу, как обещал, но тот наотрез

отказался налить даже капельку мёда:

– Сам договаривался, сам и плати.

Тогда Бёльверк сказал Бауги:

– Надо попробовать, не удастся ли получить мёд какой-нибудь хитростью.

Вот когда пожалел Великан, что себе на голову взял подобного работника, но сказанного не воротишь – пришлось помогать. Вместе взобрались они к Сталкивающимся скалам... Не было туда хода, кроме Суттунга, никому – вмиг раздавят. Но хитроумный Бёльверк вынул бурав:

– Попробуй, Бауги, не одолеет ли камень железо.

Принялся Бауги сверлить и вскоре сказал:

– Готово... Не пойму только, как ты пролезешь?

Но Бёльверк молча дунул в отверстие, и полетела каменная крошка ему в лицо. Тут он понял, что задумал злой Турс его провести. Снова велел он буравить скалу, и когда подул во второй раз – полетели крошки вовнутрь. Мигом обернулся Бёльверк змеёй и юркнул в дыру. Бауги ткнул вслед буровом, но не достал. Выползла змея в пещеру внутри скалы – и опять стала Одним.

Там над чашами с мёдом сидела Гуннлёд, дочь Великана. Была она, как и большинство Великанш, неуклюжа и некрасива, но мечтала, сидя в тёмной пещере, подобно всем девушкам, – о любви. Принял Один обличье красивого юноши, мягкими шагами приблизился к Гуннлёд...

– Ты кто? – испуганно вскрикнула Великанша. – Не при-

шёл ли ты похитить наш мёд?..

Говорят, Один ничего не ответил ей, лишь улыбнулся. Но так, что Гуннлёд показалось – солнце заглянуло в угрюмое подземелье. И, верно, немного заклятий пришлось ему спеть ей на ушко, чтобы растаяло девичье сердце, чтобы забыла она о строгом наказе отца... но уж этого в точности не знает никто. Три ночи гостил у неё Один, и на прощание она сама попотчевала его мёдом, позволила испить три полных глотка.

Сделал Вождь Богов три глотка и осушил все три сосуда – котёл и две чаши. Превратился в орла и взвился в небо, а Гуннлёд одной рукой махала ему вслед, а другой утирала бегущие слёзы, и была в этот миг сущей красавицей – неуклюжая Великанша, встретившая любовь.

Но надо же было случиться, чтобы как раз в это время шёл к скалам Хнитбьёрг сам хозяин чудесного мёда. Увидел он орла – и, как ни глупы Великаны, смекнул: знать, добрался к его сокровищу Бёльверк-работник. Обернулся Суттунг огромным орлом и кинулся в погоню.

Одину тяжело было лететь с полным ртом мёда, и у самых стен Асгарда Суттунг едва его не настиг. Хорошо ещё, Асы успели поставить во дворе чашу, и Один выплюнул в неё мёд. Позже он отдал его Асам и скальдам – Людям, которые славают стихи. Их ещё называют «вкусившими мёда». Но часть напитка он второпях всё-таки проглотил, и она вышла на землю из-под хвоста. Говорят, этот мёд достался бездарным

поэтам...

А что было дальше с Гуннлёд? Кое-кто полагает, Один взял её в Асгард, сделал своей младшей женой. Но другим кажется, что это не так. Сам он вспоминал Гуннлёд с виноватой и задумчивой грустью:

– Плохо отдал я деву за нежность, за чистое сердце...

И вот что ещё прибавило Всеотцу седины и горьких складок на лбу: добывая мёд мудрости, он прибегнул к неправде. Трудно было без неё обойтись, но обман никому не прощается – ни на Небе, ни на Земле...

Путешествие Рига

Могущественный Ас носил имя Хеймдалль. Отцом его называли Одина, а матерей у него было сразу девять, и все – сёстры. Вот как их звали: Небесный Блеск, Голубка, Кровавые Волосы, Прибой, Волна, Всплеск, Вал, Бурун, Рябь. Все они были волнами – дочерьми Океана, ибо переменчиво море: оно ведь то ласковое, тихо шепчущее на заре, то шершавое от дождя, то грозное, вздыбленное непогодой. А иногда и кровавое – когда попадает судно на скалы или боевые корабли сходятся в сражении... И кажется Людям, что проще запомнить девять сестёр, а не одну в девяти разных обличьях.

Хеймдалль родился вместе с солнцем из моря, когда весь мир залит был утренним золотом. И частица этого золота осталась с ним на всю жизнь. Сказывают, даже зубы его отливают золотом. Впрочем, злые языки утверждают, что Хеймдалль вначале был всего лишь барашком на гребне волны и зубы у него никакие не золотые, а жёлтые, как у барана, прожившего много зим. Но все знают, что злым языкам лишь бы болтать – о Людях ли, о Богах.

А ещё есть у Хеймдалля резвый конь Золотая Чёлка и золотой рог по имени Гьяллархорн – Громкий: во всех девяти мирах будет слышно, когда он затрубит. Хеймдалля называют иногда Белым Асом, ибо велика его священная сила.

Меньше сна нужно ему, чем птице в летнюю пору. Зорче сокола, зорче орла Хеймдалль, видит всё за сотни поприщ, – ночью и днём. Может расслышать, как растёт шерсть на овце, как растёт трава, тихо и неприметно поднимающая опавшие листья, раздвигающая камни тонкими корешками...

Хеймдалль выстроил себе двор в Асгарде, в Небесных Горах Химинбьёрг, там, где радуга упирается в Небо. Радугу построили Боги в начале времён, чтобы служила она мостом от Земли до Неба, и назвали её – Биврёст. Трёх цветов этот мост и очень прочен, и сделан – нельзя искуснее и хитрее. Если задумает пройти по нему смертный, чем-нибудь себя запятнавший или просто не заслуживший великую честь пировать у Богов, – сколько бы он ни мчался за радугой на самом быстроногом коне, она лишь отдалится. А ползет на мост обросший инеем Хримтурс или каменный Великан, живущий в горах, – тотчас вспыхнет в радуге красное пламя и прогонит глупого людоеда...

Много в Асгарде прекрасных мест и нарядных чертогов, и все они под защитой Богов. А Хеймдалль живёт у самого края Небес, потому что он страж Асов. Сказывают, он первым узнает, что приблизилась гибель Вселенной, и затрубит в рог Гьяллархорн, созывая Богов и Людей на последнюю битву. И мост Биврёст подломится, когда поедут по нему сыны Муспелля на своих огненных скакунах... Но об этом потом.

Однажды случилось Хеймдаллю путешествовать по Сре-

динному Миру. Долго шёл он берегом моря, узкой тропой между скал, а когда день стал клониться к вечеру, увидел жильё. Чуть видна над землёй была крыша этого дома, слабенький дым еле поднимался над нею, но дверь оказалась не заперта – входи, добрый гость, обогрейся и отдохни. Ас вошёл внутрь и увидел у огня чету Людей – Прабабку и Прадеда, седых, морщинистых, в стариковских уборах. Поздоровался с ними Хеймдалль и назвал себя Ригом: на одном заморском наречии это значило Вождь. Обрадовались гостю хозяйева, посадили на почётное место в доме – посередине лавки, у длинной стены против входа. Вынесла Прабабка хлеб из ячменя пополам с отрубями, с толстой коркой, с тяжёлым мякишем. Подала на стол похлёбку и лучшее лакомство, какое нашлось, – жареную телятину.

Учтивым и знатным показался Риг старикам. Вёл он разумную беседу с хозяевами, занятно рассказывал и мудро советовал: как унавоживать поле и собирать с него камни, плести корзины, выхаживать телят и ягнят. Дивились Прадед с Прабабкой мудрости Рига. А пришло время стелить одеяла на лавки, уложили гостя посередине между собой. Так поступали когда-то на свадьбах с изваяниями Богов, чтобы благословили они семью, чтобы священный дух вошёл в тело женщины и воплотился добрым потомством. Откуда могли знать хозяйева, что приютили у себя Аса. Три дня он гостил у них в доме, потом распрощался. И вот минул срок, и произошло чудо: Прабабка, седая, морщинистая, родила сына.

Его окропили водою и приложили к Земле, вводя в солнечный мир, и назвали – Трэль. Вырос он некрасивым – черноволосым и смуглолицым, с длинными пятками и толстыми пальцами, – но зато смешливым и сильным. Небогатый был дом у Прадеда и Прабабки, и Трэль привык ко всякой работе: ловко вил лыковые верёвки, делал веники, без усталости таскал из лесу хворост. Начал появляться в доме достаток, сделалось веселей.

А когда возмужал Трэль, забрела к его очагу бездомная девушка по имени Тир, с загорелыми руками и босыми исцарапанными ступнями, такая же, как он сам, некрасивая и работающая, и такая же большая охотница посмеяться и поболтать. Понравились они с Трэлем друг другу, и посадил он её рядом с собою на хозяйское место. Жили они в довольстве, два труженика, и родились у них дети: Хёсвир – Смуглый, Фьйоснир – Скотник, дочь Амботт – Служанка и ещё много других, заслуживших такие же имена: Лентяй, Толстушка, Пастух. И говорят, от них-то пошёл весь род рабов. Потому и зовут Люди всякого раба трэлем, а рабыню – тир...

Между тем Риг шёл себе дальше зелёным шепчущим лесом, и вновь тропа вывела его к жилью. Этот дом стоял на поляне: мычали, возвращаясь домой, бурые коровы, хрюкали свиньи. Открыл Ас незапертую дверь и шагнул внутрь. Здесь было больше достатка: стоял в углу красивый ларь, полный добра, а по бревенчатым стенам висели расшитые покрывала и выделанные меховые шкуры. Дружной работой заняты

были хозяева – мужчина мастерила ткацкий станок, женщина пряла, вращая веретено. Показались они Ригу моложе Прабабки и Прадеда, и то верно – звали их Бабка и Дед. Славная была чета и нарядная: вьётся у Деда на лбу кудрявая чёлка, русая борода опрятно подстрижена, на плечах искусно скроенная рубашка. У Бабки – хорошая безрукавка, шея в платке, на груди – блестящие пряжки. Приветили хозяева гостя, посадили на почётное место посередине скамьи, принялись угощать. Хлеб в том доме был из просеянной муки, мягкий и вкусный. Много деревянных блюд поставила Бабка на стол – не в нужде жили, хотя и не в роскоши...

Три дня провёл у них Риг. Рассказал, как умножить богатство, как снарядить торговый корабль, как решить любой спор по закону, сойдясь всем народом на собрание-тинг... Потом распрощался, и всё повторилось: родила Бабка сына – краснощёкого, рыжего, с живыми глазами. Был он окроплён водою из чаши и назван Карлом – Земледельцем. Возмужав, стал он приручать могучих быков и ладить сохи для пахоты, строить дома и просторные хлевы, сколачивать повозки и возделывать землю, ловить в море рыбу и ездить на торг. Дед с Бабкой нарадоваться не могли сыну, которым благословил их Риг. Подыскали ему невесту, прозвали её ласково Снёр – Сноха. Носила она платье из козьей шерсти и меховую накидку, чтобы водился достаток, а у пояса – связку ключей, как прилично домовитой хозяйке. Сыграли свадебный пир, начали Карл и Снёр дружно жить-поживать – за-

вели собственный двор, стали награждать слуг, возделывать землю. Говорят, дети Трэля и Тир были у них в работниках. А хозяйские сыновья прозвались Смид – Мастеровой, Дренг – Парень, Брейд – Плечистый, Хельд – Житель. Были и дочери: Виф – Женщина, Снот – Госпожа, Сванни – Гордая. Вот от кого пошёл в Мидгарде род свободных Людей, землепашцев.

А Риг шёл всё дальше наезженной, широкой дорогой. И вновь дом ждал его на пути – залитый солнцем, входной дверью на юг, чтобы шли внутрь свет и тепло. Настежь была распахнута дверь, а пол устлан соломой. Сновали вокруг проворные слуги – пасли скот, собирали камни с полей, возводили ограды. Не нужно было хозяину рубить дрова и унавоживать землю, а хозяйке – весь день готовить еду, шить, стирать, доить бодучих коров. Оттого тяжкий труд и нужда не состарили их прежде времени, и называли их славными именами – Мать и Отец. Когда пришёл Риг, Отец точил стрелы для охоты, плёл крепкую тетиву, примеривал её к луку. А то оборачивался к хозяйке – подолгу смотрели друг другу в глаза мужчина и женщина, и крепко переплетались их пальцы. В голубой, до пят, вышитой рубахе сидела хозяйка и всё прихорашивалась – то рукав, то пояс поправит, то ожерелье на шею. Блестящие светлые брови были у Матери и кожа белее чистого снега.

Усадили они с Отцом Рига посередине лавки, завели с ним беседу, и говорят, что ни Прадеду с Прабабкой, ни Де-

ду с Бабкой не дал он столько советов, как этим двоим. А дошёл черёд до угощения – внесли работники стол, и разостлала на нём Мать для гостя льняную узорчатую скатерть, поставила блюда с насечкой из серебра, кувшин заморского вина и драгоценные кубки. Подала жареную птицу, мясо и сало, пшеничный хлеб и тонкие румяные блины. Даже в Асгарде не устыдились бы таких яств! До позднего вечера сидел Риг с хозяевами за угощением и разговором, и так все три дня подряд. И вот каким сыном благословил Ас хозяйку: румяным, светловолосым и стройным. Окропили его водой, спеленали шелками. Дали ненаглядному имя Ярл – Вождь воинов. Начал он подрастать, и заметили Люди, что глаза у него были зоркие, умные и блестящие – но и страшен порою становился их взгляд...

Юному Ярлу пришлось по душе воинское молодечество: потрясал он отцовским щитом, луки гнул, готовил тетивы, стрелы точил, охотился с собаками на медведей и свирепых волков, метал дротики, учился владеть копьём и мечом. И плавать, конечно, – ведь воины ходят на кораблях.

И говорят, Хеймдалль вновь посетил этот дом под именем Рига. Поведал он Ярлу таинства рун, научил обрядам, чтобы освящать наследную землю, назвал его своим сыном – ведь и Риг, и Ярл значило Вождь, только на разных языках. Стал Ярл ходить с оружием и щитом, а когда встречал другого такого же сильного и удалого – схваткой решали, кому уступить тропу. Бывало, смертью кончалась такая молодец-

кая сшибка, но бывало, и побратимством. Собрал себе Ярл дружину на загляденье, и называли его щедрым вождём: без скупости дарил он сокровища, дорогие кольца, поджарых коней, рубил на части серебряные кручёные ожерелья, чтобы каждому досталось. А потом заслал сватов к Херсиру – правителю части страны: полюбилась ему дочь Херсира, умница с пригожим белым лицом и тонкими пальцами. Звалась она Эрна – Умелая. Херсир хорошо принял сватов, ведь подвиги Ярла снискали ему немалые владения – целых восемнадцать дворов. Отдал он дочь замуж за Ярла. Сыграли свадьбу, и начали молодые жить в довольстве, достатке и счастье. Давали они своим детям хорошие имена: Наследник, Сын, Продолжатель. Младшим у них был Кон – Отпрыск. Все удались молодцами как на подбор, особенно младший. Умел он не только сражаться, укрощать коней и двигать на расчерченной доске резные фигурки, – лучше отца понял он силу рун, могучих волшебных заклятий. Мог облегчить женщине роды, успокоить морскую бурю, вещим словом затупить вражеские мечи. Говорят, даже язык птиц разумел. И однажды, проезжая по лесу и беседуя с птицами, услышал он голос ворона: рассказывал мудрый ворон о героических подвигах, о дальних странах и о достойных мужах, с которыми настоящему воину подобало бы сражаться и брататься. И думают Люди, что это Один, Отец Богов и Людей, послал юному Кону свой знак, призывая его к служению. Оттого называют Одина Покровителем Воинов, а лучших, могуществен-

нейших вождей – конунгами, потомками Кона...

Вальхалла

У Одина было в Асгарде жилище Валаскьяльв, построенное Богами на самой заре времён; крыша его блестела на солнце, выложенная серебром. Много чудес было в этом чертоге, но главное – престол Хлидскьяльв. И если восседал на нём Один или другой какой-нибудь Ас, был им виден оттуда сразу весь мир. Холодное море, скалистые острова, извилистые фиорды. И боевые корабли конунгов, спешащие по фиордам навстречу друг другу – добывать славу и девичью любовь, отмщать за друзей, заключать нерушимое побратимство...

Было ведомо Одину – однажды настанет день последней битвы Богов, день, когда хватит в избытке ратной работы всякому войску, как бы велико оно ни было. Понадобятся тогда Всеотцу все герои Мидгарда. Вот почему дал он каждому человеку вечную душу, не умирающую, даже когда тело становится прахом или пеплом. Вот чего ради стал он бросать между конунгами руны раздора, руны сражений, испытывая мужество воинов и отбирая лучших.

Один велел героям огораживать поле битвы священным орешником и щадить тех, кто израненным выползал за ограду. И кружили над местом сражения девы валькирии, избирая самых достойных. Вот как звали вещей валькирий: Мист – Туманная, Хильд – Сражение, Херфьётгур – Опутывающая

войско, Хлёкк – Шум битвы. Много было валькирий, и одни вели род от Богов, другие были сёстрами и дочерьми конунгов Мидгарда. Даровали они вождям победы и поражения, а павших мчали на крупах своих могучих коней в Асгард, мчали по звонкому радужному мосту, мимо Небесных Гор, к престолу Отца Богов.

Скакали валькирии по воздуху и по морю, защищали своих избранников от случайной стрелы, отгоняли от их кораблей ведьм и мерзостных Троллей, охочих до человеческой крови. Ездила с ними и Скульд, младшая Норна. И думают Люди, немалое дело доверил им Один – отбирать дружину для боя, которым решится судьба девяти миров! Иные удивляются: женщины? Что они понимают в сражениях, деле мужчин? Но хорошо знает Вождь Асов – никто лучше женщины не отличит показную храбрость от истинной, переменчивость труса от верности и благородного мужества...

Смерть от оружия была жертвой Одину, и оттого называли его Отцом Убитых, а павшие воины становились его приёмными сыновьями – эйнхериями. Иногда, лунными ночами, Люди видят войско эйнхериев во главе с Одином, мчащееся по Небу на призрачных скакунах. Тогда те, кто уже не помнит древних сказаний, пугаются грозных теней и в ужасе шепчут:

– Дикая охота!..

Для дружины Вождя Богов выстроен в Асгарде славный чертог, прозванный Палатами павших в битве – Вальхаллой.

И говорят, что попавшему в Асгард нетрудно узнать Вальхаллу с первого взгляда: кровля её из боевых щитов, копья служат стропилами, дорогое оружие развешано по стенам, а на лавках всюду кольчуги. Парит над чертогом птица Одина – могучий орёл, а у западной двери раскачивается в петле волк, принесённый в жертву, – ибо Вальхалла не только пиршественные палаты, но и святилище. Шумит кругом двора река Тунд, вздувшаяся от непогоды, и стоят в чистом поле Ворота мёртвых – Вальгринд, не знающие ни замка, ни запора. Ибо не все приезжают в Вальхаллу с валькириями на конях, лишь самые достойные, не совершившие стыдных поступков. Иные из воинов идут на Небо пешком, и приходится им одолевая вброд реку Тунд и ворота Вальгринд, и таково испытание, которое им уготовано.

Говорят ещё, в Вальхалле бок о бок сидят за столами заклятые враги, в земной жизни так и не сумевшие примириться. Теперь они видят, что все их прежние распри – щенячья возня по сравнению с тем великим боем, что ждёт их и Богов на закате времён. Оттого каждый день поутру эйнхерии снимают со стен оружие и щиты и бьются между собою, как встарь, и сражённые насмерть поднимаются исцелёнными, едва коснувшись Земли. А потом все вместе моют звонкие чаши и понаряднее украшают чертог, если знают, что в Мидгарде нынче была великая битва и скоро валькирии привезут им новых друзей...

Велика дружина у Всеотца – пятьсот сорок дверей устро-

ено в Вальхалле, и говорят, что из каждой выйдет по восемьсот воинов, когда рог Гьяллархорн позовёт их готовиться к последнему бою... Но об этом потом.

Ярко освещают Вальхаллу мечи, висящие по стенам: столь ярко блестят они, отточенные, что не нужен огонь. Ещё есть там очаг и над ним на цепи – закопчённый котёл по имени Эльдхримнир; повар Андхримнир всякий день варит в нём чудесного кабана. Так велик тот кабан, что хватает его насытиться всем эйнхериям, уставшим в бою, – а наутро он снова цел и бежит искать желудей. Но, верно, пристала к его щетине толика сажи от котла, оттого и прозвали чудесного вепря – Сэхримнир.

И не прав тот, кто думает, будто эйнхерии лакомятся мясом всухомятку или пьют обычную воду. Низко склонились над пиршественным чертогом зелёные ветви Иггдрасиля; коза Хейдрун стоит на крыше Вальхаллы, на золочёных щитах, обрывая листву ясеня и молодые побеги. И струится из козьего переполненного вымени в большой жбан не молоко – золотистый хмельной мёд, и хватает его допьяна напоить всех гостей...

Сам Один пирует в чертоге вместе с эйнхериями. Подносят ему валькирии еду и питьё, но не нужна пища Вождю Асов – всё бросает он волкам Гери и Фреки – Алчному и Жадному, лежащим у ног. Славный мёд – вот Одину и еда и питьё. Всякое утро посылает он двух вещей воронов облететь мир: Хугин и Мунин – Мыслящий и Помнящий – вот

их имена. Без устали кружат они над Землёй, и страшится за них Отец Богов и Людей: возвратятся ли? Но всегда возвращаются птицы ко времени вечернего пира. Садятся на плечи Одину и нащёптывают ему обо всём, что делается на свете. Оттого-то воины, выступившие в поход, всегда радуются при виде двух воронов, с громким карканьем летящих вслед кораблю: это значит, сам Один незримо с ними в походе, и вот-вот появятся девять валькирий на взмыленных жеребцах, проскачут по вспененным гребням волн, сквозь седые клочья тумана – звать самых достойных на пир в чертоге Вальхаллы...

И кажется Людям – немалая это награда за раны и кровь, за смертные муки.

Валькирия и викинг

Бывает, однако, и так: шлёт Всеотец валькирию привезти в Асгард героя, уже совершившего достаточно подвигов, уже доказавшего, что достоин пить мёд на пиру у Богов. Спешит валькирия в битву, готовая подправить копьё, занесенное врагом, чтобы сразило оно героя, чтобы замерло пронзённое сердце, чтобы вылетела душа... И – в последний миг останавливается рука, не может подняться на храбреца, и вторгается в сердце героя не смерть, а любовь. Покидает подруг валькирия и живёт как обычная женщина, старится, умирает...

Вот что рассказывают про бесстрашного викинга Хельги и валькирию по имени Сигрун.

Отец Сигрун, прославленный вождь, решил породниться с конунгом Хёдброддом, богатым и знатным. Между тем дочь-валькирия видеть не могла жениха.

– Злой конунг, кошачье отродье! – вот как она про него говорила.

Но отец стоял на своём:

– Пойдёшь замуж за Хёдбродда. Такова моя воля.

А потом Один послал её в битву:

– Ждёт Вальхалла лучшего из героев, жду я славного Хельги.

Сигрун послушно оседлала коня и отправилась на берег

моря, к Волчьему Камню, туда, где Хельги поставил свой боевой корабль. На берегу, возле леса, гремело сражение; Сигрун быстро высмотрела вождя... но вместо того, чтобы отобрать его жизнь, принялась ему помогать. Что поделаешь, дрогнуло девичье сердце при виде героя, забилося больно и сладко. Видела Сигрун: вот он свалил грозного врага один на один, рассёк на нём шлем... но не стал добивать беспомощного, дал уползти. Когда же посрамлённые недруги с позором бежали, низкие тучи в небе неожиданно разорвались, и Хельги заметил прекрасную всадницу в забрызганной кровью кольчуге, в серебряном шлеме и с копьём, как будто светившимся в тонкой руке. Отчаянный викинг убрал в ножны меч и пошёл ей навстречу, и всей его храбрости еле хватило, чтобы робко спросить:

– Кто ты, дева? И почему ты так невесела? Могу ли я чем-нибудь тебе послужить?

Сигрун назвалась и ответила:

– Вечной рабыней буду я тому, кто отнимет меня у Хёдбродда, злого конунга, кошачьего отродья.

– Я сделаю это с радостью, – молвил Хельги. – Только незачем тебе становиться рабыней, лучше будь мне женой...

Долго они разговаривали. И Сигрун сложила с себя доспехи валькирии, попрощалась с подругами и с волшебным конём и не вернулась к отцу. Когда же Хёдбродд разыскал беглянку-невесту, Хельги одолел его в поединке. Они были счастливы с Сигрун, родились у них красавицы-дочери и

славные сыновья.

Но дома у Сигрун остался брат Даг, весь в отца, жестокий и жадный. Он дал клятву отомстить Хельги и в конце концов выполнил клятву – сразил викинга насмерть, ударил в спину копьём. Говорят, то копьё дал ему сам Один, которому Даг принёс богатую жертву. Давно хотел Всеотец видеть Хельги у себя в Вальхалле, давно хотел, чтобы тот возглавил эйнхериев... и вот – время пришло. Тело Хельги внесли в могильный курган, а Даг поехал к сестре:

– Я убил твоего мужа. Собирайся домой.

Но Сигрун не было дела до воли Богов и до той чести, что ждала Хельги на Небесах. Она прокляла брата:

Пусть не плывёт
отныне корабль твой,
как бы ни дул
ветер попутный!
Пусть не бежит
конь твой послушно,
когда от врагов
спасенья ты ищешь!
Пусть не разит
меч твой в битве,
разве что сам
сражён им будешь!..

Перепуганный Даг пытался оправдываться, валил всю ви-

ну на Одина, предлагал сестре золото и половину владений... Но Сигрун не взяла назад проклятия и не поехала с ним. Часто сидела она на кургане, и Люди видели – лунными ночами тень Хельги вставала к ней из могилы. Непокорный викинг не торопился за пиршественный стол Вальхаллы, не хотел разлучаться с любимой. И вот однажды утром служанки нашли Сигрун мёртвую на кургане, и на губах у неё была такая счастливая улыбка, что Люди поняли: даже воля Всеотца склонилась перед любовью – валькирия и викинг вознеслись в Асгард вдвоём. Хельги возглавил эйнхериев, как Одину и хотелось. И вот что ещё говорят: иногда, раз в сто зим, души Хельги и Сигрун вновь сходят на Землю, вселяются в смертных Людей. Никогда не умирает любовь.

Богиня любви

Мудрые Люди рассказывают: никогда не достигли бы Асы такого могущества, если бы не их дочери, сёстры и жёны – прекрасные и мудрые Асиньи. И если лучшим из Асов справедливо считают Одина, то самая великая и славная среди Богинь – конечно же, Фрейя, дарительница любви.

Ещё называют её Невестой Ванов, ибо отец её Ньёрд попал к Асам сначала заложником и лишь потом, прижившись, был введен в родство и стал зваться Асом. Хорошая Фрейя всех благосклоннее к людским молитвам, особенно когда влюблённые ждут её помощи. Очень по душе Богине, когда поют песни о верности и любви. А ездит она на двух пушистых ласковых кошках, запряжённых в лёгкую колесницу.

Те, кто видел палаты Фрейи в Асгарде, рассказывают – дивно велики они и прекрасны. Недаром зовётся этот чертог Сессрумниром – Вмещающим много сидений. Часто ездит Фрейя вместе с Одином на поля битв, и верят Люди, что достаётся ей половина убитых героев, тогда как другие отправляются к Одину в Вальхаллу. Может быть, Фрейя берёт к себе в Сессрумнир тех, кто был влюблён?..

Как все Ваны, она сильна в колдовстве и научила Асов этому искусству, дарующему высшую власть. Есть у Фрейи волшебное соколиное оперение: немало помогло оно Асам, когда выручить мог лишь быстрый полёт. Ещё есть чудесное

ожерелье: так хитро выковали его Карлики-брисинги, что можно носить его и как ожерелье, и как пояс; и верно сказывают мудрые Люди – нет лучшего лекарства роженице, чем пояс Богини любви. Но так вышло, что колдовством начали заниматься трусливые Люди, привыкшие бить исподтишка вместо честного поединка. Вот почему мужчины бросили колдовство, считая его недостойным своего мужества. Только женщинам оно позволительно, да и то, немногие похвалят колдунью. Особенно когда она переодевается в мужскую одежду, чтобы верней соткать свои чары. А колдуна-мужчину с презрением называют – муж женовидный. Поистине нет худшего оскорбления ни у Богов, ни у Людей. И никто не осудит женщину, надумавшую разойтись с постылым супругом, если вдруг обнаружится, что одежда его похожа на женскую.

...Многие Асы сватались к Фрейе, покорённые нежностью и красотой дочери Ньёрда. И наконец отдала она сердце одному из них, стал её избранником Ас по имени Од. Родились у них милые дочери: Хносс и Герсими – Драгоценность и Сокровище. А потом Од снарядил свой корабль и отправился в дальние странствия. Захотелось ему посмотреть, что же там за тёмными волнами Океана, мгlistым кольцом окружившего населённую Землю... Ушёл он в поход и не возвратился, говорят, до сего времени. Горько плачет по нему Фрейя, и слёзы Богини превращаются в червонное золото. Много неведомых стран объездила она в поисках мужа – и

вечно ждёт своего путешественника, затерявшегося в Океане, вечно смотрит с надеждой в непогожую даль – не появятся ли знакомые паруса...

Может быть, потому и прозвали её Богиней любви?..

Сватовство Фрейра

Брат Фрейи, Фрейр из племени Ванов, владеет дождями и солнечным светом, животворящим влажную Землю. Оттого не восходит посеянное зерно и не зреют плоды, если нет на то его воли. Есть у Фрейра вепрь Золотая Щетинка, на котором он ездит, и корабль Скидбладнир – Выстроенный из тонких дощечек. Хитро сделан этот корабль: куда бы ни шёл он, попутный ветер всегда тут как тут и наполняет полосатый парус. А выйдя на берег, можно свернуть чудесное судно, как простой платок, и спрятать в кошель.

Фрейр умеет за себя постоять, когда его обижают. Владеет он добрым мечом, похожим на солнечный луч, и сказывают, что ясный клинок сам наносит удар, если держит его рука мудрого храбреца. Фрейр не всегда носит этот меч, и как-то раз на него, безоружного, напал хримтурс по имени Бели – Фрейр его уложил обломком оленьего рога, подхваченным с земли, и не счёл это подвигом, сказав, что хватило бы кулака. Есть пророчество, что достанется Фрейру в последнем бою один из самых страшных врагов – огненный исполин Сурт, но и перед ним он не струсит...

И всё-таки Люди молят Фрейра не об удаче в бою, а об урожае и мире, просят у него приплода скота, счастливого брака и здоровых, крепких детей. Знают мудрые Люди, что безмятежная жизнь ему милее войны.

А вот как его самого подстерегла однажды Любовь. Ибо перед Любовью бессилён не то что Фрейр – даже суровый Один, Отец Богов и Людей...

Воссел как-то Фрейр на священный престол Хлидскьяльв и принялся обозревать все миры. И, видно, не обошлось тут без лишней гордыни: на миг лишь вообразил себя Фрейр самовластным владыкой Вселенной – и был тотчас же за это наказан. На всякого владыку есть кара, называемая любовью. Бросил он взгляд на север, в далёкий Иотунхейм, и разглядел там двор Гюмира и Аурбоды – четы инеистых исполинов. Неумехами и неряхами сльвёт всё это племя, но двор Гюмира оказался уютным и красивым на диво. А всего более поразила Фрейра девушка, шедшая к дому: вот подняла руку к дверному кольцу, и как будто сияние разлилось по Небу и по морю, так что посветлело во всех девяти мирах...

– Белорукая дева, – только и мог прошептать Фрейр.

Неистово забилося сердце в груди наследника Ванов, а потом как будто застыло. И побрёл он прочь опечаленный, зная: ни Асы, ни светлые Альвы не согласятся принять к себе Великаншу. Великое немирье было тогда между Хримтурсами и Богами. Вернувшись домой, не ел и не спал юный Бог и ни слова ни с кем не произносил. Начали вянуть цветы на солнечном лугу Идавёлль, пожухла трава, остановились в полёте дожденосные летние облака...

Тогда Асы не на шутку встревожились. Даже отец с матерью не отважились расспросить сына, что с ним случилось:

рассердится Фрейр – и не миновать голодной зимы на Земле и на Небесах. Решили послать к нему слугу Скирнира, с которым Фрейр вырос вместе, как с братом. Неохотно пошёл Скирнир, боясь услышать от друга недоброе слово. Но всё-таки пошёл и спросил:

– Отчего ты, хозяин и побратим, день за днём сидишь в пустой палате один? Расскажи, а я постараюсь помочь твоему горю.

Вздыхнул Фрейр и ответил:

– Не знаю, как и поведать. Не светит мне Солнце, нет в мире места моей любви. Зачем жить?

– Доверься мне, – сказал Скирнир. – Мы с тобой с детства не разлучались и верим друг другу. Или так велика твоя любовь, что для неё и слова не подобрать?

Тогда рассказал ему Фрейр о дочери Великана и о том, отчего нет надежды на счастье. Выслушал Скирнир и дал разумный совет:

– Поговорить бы с этой Герд, дочерью Гюмира, что ещё скажет. Ибо сдаётся мне, Асы и Альвы рады будут согласиться на ваш брак, чтобы только ты не сидел здесь, как неживой.

Не ошибся слуга. Сам Один погладил длинную бороду и припомнил, как некогда в молодости проводил ночь за ночью в сырых тростниках, дожидаясь свидания, и как всё не мог встретиться с возлюбленной наедине: пришёл первый раз – дом был полон гостей, пришёл второй раз – воины стояли на страже, а когда наконец сумел пробраться к люби-

мой, увидел, что девушка обманула его, владыку Богов: сама спряталась, а к лавке, в насмешку, привязана была собачонка...

Решили Боги послать свата к Гюмиру и Аурбоде, просить Герд для Фрейра. И снова выручил Скирнир. Знал он, что Великаны не потерпят в своей стране ни Аса, ни Вана, ни светлого Альва: отправятся свататься – не приключилось бы сражения вместо свадьбы! Он же, слуга, был простым Человеком, родом из Мидгарда. Дал ему Фрейр славного коня, не боявшегося даже мрачного пламени Муспелля, дал солнечный меч-самосек. И поскакал Скирнир.

Долго ли, коротко ехал – до самого Иотунхейма добрался верный слуга, подсказал к дому дочери Великана. Не испугался ни пламени, ни злых псов, лаявших у ворот. Пригласила Герд гостя в палаты, налила ему мёду, пошёл у них разговор. И так хотел Скирнир скорее обрадовать Фрейра, что позабыл совет мудреца: не заводить речей сразу о деле. Достал он подарки, что приготовили Асы:

– Вот одиннадцать золотых яблок, дарующих молодость всякому, кто их отведаёт. Это Фрейр, мой хозяин, прислал их тебе, потому что ты ему полюбилась.

– Знать не хочу твоего хозяина, – ответила Герд.

Скирнир продолжал:

– А вот золотое кольцо, его послал сам Один – каждую девятую ночь порождает оно восемь себе подобных...

Едва глянула на подарки гордая Великанша:

– Не бывать Фрейру никогда моим мужем. Не выменяет он моей любви за яблоки и кольцо!

– А вот меч у меня в руке, – сказал Скирнир в отчаянии. – Видишь руны на его лезвии? Снесёт он тебе голову, если будешь злословить!

Герд молвила:

– Никогда ещё в моём роду не терпели угроз! Мало поможет тебе твой меч, когда вернётся отец.

Не стал разумный слуга затевать схватку с Гюмиром – ибо мечом не берут любви, не рожают счастья убийством. Вышел он за ограду двора в дубовую рощу и начертал священные руны, а потом произнёс песнь, полную приворотных заклятий:

Руны я режу —
«турс» и ещё три,
но истреблю их,
так же, как резал,
когда захочу.
Жезлом укрощенья
ударю тебя,
покоришься мне, дева...

Было в той песни обещание праздника, были и кары упрямице. А когда вышел Скирнир из рощи – увидел: бежит Герд со двора, всюду ищет его, посланца Богов.

– Прими, гость, мой привет, – сказала, переводя дух. – Бы-

ла я с тобою невежлива, разговаривала не подумав. Неправду я молвила. Пал мне на сердце Фрейр – вот уж не мыслила я, дочь Великана, что полюблю Вана...

Так и не понял Скирнир, что помогло: могучие руны, которым научил его Один, или Любовь, которой от века нет дела до распри племён – на Небе и на Земле...

Один у Вафтруднира

Великан Вафтруднир прослыл в своём племени мудрейшим. По всем девяти мирам прошёл слух о его уме и неисчерпаемых знаниях. А ещё – о том, что каждого гостя он заставлял состязаться с собой в мудрости, не выпускал из дому, не разведав, кто носит в груди больше знаний – он сам или путник, забредший к порогу. На любой вопрос Вафтруднир отвечал без запинки, зато сам в конце концов всегда спрашивал что-нибудь такое, чего не знал гость. Оттого стали звать Великана Вафтрудниром – Сильным в запутывании. И так по душе пришлась ему игра, что начал он биться об заклад с каждым, с кем состязался. И бывало, что гибель ждала проигравшего.

Услышал про то Отец Богов и надумал проведать грозного Великана, решил сам взглянуть, кто такой Вафтруднир и где он живёт.

– Не ездил бы ты лучше, – молвила мудрая Фригг, когда Один пришёл к ней за советом. – Великаны родились прежде Богов, и кое-кто из них унаследовал древнюю мудрость. Вафтруднир старше тебя. Может, он вправду знает что-нибудь из прежних времён, неведомое тебе?

– И всё-таки я поеду, – сказал Вождь Асов. – Не дело терпеть, чтобы хвастался враг Богов и Людей!

– Что ж, поезжай, коль надумал, – вздохнула светлая Аси-

нья. – И вот тебе доброе заклятие в дорогу: здоровым отправься и возвращайся здоровым, будь невредимым в пути! И пускай в селениях Турсов не изменит тебе мудрость, Властитель Побед!

Фригг, пожалуй, сама посрамила бы в споре не одного мудреца: много тайн было в её власти, она даже провидела судьбы, как Норна, – хотя и не делала предсказаний. Потому и не стала особенно отговаривать мужа: знала, что не теперь суждена ему гибель...

Дом Вафтруднира стоял далеко на востоке, в Утгарде. Увидел мудрейший из Великанов гостя на пороге:

– Что там за пришелец, так неожиданно появившийся? Уж не состязаться ли со мною пришёл? Что ж, садись на скамью, если есть мужество поставить в залог свою жизнь, а если нет – уходи, иных условий я не приму! Да скажи сперва, кто ты таков?

Тогда вспомнил Один, как назвала его жена, напутствуя в дорогу.

– Зовут меня Гагнрадом – Властителем Побед... И во мне достаточно мужества, чтобы заплатить головой, когда проиграю. А на скамью сяду, когда признаешь меня достойным соперником и вновь пригласишь!

– Что ж, тогда отвечай, – начал Вафтруднир. – Как зовётся тот конь, что вывозит День в небо поутру?

– Скинфакси ему имя, – отвечивал Один. – Я слышал, немного найдётся коней, подобных ему: огнём горит его гри-

ва и освещает весь мир!

– А как, – спросил Вафтруднир, – имя коня, что привозит нам сумрак ночи из-за восточного края Небес?

– Это конь Хримфакси, – ответил тотчас же Один. – Вот кто вывозит к нам Ночь, и росой опадает на Землю пена с его удил...

И ещё много вопросов задал ему Великан: о далёком прошлом Вселенной, о древнем Имире, обо всех девяти мирах и о судьбах, что ждут живущих на свете. Но сколько ни спрашивал мудрейший из Турсов, гость отвечал без труда. Не мог Вафтруднир запутать его, как привык.

– Садись на скамью, я вижу, что встретил достойнейшего из достойных, – вновь пригласил он Одина. – Теперь твой черёд спрашивать, но запомни: не выдумаешь, чем меня удивить, – домой не вернёшься!

И вновь пошло у них состязание, игра в жизнь или смерть. Расспросил Один Вафтруднира, светлого разумом, о Луне и о Солнце, о рождении Ночи и Дня, о родине ветра и почему зимой холодно, а летом тепло. Без раздумья рассказывал древний Турс, помнивший ещё чуть ли не Имира:

– Боги дали Луне изменчивый облик, чтобы отсчитывать время. А ветер дует из Утгарда, ибо там сидит Великан Хресвелъг, принявший облик орла, и беснуется море, когда взмахнёт он крылами. Отцом Лета был Сवासуд – Ласковый, и оттого оно благонравно. Отцом же Зимы был Виндсваль – Холодный как ветер, сын Васада – Неприятного, и у них в

роду все жестокосердны и злобны...

Всю мудрость девяти миров выпросил у Вафтруднира Один. И наконец глубоко вздохнул и промолвил:

– Скажи, что поведал Один, Вождь Асов, своему любимому сыну, когда этот сын лежал на погребальном костре?

И тут Вафтруднир понял, кого вызвал на состязание.

– Никто не может этого ведать, кроме тебя самого, Один, Владыка Богов, – сказал он и опустил голову. – Обрѣк я, глупец, себя на погибель: тщился я тягаться с мудрейшим, кому нет и не было равных...

Так закончился спор, и пришлось Вафтрудниру расстаться с жизнью или не пришлось, земные Люди не знают. Но вот что он никого больше не вызывал на состязание в мудрости и не предлагал заложить голову – это наверняка. Понял, знать, что на силу всегда отыщется сила, на хитрость – лучшая хитрость, на мудрость – высшая мудрость...

Рождение чудовищ

Есть между Асами и такой, которого называют сеятелем лжи и раздоров, позорищем всех девяти миров. Звать его Локи. Он сын Великана Фарбаути и жены его Лаувейи, то есть совсем не Ас по рождению. Себе на беду, приняли Боги в свой род зачинщика распрей, стали ему побратимами. А от побратимства, уж коли оно совершилось, не отрекаются.

Локи красив собою и статен, но злобен норовом, труслив и очень непостоянен. Говорят, он хитёр на всяческие уловки и всех превзошёл в изворотливости и коварстве. Не раз и не два попадали из-за него Асы в беду и заставляли Локи самого расхлёбывать кашу, которую заварил... Но об этом потом.

Есть у Локи жена, зовут её Сигюн. И сыновья есть, Нар и Нарви, похожие на отца, такие же злобные, вечно дерущиеся между собой. И надо сказать, Сигюн всё-таки любит супруга, хотя от него никто не видел добра, в том числе и сама она, а в последнем бою – есть пророчество – ополчится он против Богов вместе с инеистыми Великанами и Сынами Огня...

Красавец Локи – коварный друг и муж не из верных. Случилось ему раз путешествовать в Утгарде, и забрёл Локи в самое гнездо Троллей, в Железный Лес. Там сидела старая-престарая Великанша по имени Ангрбода – Сулящая Горе. Не погнушался Локи отвратительной ведьмой, и роди-

лось трое детей, все чудовища: Фенрир Волк по прозвищу Лунный Пёс, клыкастый, мохнатый, затем змей Йормунганд и ещё дочь Хель.

Спустя время Боги узнали от провидицы об этих детях и о великих бедах, которые принесут они в мир, ибо мерзкая была у них мать, одно слово – Сулящая Горе, а отец и того хуже. Тогда послал Один Асов за Фенриром, Йормунгандом и Хель. И когда их привели в Асгард, сделалось видно, что не обманулась провидица, не попусту пугала Богов. Неподвижные глаза были у Змея и яд капал из пасти; Волк щерил клыки, и было заметно – когда войдёт в полную силу, сумеет эта пасть проглотить Солнце. А Хель, ссутулившись, стояла молча в сторонке, но всякий спешил отвести от неё взгляд: была она огромного роста и наполовину синяя, наполовину цвета тухлого мяса, да и глядела свирепо...

Тут показалось Богам – незачем бы подобным созданиям осквернять собой мир. Но слишком священен был Асгард, чтобы пролить в нём кровь.

Взял Один Йормунганда и выпустил в Океан – и так разрослось там чудовище, что вытянулось вдоль всех берегов и начало кусать собственный хвост. За это прозвали его Поясом Земли и ещё Мировым Змеем – Мидгардсормом.

Великаншу Хель Один отправил вниз, в древний мрак Нифльхейма, велел давать приют всем, кто будет к ней послан – а это Люди, умершие от старости и болезней – в соломе, как принято говорить. С тех пор по имени Хель нарекался

весь Мглистый Предел, и умерших часто называют «жителями Хель». Есть там добрые чертоги, мягко застланные лавки и накрытые столы для справедливых и славных Людей, проживших достойную жизнь. Но есть и злая река Слип, текущая с востока, с заснеженных гор, где ещё не растаял иней бездны Гинунгагап; ядовита её вода и несёт мечи и ножи вперемешку с осколками льда. Вечно идут через неё вброд подлые убийцы, нападавшие сзади или в ночной темноте, и с ними те, для кого не была священна чужая жена. А иных, кто предал побратима или вождя, кто нарушил крепкую клятву, ждёт Берег Мёртвых – Наstrand и хоромы, сплетённые из живых змей, дверью на север. Вот какие владения у Хель.

А Фенрира Волка Боги вырастили у себя, чтобы не спускать с чудовища глаз, ибо из всех троих был он самым опасным. Лишь Тюр, бесстрашный и мудрый Ас-воин, Бог справедливых законов, отваживался его кормить, и Волк ему доверял. Теперь убить его сделалось совсем невозможно, ведь он делил с Асами пищу. Но день ото дня он рос и делался всё злобней и ужасней, и пророчество за пророчеством говорило, что он и есть Лунный Пёс, будущий пожиратель Солнца, рождённый всем на погибель. Знал об этом и сам Волк. Собрались Асы на совет – и решили сделать крепчайшую цепь и связать Фенрира, чтобы отдалить погибель Вселенной, чтобы смиренно лежал он до своего часа и не натворил лишней беды... Но как подступиться к чудовищу? Разве что подговорить его устроить испытание силы, ибо хвастлив был Фен-

рир, как почти все Великаны, и любил бахвалиться силой, а не умом.

Сказано – сделано. Волк охотно дал надеть на себя оковы, упёрся – лопнула толстая цепь, точно гнилая верёвка. Выковыляли Боги новые путы, вдвое крепче прежних. Подумалось Фенриру – немалая слава их разорвать! Снова дал надеть цепь на себя, рванулся – и только звенья посыпались...

Тогда Один послал Скирнира, слугу Фрейра, под землю, к Карликам. Ибо всем ведомо – нет более искусных умельцев во всех девяти мирах. Поведал им Скирнир про Волка: ведь это его, Фенрира, сыновья уже гнались по Небу за Луною и Солнцем, замышляя погибель Вселенной. Он сказал:

– Даже вам несладко придётся в ваших пещерах, не отсиживаетесь, когда грянет последняя битва и Небо рухнет расколотым...

Взялись за дело искусники. Смешали шесть сутей: шум кошачьих шагов, женскую бороду, корни гор, медвежьи жилы, рыбе дыхание и птичью слюну – всё, что есть на свете, и всё, чего нет. И выткали гладкую и мягкую ленту, шелковистую и на вид совсем не опасную. Привёз её Скирнир на остров Люнгни, что в озере Амсвартнир – там как раз собрались Боги и с ними Волк. Стали Асы передавать ленточку из рук в руки, и каждый пробовал разорвать. Но она не рвалась.

– Только Фенриру это под силу, – говорили они между собой. – Попробуй-ка, Фенрир, если не трусишь!

Обнюхал ленточку Волк и ответил презрительно:

– Не стяжать славы, порвав на куски подобную шелковинку. А если в ней какой обман или хитрость, тогда и пробовать незачем!

Молвили Боги:

– Коль не сумеешь порвать её – значит лживы пророчества и есть предел твоей силе, а стало быть, ты не тот Лунный Пёс, которого мы так опасаемся. Разве не хочешь, чтобы мы отпустили тебя домой в Железный Лес бегать на воле?

Но всё-таки Волк заподозрил неладное и сказал так:

– Знаю, не видать мне пощады, если свяжете. И чем обвинять меня в трусости, пусть-ка один из вас вложит руку мне в пасть в знак того, что всё без обмана!

Подошёл Тюр и молча вложил Волку в пасть правую руку... Опутали Волка – и как он ни рвался, лишь крепче делалась лента и всё больше впивалась в тело. Тогда Боги с облегчением засмеялись: не скоро освободится чудовище! Лишь Тюр не смеялся, мучимый болью, ведь у него не стало руки.

Асы тогда взяли конец пут, привязали к огромному камню и зарыли тот камень глубоко в недра Земли. Фенрир Волк в ярости страшно лязгал клыками, пытаясь дотянуться до каждого, кто приближался. Изловчились Асы и вставили ему в пасть острый меч, так что челюсти не смыкались. Остался Волк лежать связанным на острове Люнгни. В ветреную погоду оттуда по сей день доносится вой, а слюна, бегущая у Фенрира из разинутой пасти, смешалась с озёрной водой и

дала начало реке. Зовут эту реку Вон – Надежда, ибо знает Волк, что плен будет не вечным: написано ему на роду проглотить Солнце и Месяц, погубить Богов и Людей. Знают это и Асы. Обманом отсрочили они гибель Вселенной, выбрав меньшее из двух зол. Но ведь Зло всегда остаётся Злом – малое и большое, на Небе и на Земле...

Тюра отнесли домой на руках. Он не жаловался, однако видели Асы – гложет его что-то хуже, чем боль. Наконец он сказал:

– Теперь я не могу больше быть Богом справедливых законов, ведь я пошёл на обман. Хотя бы этот обман и был нужен для спасения мира. Я не могу больше разбирать тяжбы и назначать выкупы. Теперь судить будет Сила, а не Закон: кто сильнее, тот и окажется прав. Никто уже не назовёт меня миротворцем...

Тогда Боги задумались, а вправду ли они выбрали меньшее из двух зол. Но было поздно.

Волосы Сив

Старшего сына Одина зовут Тор, и сама Земля доводится ему матерью. Старшие сыновья нередко рождаются бесхитростными душой, но зато смелыми и надёжными. Таким удался и Тор. Он сильнейший среди Богов и Людей, и борода у него рыжая, как огонь, а кудри – как грозовые тучи. Тор ездит на колеснице, запряженной двумя козлами. Гремят окované железом колёса, и слышат Люди катящийся по небу гром. Тор – Бог-воин и вечно сражается с Великанами; если бы он не держал их в страхе, уж верно, давно захватили бы они Асгард и опустошили всю Землю. Тор является тотчас, когда его зовут на подмогу. Он часто попадает в своих походах в опасные переделки и возвращается домой оборванным и босым – но непременно с победой.

Дома его ждёт старшая жена по имени Сив, младшая жена Ярнсакса, дочь Трюд, сыновья Моды и Магни и ещё пасынок Ульв. Дружная семья у Бога грозы, и он не завидует Одину, чью мудрость унаследовал другой сын – светлый Бальдр. Не всем быть вождями, не одни мудрецы на свете нужны...

Зато есть такие меж Асами, кто завидует Тору.

Сказывают, злобный Локи хотел в отсутствие Тора склонить Сив к измене; когда же не удалось – схватил Богиню за волосы и обкромсал ножом золотые пышные пряди, изуродовал красоту. Благо сыновья Сив были в ту пору совсем ма-

лы и не смогли заступиться за мать.

Вернувшись Богу грозы хватило одного взгляда на плачущую жену. Оставил он запылённую колесницу и кинулся разыскивать Локи. Быстро бегал сын Лаувейи, но не быстрее молнии. Разъярённый Тор схватил Локи и переломал бы ему все кости, но тот завопил:

– Пощади!.. Я поеду к Карликам и упрошу их сделать для Сив новые волосы – из чистого золота!..

Тор встряхнул его, как крысу:

– Ты одного волоска её не стоишь, ничтожный!

Локи извивался в его железных руках, умоляя:

– Ты же знаешь, какие это умельцы...

Выслушал Тор заманчивые посулы, дал Локи пинка и отпустил.

Натянул злобный Ас волшебные башмаки, носившие его по воздуху, как по земле, что было духу помчался из Асгарда вниз, уломал одного Карлика сделать для Сив золотые волосы, а в придачу ещё копье и корабль. Как уж ему удалось это, нам не известно – крепко, видно, перепугал его Тор... Когда же всё было готово, поуспокоившийся Локи не вытерпел – снова обнаружил коварство. Отправился к другому Карлику, Эйтри, и показал сокровища:

– У тебя никогда таких не получится.

Раззадорил мастера, даже поставил в заклад свою голову – ничего, дескать, не выйдет. Обиделся Эйтри. Пошёл в свою кузницу, положил в горн свиную кожу, а брата Брокка поста-

вил у мехов:

– Работай без передышки, иначе погибнет положенное в горн!

Но стоило ему отойти – тотчас Брокку села на руку муха и начала жалить, да так больно, как ни одна муха не жалит. Хотел убить её Брокк, но не мог бросить мехи, качал и качал – и вышел из горна вепрь с золотой щетиной.

Затем Эйтри положил в горн золото и велел поддувать вдвое сильнее. Тут вновь, откуда ни возьмись, прилетела муха и впиалась Брокку в шею, так что он света невзвидел. И вновь он не бросил работы, и вышло из пламени кольцо – ничем не украшенное, но такое, что нельзя отвести глаз.

И наконец положил Эйтри в горн железо:

– Дуй втрое сильнее, иначе всё пропадёт!

Тут-то муха уселась Брокку меж глаз и ужалила в веко, так что кровь залила глаза. Не выдержал Брокк, вскинул руку отогнать злобную тварь... опали мехи, и едва не погибло всё, что готовилось в горне. Но всё-таки Эйтри не оплошал и выхватил из пламени чудесный молот, сверкающий как молния.

Эйтри вручил все сокровища брату, велел идти в Асгард:

– Локи ставил в заклад свою голову, вот и принеси её мне.

Надо думать, Брокк пошёл очень охотно: он ведь догадался, что за муха жалила его без пощады.

Вот встали Локи и Брокк перед судейскими тронами Асов, и поручено было судить дело Одину, Тору и Фрейру.

Приложил Локи золотые волосы к остриженной голове Сив – и тотчас прижились они и принялись расти гуще прежнего. Дал хитрец Одину копьё Гунгнир, разящее без промаха. Подарил Фрейру корабль Скидбладнир. И стал уверенно ждать приговора Богов – ведь каждому из судей был поднесен подарок.

Тогда Брокк достал свои сокровища. Он отдал Одину кольцо, прозванное впоследствии Драупнир, ибо каждую девятую ночь капали из него восемь подобных же. Фрейру Карлик подвёл чудесного вепря: в самом Нифльхейме, в Стране Тьмы, с ним светло – так сияет его золотая щетинка. Можно было скакать на том вепре по воздуху и по воде – ни один конь не догонит... А Тору достался молот-молния Мьйолльнир. Можно метнуть его через полмира, и он, сразив цель, возвратится в руку хозяина. Без промаха бьёт этот молот и никогда не отказывается служить, и лишь один у него изъян – рукоять чуть коротковата. Это из-за того, что муха ужалила Брокка в глаз, когда он качал мехи.

Боги признали молот лучшим сокровищем. Принялся Локи сулить выкуп за голову, но у Карлика всё ещё болели рука, шея и веко, и он стоял на своём.

– Что ж, лови меня, коротконогий, – засмеялся Локи и умчался прочь в своих башмаках, что умели бегать и по морю, и по облакам.

Взмолился Брокк, упросил Тора поймать обидчика. Не смог Локи удрать от колесницы Бога грозы, схватил его Тор

и привёз назад на расправу. И быть бы Локи без головы, да вновь выручила хитрость:

– Несправедливо получится, если перережут мне шею, ведь договаривались не о шее, а только о голове.

Пуще прежнего обиделся Брокк – и, говорят, тотчас прыгнули ему в руки шило и ремешок, мигом зашили рот коварному Локи. Еле-еле избавился Локи от того ремешка.

Конь Слейпнир

Когда мир был ещё юным и Асы только-только обживали его, устраивая себе дворы в Асгарде и Вальхаллу для будущих поколений героев, – явился к ним некий мастер и предложил за три полугодия выстроить вокруг всего Мидгарда хорошие каменные стены, чтобы ни горные Великаны, ни инеистые исполины Хримтурсы не сумели его захватить. А себе выговаривал каменщик в жёны Фрейю – Богиню любви, и в приданое Фрейе – ни много ни мало Солнце да Месяц.

Стали Асы советовать, да вот беда: мудрый Один как раз странствовал где-то, а Тор ушёл в поход на восток, отгонять от земных границ Великанов. И насоветовал Локи посулить каменщику всё, что он просит, но сроку дать не три зимы, а всего одну, и если к первому летнему дню хоть самая малость окажется не готова – не видать строителю ни Фрейи, ни Солнца, ни Месяца. Да чтобы строил один, никого не звал на подмогу. Выслушал мастер и стал просить позволения взять в помощь своего коня Свадильфари. И снова шепнул Богам Локи – дескать, надо позволить.

На том порешили и заключили договор при свидетелях, скрепив его многими клятвами, потому что не доверял строитель Богам, а Боги – строителю...

Вот настала зима, и он принялся за работу. Днём складывал стену, а ночью подвозил для неё камни, и тут-то поняли

Асы, что не подумав позволили каменщику взять в помощь коня. Могучий конь Свадильфари делал вдвое больше хозяина: Асы только дивились, глядя, какие громадные глыбы он с лёгкостью перетаскивал... Ото дня ко дню вырастала стена и выглядела прочной и высокой, как горный кряж, – никто не возьмёт приступом, сколько бы ни пытался. Знай поглядывал строитель на светлую Фрейю да всё махал ей рукой. Поднимал глаза к Солнцу и Месяцу и потирал жадно ладони...

Три дня осталось до лета, и не на шутку забеспокоились Асы, ибо лишь только ворота стояли ещё не готовыми. Сели Боги на свои престолы и вновь начали совещаться, припоминая, кто посоветовал отдать Асинью каменщику и обезобразить небосвод, сняв с него Солнце, Месяц и звёзды? И решено было, что поделом достанется Локи, сыну Лаувейи, лютая смерть, если не выдумает, как помешать мастеру выполнить условия договора. Струсил коварный Ас и поклялся устроить, чтобы Фрейя осталась в Асгарде, а светила – на Небе...

И вот в тот же вечер, когда запряг строитель коня Свадильфари и отправился в горы за камнем – откуда ни возмись выбежала из лесу красавица кобылица и с призывным ржанием поскакала прямо к коню. И так была она хороша и так весело прыгала, скакала и каталась по весенней траве, что не выдержал Свадильфари – заржал в ответ, в клочья порвал упряжь и ринулся за кобылицей. А та повернулась – и в лес.

Это Локи опять унизился до колдовства и, что самое гнусное, изменил не только обличье – даже свой пол...

Схватился за голову каменщик и бросился вдогонку коню, принялся звать его, пытался ловить. Куда там! Могучий конь всю ночь носился с кобылицей, так что не привезли ни одного камня и утром не из чего было строить остаток стены. Едва-едва сдвинулось дело. А пришёл вечер, и всё повторилось: вновь увела жеребца красавица кобылица, и опять недоделанной осталась работа.

Тут понял каменщик, что не успеет кончить работы, и впал в такую ярость, что Асы тотчас признали в нём горного Великана. Вот кто, оказывается, испрашивал себе в жёны Фрейю, а в приданое – Солнце и Месяц! Не посмотрели Боги на клятвы, кликнули Тора. И немедленно явился Тор, прогремели окованные колёса, взвился молот-молния, занесённый могучей рукой:

– Я-то никому клятв не давал!

Так заплатили Асы мастеру за работу – получил Великан не Солнце и звёзды, а удар молота, бьющего без промаха. Отправился он в Тёмный Мир Нифльхель, в ту его часть, где селения умерших Турсов, а Боги с облегчением перевели дух. Но смутно было у них в сердце – ибо знали они, что нарушили крепкие клятвы, а это никому не прощается, ни на Земле, ни на Небе...

Поплатился и Локи за коварные советы и колдовство. Долго ещё пришлось ему ходить в облике кобылицы – пока

не родил жеребёнка. Жеребёнок был серой масти и о восьми ногах, и назвали его Слейпнир – Быстро скользящий. Он не унаследовал коварства злобного Локи и вырос в славного жеребца, верного спутника самого Одина. Один ездил на нём по Земле, по воздуху и по морским волнам. И говорят, нету лучше коня ни у Богов, ни у Людей.

Яблоки Идунн

Вещие вороны Хугин и Мунин каждое утро рассказывают Одину обо всём, что происходит на свете. Но даже и с такими помощниками не легко быть Вождём Богов и Людей, если всё время жить в Асгарде, не спускаясь на Землю. Ибо многое видно с чудесного престола Хлидскьяльв, но не всё. Вот почему Всеотец нередко путешествует по Мидгарду на коне Слейпнире или просто пешком. Всего чаще приходит он в обликии одноглазого старика, одетого в полинялый синий плащ и широкополую шляпу, – так, как явился он к Гейррёду конунгу. И часто бросает Один между героями незримые руны раздора, руны вражды, испытывая мужей. Ему нужны лучшие для Вальхаллы, для небесной дружины, для последнего боя против чудовищ. Вот отчего синий цвет его одеяния с незапамятных пор прозван цветом отмщения; в синее одевается воин, идя мстить за обиду, и вороны Одина с карканьем летят ему вслед...

Иногда Один путешествует без спутников, иногда же берёт с собою других Асов – чаще всего Локи и Хёнира, того самого Хёнира, что ещё жил у Ванов заложником. Одно время они столь часто путешествовали втроём, что иным Людям стало казаться, будто даже Аска и Эмблу Один изваял и одушевил, странствуя не с братьями, а с Локи и Хёниром. В самом деле, иные в роду человеческом столь переполнены

злостью и подлостью, что сам Локи охотно признал бы в них своих внуков, а другие простодушны и нерасторопны умом, в точности как Хёнир.

Между тем этот Ас – надёжный попутчик и ходок – лучше не бывает. Скальды Мидгарда величают его «проворным Асом» и даже «длинной ногой». Он не речист, но не поскользнётся на обледенелой тропе и в самый дождь ухитрится затеплить костёр на морском берегу, устраивая ночлег... Что же касается Локи, то с ним не соскучишься, но всё время надо держать ухо востро. Потому и берёт его Один с собой: от его единственного глаза коварному Локи трудней увернуться, чем от взглядов всех остальных Асов, вместе взятых. Однако бывает по-всякому...

Отправились трое Асов путешествовать в Мидгард, и завела их дорога на самый север Земли. Долго шли они извилистыми берегами фиордов, и скрипел под ногами влажный чёрный песок, а в спокойной воде лежали молочно-голубые осколки громадных льдин, не растаявшие с зимы. Шли через горы, закутанные в серые плащи тумана, и ещё через такие места, где пламя Муспелля когда-то вырвалось из-под земли и расплавленный камень застыл причудливыми потёками... Наконец, притомившись, стали подумывать о ночлеге. И когда летнее Солнце ненадолго направило коней к горизонту – остановились возле ручья в привольной долине. Припас же у них к тому времени кончился, и Локи, конечно, стал ныть и жаловаться на голод, а Хёнир без лишних слов поднялся и

пошёл поглядеть, не найдётся ли чего съестного поблизости. И вскоре вернулся, неся на плечах быка: он встретил стадо, щипавшее зелень на склоне.

Решили Асы полакомиться. Набрали сухого хвороста, развели костёр, а когда дрова прогорели, нарезали лучшие куски мяса – окорока и лопатки – и положили между раскалёнными камнями поджариваться.

Спустя время голодному Локи подумалось, что, верно, уже готова еда; раскидал костёр и увидел – лежит мясо между дымящимися камнями холодное и сырое, словно и не коснулся его жар. Удивились Асы, сгребли побольше углей в середину, решили ещё подождать. Тут уж у Локи голова пошла кругом и живот прилип к спине – еле вытерпел срок, наконец снова раскидал угли... как прежде, холодное и сырое лежало мясо в камнях и не думало жариться.

– Что же это значит? – спросил тогда Хёнир.

– А вот что, – раздался чей-то насмешливый голос над их головами. – Я здесь хозяин, и по моей воле не жарится ваша еда.

Подняли Асы глаза и увидели громадного орла.

– Я знаю тебя, – сказал тогда Один. – Ты Тьяцци, Великан в обличье орла. Это верно, что ты здесь хозяин, ведь Утгард отсюда недалеко. Как бы сделать, чтобы ты разрешил нам поесть?

– Сырого мяса у меня вдосталь, – ответил орёл, – а вот жареного я давненько не пробовал. Обещайте досыта меня

накормить, а я, так и быть, позволю огню приготовить ваш ужин.

– Что ж, угощайся, – сказал Один Великану.

И тотчас мясо зашипело между камнями, покрылось корочкой и запахло так вкусно, что Локи затопал ногами и замотал головой. Тут орёл сел вместе с Асами у костра и, едва отодвинули угли, принялся за бычьи окорока и лопатки. Увидел Локи, как проворно начали исчезать в его клюве самые лакомые куски, – не вытерпел, схватил большую палку и что было силы ударил орла. Орёл от удара встрепенулся и взлетел, и вот диво – палка накрепко пристала к его спине, а руки Локи – к палке. Повернул голову Тьяцци-орёл и усмехнулся, глядя на вероломного Аса. И полетел не спеша, на такой высоте, чтобы ноги Локи тащились по скалам и осыпям, а потом – по деревьям, когда начался лес. Никак не мог Локи освободиться: камни и острые сучья в клочки разодрали на нём одежду и обувь, изранили тело, а руки готовы были оторваться от плеч. Локи кричал от боли и страха, пока не охрип, потом слёзы полились из глаз. Забыл Локи всю свою заносчивость, стал умолять орла о пощаде, сулить выкуп за свою жизнь.

– Не бывать тебе на свободе, обидчик, – сказал наконец Тьяцци, – разве что поклянёшься выманить мне из Асгарда Идунн с её молодильными яблоками. Я становлюсь стар и не хочу умереть, пока не выдам замуж дочь...

Исцарапанный Локи тотчас же согласился:

– Клянусь бортом корабля Скидбладнира, хребтом коня Слейпнира и лезвием меча-самосека, что выманю тебе Идунн, и поступай с нею как хочешь, только выпусти меня поскорее!..

– Добро, – молвил орёл, и палка отстала от его спины, а руки Локи – от палки.

Свалился Локи на серые камни и долго лежал, охая и жалуясь на судьбу, потом кое-как поднялся и, хромая, поплёлся назад, туда, где сидели два Аса. И порадовал ли его кусок остывшего жаркого, что приберёт ему Хёнир, – земные Люди не знают. Известно лишь, что Локи никому не рассказывал о своём уговоре с орлом. И больше в тот раз ничего не случилось с троими Богами до самого возвращения домой.

Молодильные яблоки вправду росли в саду у Асиньи Идунн, и Боги, чувствуя приближение старости, приходили к ней и отведывали чудесных плодов. Вот почему Один всегда оставался седобородым мужем, но никак не дряхлым стариком, Тор – могучим воином в самой середине жизни, а все Асиньи – прекрасными юными жёнами. Идунн была замужем за Асом по имени Браги; этот Браги родился в Мидгарде, среди смертных Людей, но ему первому среди них довелось вкусить мёда поэзии, стал он величайшим на всей Земле скальдом – и был взят в мир Асов и введен в их род, стал Богом поэтов.

Однажды утром Локи заглянул в сад, где Идунн ухаживала за яблонями:

– Пойдём со мной в лес, я нашёл там яблоки, которые наверняка тебя удивят. Да захвати корзиночку этих, чтобы сравнить!

Доверчивая Идунн сорвала несколько яблок и вышла вместе с Локи за ворота Асгарда, расспрашивая дорогой, что за удивительные плоды попались ему в лесу. Но только вступили они в лес и вышли на поляну, где, по словам Локи, росли дикие яблони, – пал с неба Великан Тьяцци в оперенье орла, схватил Идунн в огромные когти и мигом унёс в Утгард, на север, в окутанные туманом снежные горы.

Асы не сразу заметили исчезновение Идунн: Богам и Богиням нередко случалось путешествовать, надолго уезжая из дому. Даже Браги, вещий поэт, не понял сперва, что Идунн пропала. А Локи, понятно, молчал.

Но прошло время, и Асы увидели – случилась беда. Яблони Идунн соскучились по хозяйке и, как ни поливали их Боги, совсем перестали плодоносить. Начали Асы седеть и стареть, стали покрывать их лица морщины, а могущество – ослабевать. Тут собрались они на тинг и вместе припомнили, когда и с кем последний раз видели Идунн:

– Это Локи увёл её из Асгарда, и она не вернулась!

Немедля поймали и привели на тинг Локи. Начал он отпираться, мол, не поймёт, о чём речь, но глаза бегали. Пригрозили ему Асы, что не посмотрят даже на кровное побратимство:

– Из-за тебя мы опять попали в беду, так что держись,

если не выдумаешь, как спасти Идунн и всех нас!

А Тор молча взялся за рукоять молота-молнии, и, говорят, это-то напугало Локи больше, чем все смертные муки, которыми ему угрожали. А впрочем, другим Людям кажется, всё дело в том, что красавец Локи и сам начал стариться и седеть, как другие, а стало быть, ни одна женщина, кроме верной Сигюн, скоро не захочет на него смотреть... Как бы то ни было – струсил Локи и обещал, что вызволит Идунн из плена, если только Богини одолжат ему соколиное оперение. Асиньи тотчас его принесли. Надел Локи быстрые крылья и во весь дух понёсся на север.

Промелькнули фиорды, забитые льдами, прибрежный чёрный песок, на который с шорохом выплёскивается волна; промелькнули горные снежники и поля бурого камня, вытекшего когда-то из-под земли жидким огнём. И вот наконец Страна Великанов и дом исполина Тьяцци, вот Идунн, грустящая на пороге.

Локи сразу увидел, что Идунн была дома одна – Тьяцци с его дочерью Скади уплыли в море на лодке, ловить рыбу на ужин. Не стал Локи терять времени даром – тотчас превратил Идунн в лесной орех, взял его осторожно в когти и помчался домой.

Тьяцци же, возвратившись, немедля хватился пленницы; а поскольку этому Великану была ведома древняя мудрость, он скоро понял, какой такой сокол мелькнул над его лодкой, когда он и Скади выгружали на берег улов. Поспешно надел

Тьяцци своё орлиное оперение:

– Это Асы, дочь, выкрали у нас Идунн. И ты должна будешь отомстить, если со мной что-то случится.

И кинулся в погоню за Локи – только ветер свистел в огромных крыльях.

Долго мчались сокол и орёл – над морем и над горами, над каменными равнинами и вдоль извилистых ущелий фиордов, в морозной солнечной вышине и в тумане, что поднимался с клокочущих горячих озёр. Но вот наконец и Асгард; и Асы, увидев мчащихся птиц, убежали за стены с ворохом стружек. Локи без сил свалился им прямо под ноги, а Браги подхватил лесной орех, выпавший из соколиных когтей, и мгновением позже целовал заплаканную Идунн. Асы тем временем подожгли стружки – и Тьяцци, не в силах остановиться, влетел прямо в огонь. Вспыхнули и сгорели орлиные перья, и Тьяцци вынужден был принять свой истинный облик. Подоспевшие Асы схватились с ним, и Тор поразил его насмерть.

А Идунн побежала к своим яблоням, и те, сказывают, при виде хозяйки немедленно расцвели, а к концу лета принесли урожай, да такой, какого не помнили самые старые Асы. Отведали Боги яблоч, и возвратились к ним силы, вернулись молодость и могущество, а у Асинь пропали морщины и седина, и всё стало как прежде.

И Локи успел позабыть о Скади, дочери Великана. Локи привык делать первое, что ему приходило на ум, и редко раз-

мышлял о последствиях, да и то, если удавалось его изловить и припереть к стенке, заставить держать ответ.

Скади

Между тем Скади, дочь Великана Тьяцци, умела не только пасти коров, стричь непослушных овец и кроить нарядные платья. С детства выучилась она бегать на лыжах на зависть любому юному Великану, даже Хримтурсы не могли с нею равняться, а ведь они сами были детьми зимы и мороза. Скади привыкла стремительно мчаться с самой высокой горы, с самого крутого откоса, весело огибая деревья и валуны и не расплескав на ладони чашу с водой, – только лыжи свистели да снежная пыль вилась за плечами, как серебряный плащ!

А ещё умела Скади сражаться и так ловко со временем стала владеть отцовским мечом, что Тьяцци однажды подарил ей шлем, щит и кольчугу, сказав:

– Из тебя получилась бы валькирия!

И надо ли говорить, что ко всему прочему Скади была красавица, каких мало.

Долго, до самой зимы, ждала она отца, умчавшегося в погоню за Локи; и наконец поняла, что срок ожидания миновал, настало время для мести. Тщательно осмотрела Скади кольчугу, наточила и смазала меч, взяла в руки копьё, надела за спину щит. Заперла дверь отцовского дома. Встала на лыжи и пустилась в путь по горам, заваленным снегом.

Долго путешествовала Скади. Тяжёлые облака ползли через перевалы, туманом окутывая тропу, лишь седые верши-

ны вздымались в холодную синеву, сверкая на солнце. А по ущельям сонно переговаривались водопады, разодетые ледяными кружевами. И неумолчно ревел, сотрясая береговые утёсы, океанский накат, и ледяные горы, подхваченные течением, медленно проходили у горизонта...

И вот однажды рано поутру Асы проснулись и выскочили из домов, разбуженные громовым ударом в ворота. Закаркали вещие вороны в доме у Одина, завыли волки Гери и Фреки; рыжебородый Тор схватил молот; эйнхерии встали с оружием у двери Вальхаллы – не рог ли то Гьяллархорн протрубил, не Фенрир ли вырвался из оков?

Между тем за воротами Асгарда на снегу стоял одинокий воин в кольчуге и шлеме, с копьём в руках и со щитом за спиной, и далеко, до самого леса на склонах Гор Ущербной Лунны, тянулась проторенная лыжня. Всем хорош был воитель, обрекший себя на гибель в схватке с Богами – недоставало лишь бороды, зато были густые светлые волосы, летевшие по ветру. И когда он увидел сбежавшихся Асов и снова поднял копьё, ударив черенком в ворота, – содрогнулись дубовые створки ворот и едва не упали.

– Кто ты? – спросил Тор. – И что тебе надо?

– Мой отец Тьяцци пал у этой стены, опалённый вашим огнём и сражённый вашим оружием, – ответил звонкий девичий голос. – Дело дочери взяться за месть, когда нет сыновей!

Тут поняли Боги, что перед ними дочь Великана. И на-

змурился Тор, опустил руку, столько раз заносившую безжалостный молот. Переглянулись эйнхерии, не отступавшие перед врагом, убрали в ножны мечи...

– А не заключить ли нам мировую? – сказал тогда Один. – Ты же знаешь, что твой отец выкрал у нас Идунн и погиб, пытаясь помешать нам вернуть её. Он говорил, что не хочет состариться, пока не найдёт для тебя достойного жениха. Вот ты и получишь в мужа одного из наших Асов, кого сама изберёшь.

Скади сперва залилась краской от гнева, услышав подобные речи; однако потом разглядела подле Вождя Богов его младшего сына, улыбчивого светлокудрого Бальдра... и сам собою стих её гнев. Бальдр показался ей мужественным, как Тор, только много красивее старшего брата. Волосы у него были мягкого золота, как весеннее облачко на рассвете, а глаза – синие-синие. Были в них мудрость и мужество – и что-то ещё... И вот что совсем растопило сердце дочери исполина: стоял рядом с Бальдром другой Ас, широкоплечий, но с плотно зажмуренными глазами и невесёлый на вид. Словно бы тень лежала на нём, и Скади заметила – прочие Асы как будто сторонились слепого, лишь Бальдр, светлый Бог, держал его за руку, рассказывая об удивительной госте... Были эти двое похожи один на другого, как братья. Вот Бальдр поймал пристальный взгляд Скади – и не свёл золотистых бровей, не погрозил кулаком – приветливо улыбнулся...

И непреклонная Скади решила: не трону его, если всё-таки придётся сражаться.

– А ещё мы возьмём глаза Тьяцци и бросим их в самое Небо, и там они станут двумя звёздами, – сказал Один.

И подумалось Скади, что звёздное Небо, пожалуй, увековечит память её отца крепче, чем все рассказы о мести, которую могла бы совершить она, дочь.

– Хорошенько подумай, воительница, – сказал Один. – Истребовать выкуп с Богов – это много почётнее битвы!

И тут тугодумному Хёниру вспомнилось, как они жарили мясо и сын Лаувейи ударил орла. Он сказал:

– А Локи, зачинщик распри, пускай тебя рассмешит!

– Добрый совет, – согласились Асы и Асиньи. – Пусть он следующий раз думает хорошенько, прежде чем хвататься за палку!

– Вот уж вряд ли кому-нибудь скоро удастся меня насмешить, – сказала гордая Скади. – А в остальном ваш выкуп, пожалуй, стоит отмщения. Я его принимаю.

Перевернула она копьё остриём вниз и завязала ремешком ножны меча – так и Люди с тех пор поступают, когда у них на уме мир. Открыли Боги ворота и впустили Скади к себе в Асгард, усадили за стол и до вечера пировали.

Когда же стало темнеть, поднялся с хозяйского места Один, и два ворона взмахнули чёрными крыльями на его широких плечах. Взял предводитель Богов глаза убитого Тьяцци и могучим размахом метнул их в тёмное Небо, сопрово-

див заклинанием. . . полыхнуло белое пламя, прорезали ночной мрак две огненные стрелы – и две новые звезды засияли на небосводе. И до сих пор горят они там, так что каждый может найти их и удостовериться – ни слова лжи нет в рассказе о Тьяцци и Скади.

А потом молодые Асы разулись и предстали перед дочерью Великана закутанными в плащи с головой, так что она видела только их ноги. Долго приглядывалась Скади, пытаюсь угадать младшего сына Одина, и решила наконец, указала на самые пригожие ноги, промолвив:

– Вряд ли что некрасиво у Бальдра. . .

Откуда могла она знать, что Бальдр не пытал счастья среди женихов, ведь у него уже был маленький сын и жена Нанна, которую он очень любил.

Сбросил с головы плащ юноша, на которого указала Скади, – и оказался Ньёрдом, хозяином Ноатуна, заложником из племени Ванов. . . Ничего не сказала воительница, но про себя подумала: вот уж теперь даже выдумщик Локи не принудит её улыбнуться.

Между тем Локи притащил в дом козу. Коза упиралась и отчаянно блеяла, потому что Локи привязал её верёвкой за бороду. Встали они посередине палаты, у всех на виду, потянулся обидчик орла схватить козу за рога. . . и уронил вдруг штаны. Тут-то Скади прыснула в ладонь от неожиданности и ткнулась лицом в плечо Ньёрда, сидевшего подле неё, и Ньёрд обнял невесту, а Локи побежал вон, подхва-

тывая одежду. И услышала дочь Великана, как засмеялись вокруг Асы и Асиньи, и не столь уж немилым показался ей Ньёрд, разговорчивый и весёлый, как море в ласковую погоду. Взяла Скади жениха за руку, стала расспрашивать о кораблях, о китовых дорогах и островах, встающих из волн...

Это знают Боги и Люди: нет смерти, пока звучит смех. Вот почему, схоронив любимого человека, устраивают пир и веселятся как могут, вспоминая об умершем что-нибудь смешное и не слишком пристойное. Смерть боится веселья, боится весёлых рассказней о проделках любви: ведь если Мужчина и Женщина вместе смеются – это новая жизнь...

Пир был в самом разгаре, когда Скади заметила по другую сторону стола прекрасную Асинью и повернулась к жениху:

– Кто эта красавица? Расскажи про неё.

– Мы зовём её Гевьон, – ответил Вана-Ньёрд. – Мало того, что она красивее многих, она ещё и поёт так, что невозможно наслушаться. Как-то раз она пела для Гюльви, конунга шведов, и он в награду подарил ей столько земли, сколько поднимет её плуг. Тогда Гевьон позвала своих сыновей – видишь их подле неё? – обратила всех четверых в могучих быков и сдвинула плугом в море целый кусок страны с горами, лесами и возделанными землями... Теперь его называют островом Зеландией, а в Швеции, на его прежнем месте, теперь озеро Меларен...

Тогда Скади спросила ещё, на сей раз очень тихо:

– Скажи мне, кто это такой рядом с Бальдром, слепой,

сильный и грустный?

– Это Хёд, его брат по отцу, – так же тихо ответил Бог моря и кораблей. – Он слеп от рождения, знать, так суждено: даже Асинья Эйр, славная врачевательница, не смогла для него зажечь солнечный свет.

Тогда Скади, с детства привыкшая быть самой ловкой и зоркой, впервые задумалась, как это страшно – ни разу в жизни не увидеть бушующие морские волны и чистый утренний снег, тень орла, скользящую по песку, и робкие весенние цветы в морщинах древних утёсов... и непривычная дрожь пробежала по спине дочери исполина.

– Почему же с ним все так неласковы? – вновь спросила она жениха. – Даже Один – а ведь он обоим отец!

Опустил голову Ньёрд, и почудилось Скади, будто серый морской туман затянул пригожие берега.

– Есть пророчество, – медленно выговорил сын Ванов. – Быть Хёду слепому убийцей светлого Бальдра... Нам про то поведали Норны – Урд, Верданди и Скульд. И вовеки не будет худшего горя ни у Богов, ни у Людей.

И добавил:

– Бальдр – самый смелый из нас. Но его мужество особого рода. Он не боится быть добрым и справедливым, что бы ни сулила судьба.

Ледяным ужасом повеяло на Скади, замолчала она и долго не решалась произнести ни слова. Лишь смотрела во все глаза на незрячего Аса, бережного в движениях. И виде-

ла, как Бальдр заботливо передавал брату рог доброго мёда, пронесённый над святым огнём очага, и как Хёд брал кабанье мясо руками, избегая ножа, – хоть немного отсрочить недобрый приговор Норн, зловещее предсказание...

Скади и Ньёрд поженились и стали сначала жить в Корабельном дворе. Там родились у них дети – Фрейр и Фрейя. Но минуло время, и Скади затосковала: начали сниться ей зимние обледенелые скалы, отцовский дом, водопады в ущельях и заснеженные долины в горах, где она училась стрелять дичь и бегать на лыжах. Захотелось дочери Великана вернуться на родину, не сумела она прижиться в Ноатуне, на берегу, где день-деньской с криками кружились морские птицы... Но что делать, если Ньёрду жизнь не в жизнь была без корабля, без солёного ветра и скрипа снастей, без полосатого паруса, летящего над головой?

Посоветовались муж и жена и решили, что станут проводить девять дней в Ноатуне, а другие девять – в горах, на родине Скади. Но не получилось. Однажды, вернувшись к морю, Ньёрд печально сказал:

Не любы мне горы,
хоть я и был там
девять лишь дней.
Я не сменяю
клик лебединый
на вой волков...

Тогда Скади ответила, что в Корабельном дворе ей было не легче, чем ему – в горах, в заснеженной чаше:

Спать не дают мне
птичьи крики
на ложе моря,
всякое утро
будит меня
морская чайка...

Попробовали супруги жить врозь, он – у моря, она – за перевалами. И снова не вышло, потому что они любили друг друга, а Фрейя и Фрейр любили мать и отца. И кажется Людям, что Скади и Ньёрд до сих пор всё не могут решить, где же им поселиться. Когда Скади гостит у мужа в его Корабельном дворе – крепкий лёд сковывает фиорды и морские проливы, а вокруг островов появляются белые ожерелья, и теперь это называют зимой. Когда же Ньёрд едет к ней в горы – оттаивают водопады и радуги повисают над облаками вьющихся брызг, а из-под белых глыб ледников с журчанием выбегают ручьи: Бог моря освобождает воду из плена, принося лето на смену зиме...

Спутники Тора

Горные Великаны и обросшие инеем исполины Хримтурсы никак не могут смириться с тем, что посередине Мидгарда зеленеют возделанные поля, а в Асгарде каждый день льётся мёд на пирах Вальхаллы и цветёт яблоневый сад Идунн. Оттого нет покою храбрейшему защитнику Богов и Людей, Тору. Редко выпадает ему провести дома три ночи подряд: то и дело приходится рыжебородому Асу спешить кому-то на выручку, то и дело он вновь запрягает неутомимых козлов, Таннгниостра с Таннгрисниром, в надёжную колесницу и отправляется на далёкий северо-восток – туда, откуда летят холодные ветры, родившиеся меж ледяных гор, туда, где стынет на вечном морозе Железный Лес, гнездо Троллей, ведьм и всякой другой нечисти.

Быстро мчатся мохнатые, рогатые скакуны Тора, лишь знай лязгают и скрипят зубами на бегу. И всякий раз, когда потемневшее Небо из конца в конец сотрясается от тяжёлых раскатов, а за тучами вспыхивают мертвенные зарницы, это значит, что вероломные жители Утгарда снова что-то задумали на погибель Богам и Людям, и Тор, сын Земли, снова мчится в неравную битву, опоясанный Поясом Силы, в железных рукавицах и с молотом Мьйолльниром, чтобы в одиночку сразиться с полчищами Великанов – и победить...

Говорят, в прежние времена вместе с Тором нередко вы-

езжал Тюр, и его меч не отставал от молота-молнии, когда доходило до схватки. Однако потом Тюр лишился правой руки, и рана, отравленная ядовитой слюной Волка Фенрира, по сей день его мучит. Так Тор потерял верного спутника и много полугодий путешествовал и сражался один.

И вот как-то раз, непогожим осенним вечером, только что не засыпая на ходу от усталости, ехал Тор по берегу моря. Глухо ворчал прибой, вкатываясь на галечную отмель, а по правую руку вздымались крутые бурые горы. Сырой туман окутывал плечи гор, а на вершинах лежал снег, предвестник зимы...

Долго ехал Тор под холодным мелким дождём и подумывал уже устроиться на ночлег где-нибудь под нависшей скалой – когда вдруг Таннгниостр и Таннгриснир учуяли впереди запах жилья и разом приободрились, натягивая упряжь.

Тор чуть не сокрушил впотьмах жалкий домик своей колесницей: только-только видна была над землёй его крыша, густо поросшая мхом и жёсткой осенней травой – козлы дружно принялись её дёргать, не видя лучшего корма. Распахнулась ветхая дверь, выскочили хозяева, до смерти напуганные шумом и громом: мужчина, женщина, дети-подростки – мальчик и девочка. Им показалось, что под землёй пробудилось пламя Муспелля и нужно спастись. И надобно думать, вид грозного пришельца нагнал на них ещё пущего страха.

– Не бойтесь, добрые Люди, я с миром, – сказал им Тор. –

А не найдётся ли здесь для гостя лишней миски овсянки и тёплого хлеба на ночь – для моих скакунов?

Переглянулись растерянные хозяева и пригласили Тора в дом. И пришлось могучему Асу согнуться чуть ли не вдвое, входя в низкую дверь.

Там, внутри, едва теплились в очаге угли, озаряя врытые в каменистую землю, подгнившие, голые деревянные стены, и дым плавал в стропилах, а вместо еды и уюта пахло сыростью и ещё желчью зубатки, которой хозяйка отстирывала одежду. Муж с женой усадили нежданного гостя поближе к огню, повесили сушиться вымокший плащ, а сын с дочерью распрягли и устроили на ночь козлов. Собрала хозяйка угощение – всё, что в доме нашлось: несколько чёрствых лепёшек да две тресковые головы...

– Небогато живёте, как я посмотрю, – сказал Тор.

– Небогато, – ответил хозяин. – Видел ты, знатный гость, там, повыше в долине, край ледника? В прошлом году он начал расти и разрушил наш дом, погубил ячменное поле. Думаем мы, это не просто ледник, а пятки зимнего Великана. А нынче мы с сыном ходили в море за рыбой, но только поставили ярус – Мировой Змей Йормунганд повернулся в пучине и мало не съел нас обоих, еле спаслись.

– Змей Йормунганд? – спросил Тор и опустил руку на молот, и успокоившимся было хозяевам опять стало жутко. – Зимние Великаны?.. А эти засохшие корки небось последнее, что у вас есть?

– Не сердись, знатный гость, – вздохнули хозяева.

Тор молча поднялся и вышел наружу. Вывел из хлева Таннгниостра с Таннгрисниром – недовольно бляяли и упирались козлы, только-только пристроившиеся к кормушке, – вытащил из ножен боевой нож... да и зарезал обоих.

– Зачем ты это сделал? – всплеснул руками хозяин. – Как дальше поедешь?

Тор велел ободрать своих скакунов и сварить мясо на ужин:

– А шкуры сложите у очага и кидайте в них кости. Только смотрите мне, чтобы ни косточки не разрубили и не разгрызли!

Делать нечего, повиновались муж и жена, хотя становилось им чем дальше, тем страшнее: поняли, не простой гость забрёл к их очагу. А Тор, пока варилось мясо, подозвал к себе Тьяльви и Рёскву-Резвушку – хозяйских детей. Потрепал по затылку белоголового Тьяльви, и показался ему парнишка похожим на пасынка Улля: такой же смышлёный, ловкий и смелый.

– Правду ли говорит твой отец, – спросил Тор, – будто ты нисколько не испугался, когда Змей Йормунганд разинул на вас ядовитую пасть?

Тьяльви ответил:

– Я знаю лишь одного, кто не испугается Змея. Это Тор из племени Асов! Мы всякий раз приносим ему жертву, когда охота удачна.

Засмеялся Тор, так что труха посыпалась с кровли, а тут как раз хозяйка поставила мясо на стол. Стали ужинать знатный гость и хозяева, и все косточки, по уговору, складывали в разостланные козлиные шкуры. Давно не было в доме подобного пиршества, давно здесь не ели мяса досыта; и мудрено ли, что Тьяльви не выдержал – насадил на охотничий нож вкусную бедренную кость, расколол потихоньку и высосал мозг, а Тор и не видел. Иные же Люди рассказывают, будто в туманной ночи возле дома мелькнула тень злобного Локи, и он-то шепнул на ухо мальчишке, мол, ничего нету страшного, мол, всего одну кость...

Так или нет, а только Тор славно выпался в тепле, и снились ему всё добрые сны. А рано утром он встал, натянул одежду и вышел во двор, захватив козлиные шкуры. Вышли за ним хозяева, вышли Тьяльви и Рёсква: как поступит удивительный гость, как поедет дальше на своей колеснице?.. А Тор поднял молот Мьйолльнир и освятил им шкуры: полыхнула зарница, и как ни в чём не бывало встали козлы. Развернул Тор повозку, приготовил упряжь, поманил Таннгриснира и Таннгниостра. Послушно пошли круторогие скакуны... и тут-то заметил Тор, что один из них захромал.

– Кто посмел расколоть кость?! – загремел рыжебородый Ас, ощупав больную ногу козла. И задрожал низенький дом, а со склона горы посыпались камни. Он так стиснул рукоять молота-молнии, что побелели суставы. – Кто посмел нарушить запрет?!

А надобно помнить, что Бог грозы удивительно страшен на вид, когда хмурит брови и сверкает гневно глазами: самые свирепые Великаны не раз удирали прочь от одного его взгляда, не дожидаясь, пока он схватится за оружие. Вот и теперь, как позже рассказывали, язык ледника, разлѣгшийся в горной долине, немедленно начал съѣживаться, отступать и прятаться в тѣмном ущелье, а Змей Йормунганд затаился на морском дне, не смея пошевелить хвостом.

– Пощади, пощади, знатный гость!.. – в один голос заплакали хозяин с хозяйкой и повалились Тору в ноги.

А у Тьяльви достало мужества вымолвить:

– Это я виноват, меня и казни.

Ещё надо сказать про Тора, что он столь же отходчив, сколь гневлив. Увидя, как перепугались хозяева, он всё-таки выпустил свой страшный молот из рук, никого не ударив. И улѣгся задувший было грозовой порывистый ветер, разошлись тяжѣлые тучи, проглянула синева.

– Ну ладно, – смягчаясь, сказал наконец Тор. – Немного чести наказывать тех, у кого ел за столом. Пусть мой скакун стоит здесь в хлеву, пока не поправится. А вы, дети хозяйские, отныне будете следовать за мной неотлучно, куда бы я ни отправился. Будете служить Тору из племени Асов, Богу грозы!

На том помирились. И, уж верно, не слишком печалила мать с отцом доля, доставшаяся Тьяльви и Рёскве: ратный труд и опасности рядом с Богом грозы куда веселей жизни

в ветхом домишке, у края бесплодной земли. Впрочем, ледник больше не смел приближаться к человеческому жилью, так что хозяева скоро поставили себе славный дом вместо отсыревшей землянки, и Змей Йормунганд не распугивал в море зубатку и нежную сельдь – ловилась лучше не надо. И, говорят, до сих пор, когда ночной шторм сотрясает Небо и Землю, а тучи от края до края пылают холодным огнём – хозяин с хозяйкой спешат на берег и долго слушают, как удаляется гром:

– Это ведь наши дети там, вместе с Богом грозы...

Тор и перевозчик

Пока у козла заживала поломанная нога, Тор с новыми спутниками путешествовали пешком. Трудновато им показалось без колесницы, легко пролетавшей болота и тёмные чащи. Пришлось карабкаться по отвесным обрывам, вязнуть в глубоком снегу и переходить вброд холодные реки. Но никакой поток не мог повалить Бога грозы, когда он шагал с камня на камень, держа на плече сразу Тьяльви и Рёскву, с ним никакая гора не казалась слишком крутой, никакие дёбри – непроходимыми. Славно, когда рядом кто-нибудь, похожий на Тора!

Но и Ас понял, какими помощниками наградила его судьба. Лакомка Тьяльви, оказывается, любил носиться взапуски с ветром, и ветер ни разу не изловчился его обогнать: второй пары таких быстрых ног во всём Мидгарде не было. Увидел это Тор и научил парня бегать по воздуху, не касаясь земли, начал посылать вперёд – разведывать путь. Научил не бояться каменных исполинов и Хримтурсов, сыновей древней зимы. И нередко мальчишка вставал с ним плечом к плечу в битве: случалось ему, легконогому, догонять удирающего людоеда, а не наоборот.

Что же до Рёсквы-Резвушки, думал Тор поселить её в Асгарде, у себя дома. Пусть бы помогала Сив по хозяйству, чистила горшки, пасла телят и гусей. Но Рёсква взмолилась не

разлучать её с братцем, не захотела сидеть за высокими стенами, пока Тьяльви будет сражаться – и даже нахмуренные брови Бога грозы не добавили ей послушания. Махнул рукой Тор и позволил ей путешествовать с ними, сидеть рядом на колеснице и даже править козлами, пока они с Тьяльви отдыхали после битвы. А ещё – стряпать еду, зашивать продранную одежду, мыть котелок, кормить Таннгниостра с Таннгрисниром... известно ведь: женским рукам обязательно сыщется дело, если они принадлежат не лентяйке.

Но об этом потом; а в тот самый первый раз, потеряв из-за Тьяльви охромевшего скакуна, Тор пешком возвращался в Асгард, неся всю еду и припасы в плетёной корзине за спиной, и был, понятно, очень не в духе. А Тьяльви и Рёсква шли следом, испуганно держась за руки и не смея шушукаться, чтобы снова не рассердить грозного Бога.

Они подходили к Асгарду со стороны моря. Уже виден был мост Биврёст, сверкавший и колебавшийся на ветру, – когда впереди неожиданно открылся пролив, да такой широкий и глубокий на вид, что даже Тор принуждён был остановиться и поискать переправы. И тут-то попался ему на глаза человек, выехавший в лодке из-за скал на том берегу.

– Эй, парень! – окликнул Тор, приложив руки ко рту, так что птицы взвились с утёсов, а по проливу покатила волна.

Человек в лодке, однако, ответил без всякого страха:

– Что там за старик кричит из-за пролива?

– Переправь нас, – сказал Тор. – Поделюсь с тобой пищей:

у меня здесь селёдки с овсянкой – вкусное варево!

– Селёдки с овсянкой – еда бедняков с побережья, – насмешливо отозвался незнакомец. – Какую ещё плату можно потребовать от сироты вроде тебя, оборванного и босого. У тебя, верно, и мать уже давно умерла?

Тор вправду стоял босиком, в истрепавшейся о камни рубахе, в штанах, лопнувших на коленях. Он сказал:

– Может быть, я неважно одет, но я не сирота. И не смей мне пророчить того, что тебе самому показалось бы худшим несчастьем! Правь-ка лучше сюда, я покажу, где пристать.

– Я держу здесь челнок у одного знатного воина по имени Волк Битвы – Хлидолвь, – усмехнулся человек. – Он не велел мне возить ни воров, ни бродяг, ни конокрадов. Назови своё имя и род, если впрямь хочешь, чтобы я тебя переправил!

Между тем берег, на котором стоял Тор, принадлежал ещё к Стране Великанов, и вокруг полным-полно было всяческой нечисти – оборотней и скрытых жителей, что протягивают руки прямо из камня, утаскивая к себе в скалу неосторожного путника. Опасно произносить своё имя в подобных местах; не успеешь договорить – чего доброго, схватит имя какая-нибудь злобная тварь и нашлёт порчу, навеет чёрный недуг...

– Что ж, – сказал Тор, – назовусь, хоть и вижу, что не будет мне от тебя подмоги. Я сын Одина, Владыки Богов, я отец Моды и Магни, и ещё зовут меня Винг-Тором, метателем молнии, хозяином грома! А теперь скажи сам, кто ты

таков, если не трусишь.

Перевозчик погладил длинную серебряную бороду и молвил насмешливо:

– Зачем же скрывать: моё имя Харбард – Седобородый...

Тор склонил голову набок:

– Вряд ли кто-нибудь скрывает имя чаще, чем ты, Харбард. А может, ты нидинг-преступник и боишься, что мстители настигнут тебя?

Седобородый ответил:

– Нет, я нынче не в распре, а то нипочём не назвался бы, особенно тебе: ты бы меня немедленно выдал.

– Неохота гоняться за тобой вброд и мочить остатки штанов, – сказал Тор, – а не то по достоинству проучил бы за брань и насмешки. Длинна у тебя борода, а беседуешь, как сопливый мальчишка.

Харбард засмеялся:

– Препрежие противники показали бы мальчишками по сравнению со мной, если бы впрямь не был ты сиротой и не боялся вымочить последнюю одежонку!

– Мало привык я состязаться в болтовне, мне больше по сердцу мой молот, – нахмурился Тор. – Ловок ты на словах, а вот есть ли дела, достойные похвалы?

– А как же, – ответил Харбард. – Не счастье воинов и могучих героев, которых я перессорил. Иные из них теперь пьют мёд в Вальхалле у Одина, есть там и ярлы, и конунги. А у тебя, Тор, кто пирует? Рабы, наверное?

– Тьяцци, северный Великан, ворвался в Асгард на крыльях орла, – сказал Тор. – Мой молот низверг его в Хель, за тёмные реки. Хотел бы я знать, что ты делал в то время?

– Я, – сказал Харбард, – как раз сидел тогда на острове Альгрён. И не осталось там ни одной девушки, ни одной юной жены, что отвергла бы мою любовь.

Тор усмехнулся:

– Неужели хоть одна впрямь была к тебе благосклонна? Их, верно, сводила с ума твоя длинная борода?

Харбард ответил:

– Гордые утрачивали в моих объятиях гордость, умницы теряли рассудок, а уж до чего были хитры: умели верёвки вить из песка, находить воду в глубоких долинах... Твои подвиги, Тор, не идут с моими в сравнение.

– Верно, – кивнул Тор. – Мне чаще приходится видеть не белоруких девчонок, а злых Великанш, грозящих дубинами. Скольких я этим вот молотом отвадил разбойничать – не перечесть!

– Не самое достойное дело – драться с жёнами, – заметил Харбард ядовито. – Нашёл тоже, воин, чем похвалиться!

– Эти жёны, – сказал Тор, – вряд ли стали бы долго с тобой разговаривать: мигом перевернули бы чёлн, а тебя бросили в воду. Был бы ты хорош со своими насмешками, если бы я, как ты, целовал красавиц вместо того, чтобы ездить сражаться.

Тут Харбард захохотал:

– Знаю я одного, с кем тебе нынче не помешало бы сразиться: красавец гость сидит в твоём доме на мягко застланной лавке, и Сив, я слышал, с ним много приветливее, чем обычно бывает с тобой...

– Придержи язык, остролов! – посоветовал Тор. – Смотри, взвоешь громче волка в петле, когда я до тебя доберусь! Не хочешь перевозить, скажи хоть, как пройти берегом?

– Дойдёшь до бревна, – прозвучало в ответ, – а от бревна до камня; оттуда свернёшь налево и окажешься в Мидгарде; а там спросишь свою мать Землю, она тебе как-нибудь объяснит...

Ударил веслом и со смехом скрылся за скалами. Тор молча поднял и приладил корзину, подхватил Тьяльви и Рёскву, посадил на плечо – и одолел пролив вброд, едва замочив колени.

И вот что всего более удивило брата с сестрой: Бог грозы вовсе не был разгневан дерзкими насмешками и злословием, даже наоборот – улыбался в бороду и весело щурил глаза. Тогда Тьяльви осмелел и спросил:

– Кто был там в лодке, такой седобородый? Ты, верно, знаешь его?

Тор спустил Тьяльви наземь и ответил:

– Это был мой отец, Один, Вождь Богов и Людей.

И на том, верно, всё дело кончилось бы и позабылось – но минуло время, и как-то раз Тору со спутниками довелось сидеть в Мидгарде на пиру у одного человека. Никто из го-

стей не подозревал, что за рыжебородый воин сидит подле хозяина. И тут вышел заезжий скальд, взял раскрашенный щит и стал говорить щитовую драпу – стихи обо всём, что там нарисовано. И надо же – умельцы-забавники, украшавшие щит, изобразили на нём перебранку Тора и Харбарда.

Складно говорил скальд, и в его песне было всё: продранные колени, корзина за плечами и даже селёдки с овсянкой, припасённые к ужину. Верно, впрямь подслушали Тrolли, о чём говорилось тогда на берегу. И, подслушав, повели Людям.

Складно говорил скальд, и без умолку смеялись весёлые гости. Надо же, каким простаком оказался в тот раз Бог грозы, как ловко поддевал его Один!.. А всех громче – так, что сажа сыпалась со стропил, – смеялся рыжебородый незнакомец. Когда же скальд кончил, он снял с себя серебряную цепь и надел стихотворцу на шею. И навряд ли врут те, кто рассказывает: скальд немедленно понял, в чём дело, когда разглядел на цепи крохотный оберег-молоточек...

Да. Сильные не боятся насмешек и не хватаются, чуть что, за мечи. Обижаться, таить зло – это не для мужчин. Истинный воин умеет отшутиться и от настоящего оскорбления, не доводя дело до ссоры. Не в диковинку было могучим героям осыпать друг друга насмешками на весёлом пиру, прилюдно сравнивать доблесть и мужество, восхваляя себя и без удержу подначивая побратима. И всё ради того, чтобы позабавиться острым словечком, похохотать от души. Это ведь

удаётся нечасто – на Небе и на Земле...

Похищение Молнии

Много имён, много прозвищ у каждого из Богов, в том числе и у Тора. Зовётся он Аса-Тор – Тор из племени Асов, и ещё Эку-Тор – Тор с колесницей, и ещё Хлорриди – Повелитель Громов. Но всего чаще называют рыжебородого Аса Винг-Тором, то есть Тором-Метателем: это из-за молота Мьйолльнира, что летит через всё Небо, как синяя молния. Не сразу он появился у Тора, но когда появился – уже не представить было Бога грозы без его верного молота: всё равно что Одина без коня Слейпнира и вещей воронов на плечах или Фрейра без вепря Золотая Щетинка...

Потому-то нетрудно вообразить себе ужас всех домашних и самого Тора, когда однажды утром оказалось – пропал Мьйолльнир. Тор с Уллем и Сив поспешно перерыли весь дом и весь двор... ни следа молота, как и не бывало его! Впервые не знал Бог грозы, что предпринять, к кому броситься за советом; грозовые тучи собрались в небесах – так он в бессильном гневе взмахивал огненной бородой и тряс волосами... и тут-то попался ему на глаза пронырливый Локи.

Тор мгновенно схватил его за шиворот.

– А ну отвечай, родитель чудовищ: твоих рук дело?

– При чём тут я, это твой новый слуга стащил молот и продал его Великанам, а я даже не знаю, в чём дело, – заюлил

хитрый Ас.

Но Тор сразу увидел, как бегают у него глаза.

– Не крал, говоришь? – зарычал Бог грозы. И добавил чуть-чуть потише: – Ну, значит, один раз совершишь доброе дело, поможешь его отыскать. Пошли-ка, да поживей!

Было раннее утро, даже в Асгарде не все ещё слышали о пропаже, и Тор надеялся – минует какое-то время, прежде чем разнюхают про то в Стране Великанов...

Вдвоём подошли они к дверям Сессрумнира – просторных палат красавицы Фрейи. Расступились эйнхерии, охранявшие вход.

– Славься, Фрейя, – сказал не на шутку испуганный Локи. – Не дашь ли, сестрица названная, соколиное оперение? Пропал молот у Тора...

Богиня любви со всех ног побежала за волшебным нарядом:

– Будь он даже из золота, с радостью бы его отдала!

Обернулся Локи стремительным соколом и полетел в Утгард – только ветер в перьях гудел. И сказывают, не пришлось ему долго рыскать по голому побережью, над ледяными пустынями. Знал, верно, где искать пропажу. Примчался он в край каменных Турсов, прямо к их вождю по имени Трюм – Шумный. Тот сидел на холме, сам похожий на обледенелую гору. Сидел, плёл страшным псам золотые ошейники, разглаживал густые гривы мохнатым белым коням...

– Что нового в Асгарде и у светлых Альвов? – спросил

он с усмешкой, когда Локи спустился подле него. – Неладно, должно быть, раз ты пожаловал сюда, Локи!

– Твоя правда, неладно у Асов и у светлых Альвов тоже неладно, – отвечивал Локи. – А что, скажи, Трюм, не у тебя ли молот нашего Хлорриди?

– У меня! – захохотал исполин. – На восемь поприщ в землю запрятал я страшный Мьйолльнир, не сокрушит он более никого из моего племени! Никому не отдам его, разве что...

– Разве что? – подхватил хитрейший из Асов.

– Разве что отдадут мне в жёны Фрейю, Богиню любви! – сказал Трюм. – Да поторопитесь с приданым, покуда я не передумал!

И снова зашумели соколиные перья – что было духу помчался Локи обратно. Тор ждал с нетерпением:

– Нашёл ли ты молот? Рассказывай!

– Погоди, – заныл Локи. – Неужто не видишь, как я устал? Дай сперва отдохнуть...

– Рассказывай! – рявкнул Тор. – Потом отдохнёшь! Тебе дай только сесть – мигом всё позабудешь, а то и наврёшь!

Пришлось Локи поведать:

– Твой молот у Трюма, конунга Турсов. Скрыл он его в камне, да так, что не откопать даже тебе. Выкуп требует – Фрейю невестой...

Тор не стал долго раздумывать – пошёл прямо к Фрейе:

– Собирайся, Богиня любви, надевай брачный убор. По-

едешь со мной в Страну Великанов...

Фрейя от ужаса ахнула так, что ожерелье Брисингов сорвалось с груди:

– Или ты девкой распутной считаешь меня, сын Одина?

– погоди, не кричи, – сказал Тор. – Никто тебя не обидит, ведь я там буду с тобой. Пусть Трюм только вынесет молот...

Тут начали собираться Асы и Асиньи. Услышали о пропаже, кликнули собрание-тинг и стали держать совет – как быть. Долго спорили. Наконец поднялся светлый Хеймдалль, сын морских волн, провидевший судьбы:

– Вот как мы поступим. Пусть Фрейя останется дома, нечего ей делать у исполинов. Нарядим-ка мы самого Тора невестой!

Тут иные из молодых Асов стали смеяться, а Тор схватился за голову:

– Не уследил я за молотом, но чести своей я пока ещё не проспал! Как же я надену женское платье, да ещё свадебное? Чтобы меня всю жизнь потом называли – муж женовидный?

Асы в один голос принялись его успокаивать, в том числе Локи, первый насмешник:

– Никто не станет звать тебя женовидным, даже в шуточной перебранке, клянёмся нашими мечами. Подумай лучше – если ты не вернёшь молот, не отстоять нам ни Асгарда, ни Мидгарда!

...Бесстрашный Тор чуть не плакал от унижения, когда ему на голову надевали остроконечный убор из полотна,

укрывали колени длинной женской одеждой, привязывали на пояс связку бренчащих ключей. Ожерелье Брисингов еле сошло на могучей шее Бога грозы, и то лишь потому, что было оно не простым ожерельем, а волшебным. Фрейя и Сив вместе шили платье для бородатой невесты, а Локи приготовил нарядный покров – до поры спрятать лицо. Он сам вызвался переодеться и ехать с Тором на свадьбу:

– Буду тебе разумной служанкой, выручу, если вдруг что.

Ему-то не впервой было притворяться женщиной, даже и превращаться в неё... А что Локи, сын Лаувейи, думал о чести – ни Богам, ни Людям неведомо.

Тьяльви и Рёсква бегом привели козлов, Таннгниостра с Таннгрисниром, впрягли в колесницу. И помчались два Аса на далёкий северо-восток – задрожала земля, вспыхнуло под колёсами пламя, зашатались высокие горы, увенчанные ледниками...

Услыхал это Трюм, конунг Турсов:

– А ну-ка, бездельники, лежебоки, скорей застилайте широкие лавки, готовьте столы: везут ко мне Фрейю, красавицу Ванов, дочь Ньёрда из Ноатуна!

И продолжал, любуясь собою и домом, богато украшенным к свадьбе:

– Позолочены у моих коров крутые рога, потерял я счёт откормленным чёрным быкам, пасущимся на лугах Страны Турсов. Ошейники у моих псов – и те из золота сплетены. А теперь у меня будет ещё и Фрейя!

Близился вечер, когда въехала во двор колесница. Трюму бы обратить внимание на запряжённых козлов – куда там, смотрел лишь на невесту. Дивной красавицей оказалась ему Фрейя: широкоплечая, с поступью, от которой содрогнулся весь двор, а ростом – чуть не выше самого Трюма! Как раз невеста для Великана!..

Радостно ввёл он приехавших в палату, и расторопные слуги тотчас внесли накрытые столы. Чего только не было на тех столах: целые жареные быки, ячменное пиво, медовые лакомства – и рыба, конечно: копчёные палтусы, жареная треска и нежные лососи, посоленные накануне. Начали пировать, и Трюм вновь восхитился, поглядев, как угощалась невеста: в одиночку управилась с огромным быком, одолела восемь вкусных лососей, выпила три бочки мёда...

– Ай да Фрейя! – сказал Трюм. – Никогда не видел я девы, чтобы так ела и столько пила!

Смолчала скромная невеста, не подала голоса. Ответила служанка-разумница:

– Восемь дней не ела Богиня любви, уж так не терпелось ей поскорей приехать сюда, к тебе, Трюм...

Наконец хмельное пиво ударило Трюму в голову: придвинулся он вплотную к невесте, хотел её поцеловать, но едва приподнял брачный покров – отшатнулся и вмиг протрезвел:

– Ишь глаза сверкают у Фрейи! Пылают, как жаркое пламя!..

И снова не растерялась служанка-разумница, отвечала

умильно:

– Восемь ночей не спала Богиня любви, уж так не терпелось ей поскорей поглядеть на тебя, Трюм!

Тут, отколь ни возмись, подошла мерзкая Великанша, начала требовать у невесты подарков:

– Подари-ка мне, Фрейя, свои золотые запястья – буду тебе ласковой золовкой, не стану обижать...

– А вы, лежебоки, тащите скорей сюда молот! – крикнул Трюм слугам. – Положим его на колени невесте: Асы говорят, он священен и помогает на свадьбах, так пусть освятит мою женитьбу во имя Вар – Богини обетов!

Двое самых могучих Турсов с трудом приволокли молот-молнию... и Трюм, говорят, успел удивиться, когда Фрейя одной рукой подхватила Мьйолльнир, как пёрышко, и издала боевой клич, от которого слетела с палат тяжёлая кровля. Тут сорвал с себя Тор женский наряд – и пошёл крушить молотом Великана за Великаном! Всех положил, кто не успел убежать.

СЫН

И Боги, и Люди пуще всего пекутся о своём роде. Род – это верная заступка обиженному, опора – ветхому старцу, кров и ласка – осиротевшим. Никакая беда не страшна, пока рядом дружные родичи. А чем в первую голову крепок род? Конечно, детьми – сыновьями и дочками.

Оттого-то мудрые Асиньи, жёны старших Богов, не слишком гневаются на мужей, когда те приводят в дом младших жён и отпрысков, рождённых на стороне. Для чего ссориться жёнам, ведь места у очага Богов хватает на всех. Говорят, в начале веков иные Богини тоже вступали в брак с двумя мужьями разом; но те времена давно миновали. А молодые Асы забыли и многожёнство. Одна возлюбленная подруга у корабельщика Ньёрда, одна – у пахаря Фрейра, одна – у светлого Бальдра...

А вот Аса-Тору, мужу золотоволосой Сив, случилось порою засматриваться на девушек из Иотунхейма. Не все племена Страны Великанов носили в крови жестокий яд Имира, не все были вероломны и глупы. И Тор, истребитель чудовищ, с иными славными Великанами водил нерушимую дружбу. Ездил в гости на пир и беседу, и молния-Мьёольнир дремал себе мирно, всяя, по обычаю, на столбе...

Вот так, на пиру в дружеском доме, и увидал Бог грозы светлокудрую Ярнсаксу, красавицу Великаншу. Впрочем,

была ли она в самом деле красавицей, земные Люди не знают. Древняя песнь говорит лишь, что редко встречала могучая дева равных себе по силе: не зря родичи-Великаны прозвали её Ярнсаксой, то есть Железной. Но кроме немереной силы, билось в её груди хорошее сердце – и было что-то ещё, что заставило Бога грозы взять её за руку, когда она подносила ему рог на пиру. И не отняла руки дочь Великанов, села рядом с Тором, как он попросил. А потом взошла на запряжённую козлами повозку, поехала с ним в Асгард...

– Многое совершит этот мальчик, – сказала мудрая Фригг, принимая рождённого Ярнсаксой ребёнка.

И подивились слышавшие: жена Одина видела далеко в глубь грядущих времён, но ни разу до тех пор не делала предсказаний.

Тор освятил младенца поднятым молотом и окропил водою из чаши:

– Я назову тебя Магни – Могучим. Вырастешь таким же сильным, как я!

– Сильнее, – негромко сказала старая Норна Урд, появившаяся неизвестно откуда.

– Мудрее, – откликнулась Верданди, средняя Норна.

А младшая, Скульд, предрекла:

– Он будет носить молот Мьйолльнир, когда придёт его время.

А мальчишка открыл разумные голубые глаза, улыбнулся и ухватил отцовское оружие за железную рукоять, точно иг-

рушку. Еле-еле разжали его пальчики Ярнсакса и Сив...

Дочь

Дочь Сив и Бога грозы звалась Трюд – Сила: такими уж крепкими и удалыми рождались все в этом роду. Известно, как быстро растут дети. Каждый раз, возвращаясь из похода, Тор радовался чему-нибудь новому: вот прорезался зубик, вот стала бегать, забавно топоча пухлыми ножками, вот впервые поднесла отцу тяжёлый окованный рог с пивом – освежиться с дороги...

И однажды на закате, остановив возле дома запылённую колесницу, увидел Тор на крыльце пригожую юную Асинью, а у ворот – смущённого молодого эйнхерия, воителя из Одиновой дружины... выросла дочь!

Улыбнулся Тор и повёл Таннгниостра с Таннгрисниром к хлеву, и внезапно как из-под земли выскочил не то Карлик, не то уродливый Троль:

– Вы что тут оба делаете подле моей невесты? Пора уже ей ехать со мной и завязывать волосы в узел, как то пристало замужней!

Схватился за меч молодой воин, заслоняя дочь Бога грозы... но остановил его Тор. И спокойно сказал Тролю:

– Ты-то сам кто таков, чтобы здесь распоряжаться? Не видал я тебя, хладнорёброго, прежде на этом дворе!

Житель ночи ответил высокомерно:

– Много чести беседовать со всякими оборванцами! Я

пришёл к Повелителю грома, а не к тебе: просватана за меня его белорукая дочь!

– Что-то я не припомню ни сговора, ни сватовства, – нахмурился Тор. – Но даже если ты без меня заморочил голову Сив – не видать тебе дочери, пока я, отец, её не отдам! Или думаешь выкрасть её без моего позволения?

И если пришелец ещё сомневался, что воин в потрёпанной одежде и есть сам Бог грозы, – он тотчас в это поверил, увидев, как сверкнули в сумерках глаза Аса и встала дыбом его рыжая борода. Куда только делась былая заносчивость жениха:

– Как же заслужить твоё согласие на свадьбу, храбрейший из Асов? Послушай меня: я живу в камне, в толще горы. Много там золота, много дорогих самоцветов. Да и сам я хорош: ведь зовут меня Альвисом – Всезнайкой, потому что я умней Квасира, умней даже Мимира, с чьей головою советуется Вождь Богов и Людей...

– Что же ты, Всезнайка, не угадал меня? – спросил Тор, но Альвис даже не заметил насмешки:

– Любовь помрачила мой разум, о хозяин золоторогих козлов. Белоснежную деву в жёны возьму, или жизнь не нужна мне...

– Не нужна, говоришь, – недобро усмехнулся Тор его алчности. И присел на крыльцо, поставил молот между колен. – Что ж, пусть будет по-твоему...

Трюд испуганно вскрикнула и спряталась за эйнхерия,

ибо рядом с мужами Одина всякая женщина – всего лишь слабая женщина, даже если её зовут Сила и сам Бог грозы приходится ей отцом.

– Пусть будет по-твоему, подземный жених, – повторил Тор. – Но сперва докажи, что ты вправду мудрейший. Ответь для начала, каким именем величают мою мать Землю в разных мирах?

– У смертных Людей она Ёрд или Фьёргюнн, – разгладил бороду Альвис. – Ваны зовут её Дальним Путём, Турсы, хозяйка пасущихся стад, – Зелёной, Альвы-землепашцы – Родящей, а у Богов она – Луг, только не трава в том лугу, а листья ясеня Иггдрасиля...

– Верный ответ, – сказал Тор. – Ну а Небо как прозывают?

– У Людей оно – просто Небо, у Богов – Твердь, на которой выстроен Асгард, у Ванов – Ткач Ветра, у Турсов – Верх Мира, у Альвов – Кровля, а у нас, жителей подземелья, – Дом Влажный, потому что мы не любим дождя.

– И это правильно, – молвил Тор. – А что скажешь, Альвис, про Месяц?

И про месяц ему рассказал Троль без запинки. И ещё про косматые тучи, льющие дождь, про ветер, без усталости мчащийся по Вселенной, про море, несущее корабли, про нивы и лес, про огонь, разгоняющий тьму...

Незаметно минула ночь, а Всезнайка всё говорил и говорил без конца, упиваясь собственной мудростью. Мнилось Троллю – вот-вот исчерпает старший сын Одина свои вопро-

сы, поквитается с ним подземный жених, как когда-то сам Один – с Вафтрудниром...

Но Тор не уставал спрашивать, и уже засерело к востоку от Асгарда ночное небо, когда он сказал:

– А Солнце, Всезнайка?

Альвис вздрогнул и словно бы съёжился:

– Не напоминай мне о Солнце, отец Трюд! Солнце – самое страшное, что создано в девяти мирах! Любят его только Асы, Люди и светлые Альвы, для Турсов оно – Пылающее, ибо грозит растопить их ледяные тела, а для нас, в камне живущих, оно – Гибель...

И вот тут-то могучие кони, Арвак и Альсвинн, рванули упряжь и вынесли в небо солнечную колесницу. Залило светом Асгард, озарило дом Тора и двор перед ним... и пропал Альвис, серым камнем навеки встал у ворот, лишь донеслось последнее:

– Белоснежную деву в жёны возьму, или жизнь не нужна мне...

ВЫЗОВ

Однажды Отец Богов и Людей, одноглазый Один, оседлал восьминогую Слейпнира и отправился путешествовать. Долго ехал он без особенной цели, мимо крутых, обрывистых скал, где морские птицы устраивали себе гнёзда; уверенно нёс его конь по замшелым древним камням и по морской зелёной воде, и хищные косатки поднимались из глубины – посмотреть на Вождя Асов и поклониться ему.

А потом нехоженная тропа завела Одина вглубь страны, на самую границу Утгарда, где не было ни звериных гнёзд, ни человеческого жилья – только нагромождения камня, расколотые валуны, лишь изредка украшенные пучками жёсткой травы. Легконогий Слейпнир скользил над ними, как тень бегущего облака, а Один сидел неподвижно в седле, опустив голову и крепко задумавшись.

Наконец впереди послышался рёв: то река, проточившая в камне глубокое ложе, тремя пенистыми потоками рушилась в бездну, в расщелину треснувшей когда-то Земли. Содрогались, гудели мокрые скалы, неверная радуга колебалась в облаке брызг...

Не стал жеребец Одина брать разбег для прыжка, не стал искать брода и тревожить хозяина; спокойно ступил в клочущие буруны и перешёл на другой берег по радуге, как по мосту.

Тут разглядел всадника Великан Хрунгнир, живший неподалёку, на хуторе Каменные Дворы.

– Эй!.. – закричал исполин, без труда перекрыв рёв и грохот реки. – Кто там скачет по радуге и не боится упасть? Сдаётся мне, старик, этот конь для тебя слишком хорош! Продай мне его, не то отберу!

– Можешь взять заодно и мою голову, если догонишь, – сказал Один и погладил холку коня, а тот выгнул шею и тронул его колено.

– А что ты думаешь, и догоню! – раззадорился Хрунгнир. – Неплох твой жеребец, но у моего Гульфакси ноги длиннее. Ну что, не раздумал закладывать голову, седобородый?

– Я слов назад не беру, – сказал Один, и с ближнего камня с карканьем взвились два ворона.

Тогда вывел Хрунгнир своего коня Гульфакси – Золотую Гриву, бросил ему на спину кусок бычьей шкуры вместо седла, и понеслись они взапуски. И надобно молвить, что впрямь не было скакуна лучше Гульфакси во всей Стране Великанов, а может быть, и в остальных мирах, освещаемых солнцем. Во весь дух он летел через пропасти, через каменные пустоши и озёра, окутанные холодным туманом, взмывал над бесплодными ледниками и над вершинами гор, отражённых в спокойных водах фиордов, – лишь грива струилась назад, как ясный огонь! До сего дня можно видеть следы той бешеной скачки: кипящие родники и глубокие ямы,

наполненные горячей грязью. Так она и не остыла с тех пор, когда Гульфакси разбрызгал её копытами. Славный конь!

...Но с восьминогим Слейпниром даже он сравниться не мог. В ярости нахлёстывал Гульфакси Великан, видя, что всадник в синем плаще вовсе исчезает из глаз. Потекла кровь по израненным конским бокам, потемнела золотая грива, прилипла ко взмыленной шее. Но не замечал того Хрунгнир – видел только трепещущий синий плащ впереди и знай стегал жеребца, ругаясь, колот короткими шпорами, привязанными к башмакам... Не оглядывался исполин и не видел, что давно за спиной скрылись Каменные Дворы, исчезли вдали горы родного Иотунхейма. В самый Асгард влетел разъярённый Хрунгнир следом за Одним, и застонал Гульфакси, последним прыжком взмыв над запертыми воротами.

Глянул Хрунгнир... а седобородый уже водит Слейпнира по двору, чтобы остыл верный конь после быстрого бега, гладит крутую шею любимца, и в единственном зрачке – насмешка над глупостью Великана. Только тогда узнал Хрунгнир повелителя воинов и понял, куда завело его хвостовство.

– Здесь ты – мой гость, – успокоил его Один. – Не хочешь ли пива?

– Хочу, – облизнул пересохшие губы Хрунгнир и соскочил наземь, бросив поводья.

Пошатнулся измученный Гульфакси, задрожали тонкие ноги... но не оглянулся хозяин, даже не подумал позаботить-

ся о славном коне. Вовсе плохо пришлось бы Золотой Гриве, но тут заглянула во двор Великанша Ярнсакса и привела за руку маленького Магни: прожив всего одну ночь, сын Бога грозы уже выучился ходить. Увидел внук Одина опечаленного Гульфакси, тотчас подошёл, начал ласково с ним разговаривать, отважился взять под уздцы и долго водил, а потом выкупал в славной реке Тунд, что течёт у Вальхаллы, напоил и накормил. Радовалась Ярнсакса, глядя на сына. Знала юная мать – не зря сказывают, будто молодые орлы рано пробуют голос. Была в маленьком Боге отцовская сила, была дедовская премудрость. И что-то ещё...

Между тем Хрунгнир расселся на лавке в чертоге Одина Валаскьяльве, и ему поднесли пиво в той самой чаше, из которой обычно пил на пирах Тор. Подумалось Великану: неплохо бы осушить её одним глотком! Похвалиться перед Асами да показать, что есть в Утгарде воины не слабее Бога грозы! Задумано – сделано. Схватил он могучими руками серебряную чашу и не отрывался, пока не опорожнил. Только вот Тора никто не видел хмельным, а Хрунгнир немедленно опьянел.

– Ты, кривой, думаешь, что могуществен! – неверным языком выговорил вождь Турсов. – Подумаешь, твой жеребец чуть-чуть быстрее моего! А вот есть у кого-нибудь сердце, как у меня? Оно из твёрдого камня, с тремя острыми выступами. По его подобию режется одна из рун – «Сердце Хрунгнира»! Вот!..

Асиньи отворачивались от пьяного Великана, гневно хмурились Асы... но до поры до времени помалкивали. Не гнать же из дому гостя, да ещё приглашённого Всеотцом. И всякий раз, когда пустела его чаша, Фрейя молча подходила с кувшином и подливала: гость ни в чём не должен знать недостатка, а уж сколько пить – пусть думает сам. И Хрунгнир продолжал хвастаться, размахивая свободной рукой:

– Вас, Богов, давно пора выгнать отсюда, а Асгард разрушить. Пожалуй, я так и сделаю, я, Хрунгнир, сильнейший в Иотунхейме. Я поубиваю всех Асов... кроме тебя, Фрейя, и тебя, Сив, вы пойдёте за меня замуж. А ещё я прямо сейчас унесу отсюда Вальхаллу и поставлю у себя во дворе, а эйнхериев сделаю свинопасами...

– Позови Тора, – сказала служанке мудрая Фригг, и быстроногая Фулла выскочила за дверь.

И немного минуло времени – содрогнулся чертог Валаскьяльв от тяжёлых шагов, зазвенели кубки в углу, грозовым ветром пахнуло из растворившейся двери:

– С каких это пор здесь пьют пиво коварные Великаны? Да ещё срамословят хозяев? А Фрейя прислуживает, точно на пиру у Богов?

Обернулся Хрунгнир, и вмиг покинул его хмель: на пороге стоял Тор, и с молота в его руках слетали синие искры. Не по-дружески посмотрел исполин на Бога грозы:

– Это Один меня сюда пригласил, я гость и под его защитой, и не тебе меня прогонять!

– Гость в доме священен, – ответил Хозяин Громов. – Но вот выйдешь из Асгарда, и не будь я сыном Земли, если тебе не придётся жалеть о своих поносных речах!

– Мало славы прибавит Аса-Тору расправа над безоружным, – сказал тогда Хрунгнир. – Я ведь, глупец, позабыл дома щит и точило, которым обычно сражаюсь. Подлецом назовут тебя, если ударишь! – И добавил: – А коли не трусишь помериться силой в честном бою, приезжай драться в Иотунхейм, ко мне в Каменные Дворы. Там я буду ждать тебя для поединка через две ночи!

– Никто ещё не вызывал меня на поединок, – сказал Тор. – Что ж, уклоняться не буду!

Поединок

Хрунгнир беспощадно гнал Гульфакси до самого дома: так не терпелось ему скорее похвастаться перед друзьями своей поездкой к Богам, рассказать, как он едва не выпил у Асов всё пиво и в конце концов вызвал Тора на поединок.

Весть об этом скоро облетела весь Иотунхейм, и на хуторе собрались Великаны – ледяные и каменные, одноголовые и многоголовые, Турсы-оборотни и Турсы, похожие на Людей.

– Ты, Хрунгнир, по праву наш вождь, – говорили они. – Ты не только самый сильный из нас, ты ещё и храбрейший!

– Надо только хорошенько снарядить нашего конунга в битву, – сказал старый-престарый Великан с бородой, обросшей вековым инеем. – Туго придётся нам всем, если Тор его одолеет!..

Тогда сильно забеспокоились Турсы и поспешно принялись за работу. Взяли они целую гранитную гору и вытесали из неё щит, тяжёлый и толстый. Принесли Хрунгниру. Взвесил он щит на руке и остался очень доволен:

– С таким мне и молот Мьйолльнир нипочём!

А другие Великаны пошли к горячим источникам, набрали там глины и вылепили человека:

– У Тора есть Тьяльви, пускай и у Хрунгнира будет помощник.

Девяти поприщ ростом был глиняный воин и трёх поприщ

в объёме. Начали Великаны подыскивать для него подходящее сердце: иначе не сможет шагнуть, не будет сражаться. Долго искали. Обшарили весь Утгард и наконец принесли сердце какой-то старой кобылы, умершей, как сказывают, от испуга. Затрепетало оно в глиняной груди, открыл глаза исполин Мёккуркальви и сразу сказал:

– Ой, что-то мне страшно...

И говорят ещё, будто Турсы-оборотни, жившие на берегу Океана, вызвали из пучины Мирового Змея Йормунганда и попросили его облить ядом боевое точило Хрунгнира. Змей, конечно, с радостью согласился. Он тоже помнил пророчество:

– Нам с Тором сражаться в последней битве Богов... И не я огорчусь, если он станет хоть немного слабей...

...И вот наконец наступил день поединка, и Хрунгнир вышел из Каменных Дворов и встал посреди пустоши, оглядываясь в поисках Тора. Бесплодна была широкая пустошь, лишь полосы чёрных и жёлтых камней, сплетаясь, тянулись к обледенелым хребтам, синевшим у края Земли... Хрунгнир приготовил своё боевое точило и поднял каменный щит, вытесанный из целой горы, и сделался до того страшен на вид, что попряталось всё живое на много поприщ вокруг. А исполин Мёккуркальви стоял подле хозяина и так трясся от ужаса, что глина сыпалась на каменистую землю.

Вот глухо заворчал вдали гром, зарокотали мчащиеся колёса, надвинулись на Иотунхейм чёрные тучи... Это Бог гро-

зы нёсся на поединок во всём своём сокрушительном гневе. Легконогий Тьяльви, однако, поспел к Каменным Дворам прежде хозяина – и встал перед Великанами, разглядывая врагов.

– Вот это и есть Тор?.. – шёпотом спросил перепуганный Мёккуркальви.

Хрунгнир ответил:

– Тора ты сразу узнаешь, когда он появится. А это всего лишь мальчишка!

Между тем Тьяльви показалось несправедливым, чтобы вождь Турсов держал в руках щит, ведь Тор никогда не заклонялся щитом.

– Эй, Хрунгнир! – крикнул он, приложив ладони ко рту. – Не поможет тебе эта гора, которую ты так высоко держишь! Тор видел тебя! Он приближается под землёй, чтобы напасть на тебя снизу!

Хрунгнир тотчас бросил щит себе под ноги и вскочил на него, радуясь, что обманул Бога грозы. И тут полоснули близкие молнии, оглушительно ударил гром. Разорвались тучи – и Великаны увидели Тора, летевшего на колеснице. Клубились на ветру его волосы, развевалась огненная борода, пламя полыхало в глазах... Говорят, Мёккуркальви попятился за спину Хрунгнира и от ужаса промочил штаны. А вот Хрунгнир был хоть и глуп, зато не труслив. Вскинул он боевое точило и что было силы метнул навстречу Тору, навстречу его страшному молоту. Столкнулось оно с молнией

– и разлетелось на части. Рассыпались осколки по всей Стране Великанов и даже по Срединному Миру – каждый может найти куски кремнёвых скал, раскиданные по земле, и убедиться, что в рассказе о поединке нет ни одного слова вранья...

Разлетелось точило, не остановив безжалостной молнии, – грянул Мьйолльнир в каменный лоб Хрунгнира и раскрошил ему череп. Но и Тор зашатался на колеснице: попал в него всё-таки осколок точила, вонзился в славную голову Аса. Рухнул наземь Тор-победитель... упал рядом с ним Хрунгнир, и одна его нога оказалась на горле у Бога грозы. И настолько тяжёлой была нога сильнейшего из Великанов, что раненый Тор не мог шевельнуться под ней, едва-едва только дышал...

И не видел сын Одина, как Тьяльви бесстрашно кинулся ему на выручку, заслонил от глиняного исполина: тот, как все трусы, горазд был топтать врага, сбитого с ног. Девяти поприщ ростом был Мёккуркальви и трёх поприщ в объёме – но не смог справиться с отважным маленьким Тьяльви. Пришлось ему без всякой славы погибнуть, рассыпаться глиняным прахом. До сих пор находят Люди в земле остатки того праха. И до сих пор Мёккуркальви вредит Людям трусливо, исподтишка, причиняя оползни после дождей...

Одолев помощника Хрунгнира, Тьяльви сразу бросился к Тору, хотел снять с его шеи тяжёлую каменную ногу – и не сумел. Тьяльви очень боялся, как бы не подоспели веролом-

ные Турсы и не доби́ли беспомощного Бога грозы. Он видел, как они выглядывали из-за ледяных гор, и хотел звать всех Асов на помощь, но те уже мчались из Асгарда: Один на Слейпнире, Фрейр на вепре Золотая Щетинка, Ньёрд и Тюр – на корабле Скидбладнире. Все вместе обступили они лежащего Тора, дружно взялись за обломок горы... и не хватило сил у могучих Богов, как они ни старались!

В тревоге стали советоваться славные Асы, как бы им оградить Тора от мести злых Великанов... И тут загудела земля от чьих-то шагов, как прежде гудела только под ногами самого Повелителя Грома. Оглянулись Боги и замерли от удивления: бежал к ним из Асгарда незнако́мый юноша, лицом и статью похожий на Тора. Подбежав, он схватил ногу Хрунгнира и отшвырнул её, как соломинку.

– Жаль, отец, я пришёл слишком поздно и не успел к поединку! – сказал юный Ас, помогая Тору подняться. – Я загнал бы старого Хрунгнира в Хель кулаком, если бы ты мне только позволил!

– Магни, сынок, – сказал Тор и обнял его. – Теперь я вижу, что из тебя получится воин...

Магни поднял молот Мьйолльнир с земли, и было видно, что он сумел бы с ним справиться. Магни исполнилось тогда всего три ночи от роду, но в детских глазах мерцала древняя мудрость. Каким же станет этот Ас, когда войдёт в полную силу?

– Возьми коня Золотую Гриву, ты заслужил, – сказал Тор.

Но Один нахмурился:

– Не ты ставил в заклад свою голову, не тебе и распоряжаться добычей. И следует ли дарить таких добрых коней сыновьям Великанш, рождённым на стороне?

– Где была бы твоя одноглазая голова, если бы не Магни и я? – сказал Тор. – А кроме того, моя мать Земля тоже не была тебе законной женой, хоть теперь её и почитают как Асинью. Пусть конь Гульфакси достанется тому, кого сам изберёт. Это будет по справедливости.

С таким приговором согласились все Асы. Открыли двери конюшни и выпустили Гульфакси – он так и стоял там, непоеный и голодный. И сказывают, будто он испуганно покосился на Одина, из-за которого натерпелся беды, и тотчас подошёл к Магни, потянулся к нему, прося защиты и ласки...

А когда Тор взошёл на колесницу и Боги двинулись в обратный путь, на широкой пустоши всюду по их следам начали распускаться крохотные цветы.

Заклинания Гроа

Вот так Тор вернулся в Асгард. И долго отлёживался дома, под присмотром Сив, Трюд и Ярнсаксы. Говорят, Один сам вырезал на палочке могучие руны, унимающие боль. А Тьяльви и сыновья, взяв коня Гульльфаки и колесницу, всё это время без отдыха странствовали по Вселенной – искали лекарство для Бога грозы. Такое, чтобы сумело извлечь острый осколок точила, засевший у него в голове.

Объехали юноши все владения Асов, побывали у Альвов – светлых и тёмных...

– Куда же теперь? – спросил Улль однажды под утро, оставив козлов на развилке дороги. – К Ванам в Ванахейм? Или к Карликам? Или, может быть, в Тёмный Мир Нифльхель, спрашивать мёртвых?

– К Людям, – сказал Магни и повернул Гульльфаки на тропу, ведущую в Мидгард.

И первой, кого юные Асы встретили в Мидгарде, была провидица Гроа. Одинокó сидела она на берегу притихшего озера и роняла в воду горькие слёзы, а из воды вырастали прозрачные пряди тумана, окутывая грозоздьящиеся валуны... Вполголоса пела Гроа печальную песню о любимом муже – Аурвандиле Смелом, затерявшемся где-то на далёких дорогах, где даже ей, вещи, нелегко было его разглядеть... И утренняя звезда лила с Неба мерцающий свет, словно бы

отвечая.

Юные Боги вежливо стояли поодаль, пока не смолкла песня, а потом окликнули провидицу:

– Славься, Гроа! Не сможешь ли вытащить осколок точила у Тора из головы?

Гроа не пришлось уговаривать долго. Конечно, она рада была помочь Богу грозы, с которым её муж нередко странствовал вместе. Быстро домчалась в Асгард стремительная колесница, и Гроа склонилась над Повелителем молний. Тор не стал жаловаться, но она сама видела, как ему плохо – не шло наружу точило, не зарастала рана, обожжённая ядом...

Мудрая женщина хранила в памяти множество песен, множество волшебных заклятий – даже больше, чем Асины. Умела остановить бегущую кровь, послать исцеляющий сон и утихомирить лютую боль. Стала Гроа пробовать заклятья одно за другим и наконец добралась до самых древних, столь же древних, как камни, из которых создано было точило. Искусно сплетала она волшебные слова, вдохновенно нанизывая их, словно драгоценные бусины, а Асы и Асины стояли вокруг молча, не смея проронить ни звука.

И наконец Тор почувствовал, как стихла мучительная боль, а камень в голове начал шататься. Захотелось ему обрадовать Гроа, отплатить добром за добро.

– Как твой муж, провидица? – сказал он ей. – Наверное, уже вернулся домой?

– Лучше не спрашивай, – вновь заплакала Гроа. – Сколь-

ко зим я жду своего Аурвандиля и всюду ищу, наверное, он погиб и больше не вернётся ко мне, к нашим детям, Амлоди и Свипдагу...

– Непременно вернётся! – твёрдо и весело пообещал Тор. – Я встретил его в Стране Великанов, мы вместе возвращались оттуда. Аурвандиль не мог перейти через ядовитые реки Элигвар, и я взял его в корзину, которую ношу за плечами. Правда, корзина моя немного дырявая, так что Аурвандиль высунул из неё палец ноги и отморозил. Мы расстались с ним в Дании, на дороге к вашему дому. Наверное, он сейчас уже там и спрашивает о тебе сыновей. Он теперь немного хромот, зато я взял его палец и сделал звезду. Смотри сама, я не лгу, вон она сияет на Небе – Палец Аурвандиля, утренняя звезда!

Гроа побежала во двор, чтобы глянуть на Небо, и опять разрыдалась – на сей раз от счастья. Потом возвратилась и вновь стала вспоминать древние заклинания. Но слишком внезапная радость отогнала вдохновение, затуманила ясную память провидицы... как она ни старалась, осколок точила так и не вышел из раны и даже перестал шататься, крепко засев.

– Что же мы наделали, Тор! – сказала Гроа в отчаянии. – Я не могу вынуть его!

– Не страшно, – ответил ей Повелитель Громов. – Главное, рана перестала болеть и уже заживает, и моя сила снова при мне. Проживу я и с этим камешком в голове.

И действительно, вскоре Тор вновь поехал сражаться, оборонять от чудовищ Асгард и Мидгард, и те, с кем он дрался, не находили, чтобы он хоть чуть ослабел. Но Люди с тех пор, затачивая топоры и ножи, остерегаются бросать точило поперёк пола: от этого шевелится осколок в голове Бога грозы.

Тор идёт в гости

Злокозненный Локи, летая по свету в крылатом соколином наряде, выпрошенном у Фригг, добрался однажды до Утгарда и разглядел с высоты дом одного Великана. Великана звали Гейррёдом, совсем как того конунга, у которого когда-то побывал Всеотец. По совести молвить, два Гейррёда, два Кровавых Копья, вполне стоили друг дружки. Но, конечно, они никогда и не слышали один о другом.

Двор Великана стоял между серых гор, одетых в каменные осыпи, словно в плащи. Тени облаков бродили по склонам, по пятнам зелёного мха, уцепившегося за откосы. Мутная река, порождение ледников, бежала вниз.

Любопытный Локи решил спуститься во двор и подслушать, о чём говорят Великаны. Покружившись, уселся он на стену, вырубленную в скале, и стал оглядываться вокруг. Тут заметил его сам Гейррёд, сидевший в палате. Ему понравился красавец кречет: серебряно-белый, с длинными крыльями. Подозвав слугу, он велел забраться на стену и попробовать изловить сокола:

– Обучу его и стану охотиться. Или дочкам отдам...

Ибо у Великана были две дочери, Гьяльп и Грейп, и обе у отца – могучие, безобразные и жестокие. Настоящие Великанши.

Слуга, посланный Гейррёдом, послушно полез за соколом

по стене. Локи сверху смотрел, как цепляется Великан за гладкие камни, и про себя потешался, предвкушая, как подпустит его вплотную и взмоет в последний миг из-под носа. Молодой Великан, конечно, понятия не имел, что ловит хитрого Аса. Он тихонько посвистывал соколу и говорил с ним ласковым голосом, показывал утиные крылья и кусочки вкусного мяса. Сокол же искоса поглядывал на него, чистил клюв, ерошил перья, любуясь узором, бурым на серебре...

Вот слуга, изодрав колени и локти, дополз до самой вершины, вот осторожно и медленно протянул руку... прянул Локи лететь, расправил сильные крылья – и не тут-то было! Накрепко пристали соколиные лапы к камню скалы! Вспомнил тогда сын Лаувейи про колдовство орла Тьяцци и палку, прилипшую к ладоням, но поздно. Схватил его слуга, завернул осторожно в холстину, спустился во двор и отдал хозяину.

– А глаза-то у тебя не птичьи, – промолвил Гейррэд, развернув тряпку и осматривая добычу. – Ну-ка отвечай, оборотень, кто ты таков?

Это знают во всех девяти мирах: волшебство может как угодно переменить руки, ноги, лицо – но не глаза, ведь в глазах отражается подлинная душа. Вот почему оборотня всегда легко отличить по глазам. И как ни царапался Локи кривыми соколиными когтями, как ни разевал отточенный клюв, блестящий, будто сталь, – Гейррэд так и не поверил, что перед ним обычная птица. Хорошенько связал Локи

крылья и запер в тёмный сундук:

– Посиди здесь, авось и разговоришься.

Тщетно пробовал Локи вернуть свой истинный облик, вырваться из душного сундука... но плохо слушаются заклятия, когда связаны руки, а сундук был вдобавок окован железными полосами – известно ведь, что никаким колдовским чарам с железом не справиться... Отчаявшись, Локи стал ждать возвращения Гейррёда, чтобы поведать ему о себе всю правду; но Великан не торопился расспрашивать. Лишь через три месяца вспомнил он про пернатого пленника и вытащил его:

– Ну, что скажешь теперь?

– Локи меня называют, – прохрипел пересохшим клювом отощавший, измученный Ас. – Отпусти меня, Великан, не то пожалеешь: все Боги и сам Винг-Тор – мои побратимы...

– Вот как? – засмеялся Гейррёд. – Что ж, придётся тебя отпустить, но только за выкуп. Приведёшь ко мне Тора, да без молота, без Пояса Силы и без рукавиц!

– Приведу, – согласился Локи охотно.

– Поклянись! – потребовал Великан.

И Локи дал нерушимую клятву всё выполнить, как обещал.

Вернувшись домой, он сразу отправился к Тору.

– Славься, Тор! – приветствовал хитрый Локи Бога грозы.

– Где ты пропадал столько времени? – спросил Тор. – Расскажи, что нового слышно, только не ври!

– Был я в Утгарде, у Гейррёда Турса, – отвечал Локи. – И знаешь ли, Тор, исполины настолько напуганы гибелью Трюма и Хрунгнира, что подумывают заключить с нами мир...

– Мир? – удивился сын Одина.

А коварный Ас продолжал:

– Ну да, мир, и Гейррёд зовёт тебя в гости, чтобы обо всём договориться без обмана. Гейррёд теперь у них конунг. И он просит, чтобы ты в знак мира пришёл к нему без молота Мьёльнира, без Пояса Силы и без рукавиц... – И добавил: – Если не боишься, конечно.

– Я боюсь?.. – загремел Тор.

Быстро собрался он в путь и пошёл в Утгард пешком, чтобы кто-нибудь не подумал, будто он собирается в случае чего пуститься в бегство на колеснице.

Скорым шагом шёл Тор; сияло над ним беспредельное Небо, полосы облаков окутывали заснеженные плечи утёсов, холодные горные реки звенели на тысячу голосов, разбиваясь о камни...

На границе Иотунхейма стоял двор доброй Великанши Грид. Когда-то она подарила свою любовь Одину, Властителю Побед, и теперь во дворе играл сын.

– Здравствуй, Видар! – окликнул Бог грозы меньшего братишку.

– Славься, Тор, – отозвался мальчик.

– Что это ты мастеришь? – спросил Тор.

– Башмак, – сказал Видар и пояснил: – Я шью его из всех обрезков кожи, что Люди выбрасывают, скроив сапоги. Неплохо движется моя работа, когда они не жадничают.

– Зачем тебе такой толстый башмак? – спросил Тор.

И немногословный Видар ответил:

– Наступить Фенриру Волку на челюсть, когда придёт срок.

Тор засмеялся и потрепал его по вихрам:

– На тебя вся наша надежда!

Но потом заглянул в глаза Видару и увидел в них обещание стать таким же сильным, как он, Тор, и даже сильнее. И было что-то ещё...

Тут, вытирая руки вышитым полотенцем, из дому появилась сама Грид-Великанша и приветствовала Бога грозы:

– Куда идёшь, Тор?

– К Гейррёду, вождю исполинов, – отвечивал Ас. – Слышал я, он хочет заключить со мной мир!

– К Гейррёду? – покачала головой Грид. – Не верь ему, Тор. Хитроумен Гейррэд и наверняка задумал тебя погубить. И как это получилось, что ты идёшь в Утгард безоружным и без Мегингьярдира – Пояса Силы?

– Таково условие мира, – нахмурился Тор. – И если я вернусь за оружием, он назовёт меня трусом!

– Знаешь что? – сказала тогда мудрая Грид. – У меня ведь тоже найдётся и Пояс, и железные рукавицы, и о них Гейррэд не договаривался. Вот, возьми! Я их сберегала для Видара,

но не много будет в них проку, если ты не вернёшься...

Вынесла она рукавицы и Пояс и ещё посох, длинный и крепкий:

– Удачи тебе.

А молчаливый Видар ничего не сказал, только кивнул.

Кровавое Копьё и его дочери

Границы между мирами издавна пролегают по рекам. вот почему, собирая умершего в Хель, а павшего в битве – в Вальхаллу, чаще всего снаряжают ему надёжную лодку. А то и корабль. Или хотя бы колоду, обтёсанную наподобие судна. Или ставят вокруг могилы плоские камни, как бы обводя ими контуры корабля...

Утгард тоже отделяла река. А поскольку за нею жили огромные и страшные Великаны, река была им под стать: гремела между каменных стен, ворочала глыбы, несла мутную грязь... Звалась она Вимур. Подойдя к реке, Тор заметил рябинку, одиноко стоявшую на том берегу и, казалось, дрожавшую от зловещего рёва...

– Будь при мне колесница, я бы и не заметил тебя, Вимур, – проговорил Бог грозы, разуваясь и пробуя босой ногой ледниковую воду и ненадёжные камни, склизкие от водорослей. – Ну, выручайте, пояс и посох!

Застегнул он узорчатую пряжку, воткнул посох Грид ниже по течению, чтобы упираться им в дно, и решительно зашагал вброд. Скоро бешеный поток покрыл его колени, потом вымочил пояс, что одолжила мать Видара... Когда же Тор добрался до середины, река неожиданно начала подниматься, да так быстро, словно в верховьях разразился неожиданный ливень. Понял Тор – кто-то очень хотел погубить его

или по крайней мере не пропустить на ту сторону. Что ж, когда идёшь в Иотунхейм, надо быть готовым ко всякому вероломству. Даже если направляешься в гости. Попробовал Тор укротить реку заклинанием:

Вимур, спади!
Вброд я иду
в Страну Великанов.
Если растёшь,
то знай, что растёт
до Неба мощь Аса!

Услышав заклятие, Вимур перестал подниматься, но и спадать не спадал: клокотали косматые буруны, перекатывались через плечи Бога грозы. Тогда Тор, опираясь на посох, повернул голову глянуть, что делается выше по течению. И увидел старшую дочь Гейррёда, Гьяльп. Сидела она над расщелиной, над самой тесниной, упиралась чудовищными ногами в разные берега... вот откуда небывалое наводнение!

Недолго раздумывал Тор: подхватил огромный валун, что катила река, и метнул в Гьяльп со словами:

– Будет в устье запруда!

Винг-Тор никогда не промахивался. Сшиб Великаншу и живо добрался на другую сторону потока. Там, под отвесными скалами, Вимур прорыл омут, да такой, что и посохом Грид не достать было до дна... и тогда с неприступной скалы к Тору наклонилась рябинка:

– Держись за меня!

– Уж больно ты тоненький, кустик, – сказал Хозяин Громов.

– Зато крепкий, – отвечала рябинка.

Делать нечего, взялся Тор за гибкие ветки и полез на скалу, а деревце что было силёнок вцепилось в камень корнями. Наконец Тор выкарабкался из потока и твёрдо встал на ноги:

– Спасибо, рябинка! Будут чтить тебя Люди, станут прозывать Спасением Тора!

С ним больше ничего не случилось, пока он разыскивал затерянный между горных хребтов двор Гейррёда, конунга Турсов. Когда же он туда прибыл, Гейррёд, Гьяльп и Грейп его встретили как ни в чём не бывало, так, словно никому из них и не досталось пребольно на переправе увесистым камнем. Тор, в свою очередь, тоже не стал ничего говорить. Радужный хозяин повёл усталого гостя в козий хлев ночевать:

– Здесь, сам видишь, тепло и чисто, да и не впервой тебе, Тор, ночевать рядом с козами, верно ведь? А в доме мы ещё не всё приготовили...

Что же, Тору действительно было не привыкать. Тем более что у Великана Гейррёда и хлев был великанский, просторный, высокий... Сел Тор на широкую лавку, собираясь укладываться, и внезапно почувствовал: тяжёлая лавка под ним, казалось бы вросшая в бревенчатые стены и пол, зашевелилась и начала подниматься вверх, под самую крышу! Однако Тор вовремя вспомнил о посохе Грид, успел схватить его и

упереться в стропила, когда они уже касались затылка. Тогда лавка остановилась, несмотря на пыхтение, которое изпод неё раздавалось. Выждав немного, Тор как следует оттолкнулся посохом – и услышал внизу громкий хруст и двойной отчаянный крик, а лавка встала на место. Тор заглянул под неё и увидел обеих дочерей конунга Великанов, Гьяльп и Грейп, распростёртых на полу, мёртвых. Не пошло им на пользу поправанное гостеприимство!

– Знать бы ещё, что они затеяли в доме, – сказал себе Тор. Вытащил Великанш вон из хлева, вернулся и спокойно заснул.

Утром Гейррэд сам его разбудил.

– Вот теперь всё готово, – вымолвил он сквозь зубы. – Пойдём позабудимся играми перед пиром!

Внутри дома горело на полу множество очагов, и все они нещадно чадили, так что дым не успевал выходить в отверстие крыши. Гейррэд поторопился войти первым и, как только Бог грозы ступил через порог, щурясь в потёмках, – схватил кузнечные клещи, выкатил из ближайшего очага добела раскалённый кусок железа и изо всех великанских сил швырнул его в Тора!..

Хорошо, тот загодя позаботился надеть рукавицы доброй матери Видара! Он схватил ими пылающее, брызжущее искрами железо и поднял высоко над головой:

– Если ты вздумал поиграть со мной в мяч, Кровавое Копьё, то где две черты на полу? А может, хочешь взглянуть,

за что зовут меня Винг-Тором, Метателем?

Гейррёд, видя, как вздыбилась огненная борода его гостя, кинулся в густой дым очагов и спрятался за подпиравшие кровлю столбы. А надобно молвить, столбы в его доме были кованые из железа, и Великан уже думал, что спасся, когда Тор всё-таки высмотрел его сквозь густой дым... С шипением полетело железо, раскаляясь на лету всё больше и больше, грянуло в столб, разнесло его в мелкие брызги, уложило спрятавшегося Гейррёда и ушло глубоко в землю.

Сказывают, забил на том месте горячий источник и бьёт до сих пор, свищет, плюётся паром и кипятком. Никак не может остыть под землёй брошенное Тором железо. И всякий, кто усомнится в правдивости этого сказания о Гейррёде и его дочерях, может перейти через Вимур в Страну Великанов и своими глазами в том убедиться.

Котёл для пива

– Я хочу ввести Магни в род, чтобы он наследовал мне по закону, – сказал Тор. – Пусть он носит такую же обувь, как и мы все!

Дело было после удачной охоты, когда довольные Асы, воссев на холме, потрошили добычу, а дева Солнце смотрела на них с небосклона.

– Магни ещё не исполнилось пятнадцати зим, – хмуро возразил Один.

– Ну и что? – не смутился Тор. – Он совершил подвигов больше, чем я или даже ты в его возрасте. Он взрослый муж, если судить по делам!

И не нашлось никого, кто с этим не согласился бы.

– Ладно, пусть будет по-твоему, – скрепя сердце кивнул Отец Павших и обратился к собравшимся Асам: – Мы все здесь в родстве между собой. Кого выберем на счастье, кто устроит для Магни священный праздничный пир?

Асы начали переглядываться и засмеялись. Вырезали на палочках руны и бросили их, загадывая, на траву... Руны не указали ни на кого. А может, всё дело в том, что у Одина, повелителя рун, не лежало-таки сердце к юному Магни, рождённому Великаншей. Легко ли вводить в права чужого наследника, когда своему, мудрому, доброму и всеми любимому, напророчена неотвратимая гибель?..

Не добившись ответа от рун, Асы обратились к жертвенной крови добытых зверей. И кровь оказалась словоохотливее: растёкшиеся струйки указали на Эгира сына Мискорб-линди, сидевшего в тени ясеня у вершины холма.

Эгир был родом из Иотунхейма, однако давным-давно уже побратался с Асами, и Люди чтили его как владыку подводных глубин. Если у Вана-Ньёрда, хозяина Лебединой Дороги, просили попутного ветра и удач в морском путешествии, то у Эгира – хорошего улова рыбы и всего того, что зовут морским урожаем. Эгир выстроил себе двор на самом дне Океана и далеко прославился хлебосольством: у него гостили те, кого принимала холодная водяная пучина. Рыбаки, утонувшие осенью на ловле трески возле западных островов, и воины, ранеными свалившиеся за борт... Жена Эгира, Ран-Добытчица, носила широкую сеть и день-деньской обходила моря, собирая утонувших...

Эгир был давно уже дедом и прадедом, потому что девять волн, девять матерей великого Аса Хеймдалля, приходились ему дочерьми. Но ни морщинкой, ни складочкой не отметили прожитые века юного лица Великана. По-прежнему шумен бывал он во гневе и улыбался, точно дитя, в хорошие дни... Кто видел, чтобы состарилось Море?

– Я буду рад приготовить вам славный пир, побратимы, – сказал весело Эгир. – Хорошо бы только вы подобрали мне котёл для пива, чтобы хватило для всех!

Тогда Асы разошлись по своим дворам и стали смотреть

котлы, в которых мудрые Асиньи со служанками варили светлую брагу. У каждого отыскался добрый котёл, но для священного пира всех Богов эти котлы были слишком малы.

Минула ночь, потом другая, потом ещё и ещё; нетерпеливый Тор уже думал вызвать из нижних миров Карликов-двергов и попросить выковать подходящий котёл... когда совсем неожиданно к нему подошёл Тюр. И Бог грозы тотчас заметил, что у однорукого воителя был очень взволнованный вид.

– Родич и друг, – обратился к нему Тюр. – Ведомо ли тебе, что вороны Всеотца нынче видели как раз такой, как надо, котёл у Великана Хюмира?

– Вот славные новости, – обрадовался Тор. – Сейчас же запрягу козлов и съезжу к Хюмиру. И если добром не одолжит котла – отберу!

Вскормивший Волка вдруг попросил его:

– Возьми меня с собой, брат, вместо Тьяльви...

И объяснил удивлённому Тору:

– Помнишь ли мою мать, светлобровую красавицу Асинью, пропавшую много зим назад неизвестно куда? Хугин и Мунин её повстречали в доме у Великана, когда высматривали котёл. Это Хюмир похитил мою мать из Асгарда и насильно взял в жёны. Сказывали вещие вороны – несладко ей с отвратительным Турсом, а тут ещё свекровь – о девяти головах...

Бог грозы в ярости схватился за молот:

– Асинья в плену у Турса, а я ничего не знал?! Едем, брат!

Целый день неслась быстрая колесница. Дорогою Тор изменил облик, прикинулся безбородым парнишкой, чтобы злой Хюмир не догадался тотчас же, с кем имеет дело. Не жаловал могучий Тор хитростей, но на сей раз решил уступить другу, ибо Тюр не хотел затевать открытую схватку – боялся погубить мать.

Тор и Тюр оставили золоторогих козлов, Таннгниостра с Таннгрисниром, на краю Мидгарда у родителей Тьяльви, а сами отправились дальше пешком.

Двор Хюмира стоял на обрывистом берегу Океана, там, где подводные скалы круто обрывались в непроглядную бездну, в логово Мирового Змея Йормунганда... Угрюмые чёрные камни вздымались тут и там из холодной серой воды, изглоданные прибоем; поздняя осень увешала их сосульками, припорошила макушки... закатное Солнце медленно пробиралось меж ними, дрожа в сизом тумане...

– Вон он – Хюмир, – указал однорукий воин на длинную лодку вдали. И рыбак-Великан как будто почувствовал: поднял безобразную голову, окинул берег тяжёлым подозрительным взглядом...

Первой встретила двоих Асов сама хозяйка двора – мерзкое чудище о девяти всклокоченных седых головах:

– Это что ещё за юнцы? А ну прочь отсюда, незваные, куда целы!

Разгневанный Тор хотел уже вытащить молот, но Тюр от-

ветил миролюбиво, как мог:

– Привет тебе, бабушка, от Фенрира Волка. Недавно я был у него на озере Люнгни и видел, что река Вон ещё не иссякла. А здесь мы только затем, чтобы одолжить у твоего сына котёл – затеваем пиво варить!

Обрадовала такая речь Великаншу.

– От Лунного Пса? – смягчилась старуха. – Стало быть, он не теряет надежды!.. Что же, входите, подождите Хюмира в доме... – И зло крикнула в дверь: – Эй, сноха! Беги живо, бездельница, устрой добрых гостей!

Тут из палат появилась несчастная Асинья, и Тюр застыл про себя, видя, как изменилась мать, как поблекла её светлая красота, поседели пышные волосы...

– Шевелись проворней, безрукая!.. – зашипела старая ведьма на женщину, замершую при виде воина-сына.

И уже Тюр шагнул вперёд, на выручку матери, но Тор удержал.

– Сыночек, – всхлипнула Асинья, когда страшилище наконец убралось. – Какой ты большой и красивый вырос, сынок!.. Но что у тебя с рукой?..

– Про это потом, мама, – ответил Тюр шёпотом, чтобы не слыхала злая хозяйка. – Кончились наконец твои муки, поедешь с нами домой! Скажи только ещё, где Хюмир держит котлы?

– А вот и я, – раздался со двора зычный, грубый голос, и Великан шагнул в дом, обдирая звенящий лёд с бороды.

Асинья только успела шепнуть:

– Берегитесь его!..

И действительно, Великан бросил на гостей такой тяжёлый и злой взгляд, что потрескался каменный столб, за которым они сидели на лавке, расщепилась над головами прочная балка. Восемь котлов обрушилось с неё вниз и разбилось о пол, лишь один, девятый, прочно выкованный, уцелел.

– Этот нам и нужен, – тихо сказал Тор другу.

Хюмир был между тем на что-то очень сердит. Он всё время ворчал, отбирая коров для ужина, сдирая с них шкуры и складывая туши пещья в глубокую яму, как принято у дикарей. Он не захотел даже слышать о том, чтобы одолжить котёл:

– Не по-зимнему гремел нынче гром, всю рыбу мне распугал! Вот будет завтра хороший улов – тогда, может быть, поговорим!

За ужином проголодавшийся Тор не сумел удержаться и один съел двух коров, пока Хюмир, Тюр и Великанша о девяти головах управлялись с одной.

– Этак съешь у меня все припасы на зиму, – сказал неучтивый хозяин. – Силён ты на еду, таков ли в работе? Вот что: завтра каждый будет есть то, что сам раздобудет!

– А ты возьми меня с собой на рыбалку, – посоветовал Тор. – Право, не будет у тебя недостатка ни в камбале, ни в треске, если дашь мне удочку и наживку!

Великан оглушительно захохотал:

– Тебе, недомерку? Сперва как следует подрасти!

– Испытай меня прежде, потом будешь смеяться, – сказал Тор. – Быть может, я не такой неумеха, как тебе думается. Неужели не наскучило одному трудиться на вёслах?

Это показалось Хюмиру заманчивым, но он не подал виду:

– Ты, коротышка, пожалуй, замёрзнешь там, в море, если я буду удить так далеко от берега и так долго, как я привык. Не согласишься ли раньше срока на берег?

Тор ответил:

– Не пришлось бы тебе самому проситься назад, когда я сяду грести.

И так сверкнули при этом глаза Бога грозы, что Тюр понял: воистину чудо, если теперь же не схватит молнию-молот. Но Хюмир неожиданно согласился:

– Ладно, поглядим, на что ты способен. Смотри только, не проспай. А калека пускай останется здесь и поможет моей рабыне мести пол, всё равно он ни на что больше не годен!

Промолчал Тор, стиснув молот до боли, промолчал Тюр, Бог победы в отчаянных поединках, тот, с кем сравнивали лучших мужей, называя их – смелые, точно сам Тюр...

А светлобровая Асинья неслышно сновала туда и сюда, прислуживала страшному Хюмиру и злобной свекрови, трепетала от ужаса и надежды и не смела глаз поднять на гостей.

Рыбалка Тора

Утром Хюмир проснулся и вскочил ни свет ни заря:

– Эй, коротышка! Ещё не раздумал ехать со мной?

– А что будет наживкой? – спросил Тор.

– Наживку, – сказал Хюмир, – добывай сам, какая приглянется. У меня лишней нет. – И усмехнулся злорадно: – Сходи в стадо, возьми какую-нибудь коровёнку... если не трусишь!

Тор немного подумал и в самом деле пошёл со двора, навстречу быкам и коровам, возвращавшимся с водопоя. Впереди всех выступал огромный, как туча, с чудовищными рогами бык, прозванный Вспоровшим Небеса. Увидя незнакомца, бык ударил копытом, глухо взревел и кинулся на Бога грозы, но не рассчитал сил. Тор живо справился с ним и швырнул наземь, схватив за рога. Оторвал у злого животного голову и принёс с собой к берегу. Там Хюмир уже спускал на воду лодку.

– Вот навязалось несчастье!.. – зарычал Турс, увидев, какую наживку раздобыл его гость. – Я смотрю, на промысле от тебя ещё больше убытку, чем за столом!

Тор молча сел на корме и начал грести, и Хюмир сразу увидел, что с этим гребцом даже он, Великан, сравниться не может. Скоро пропали в утренней дымке сторожевые утёсы, открытое море стало мерно раскачивать рыбацкую лодку...

– Здесь я всегда ловлю камбалу, – сказал Хюмир.

Тор скривил губы:

– Здесь дно пальцем можно достать. Ты, кажется, приглашал меня в море, а не на прибрежную мель?

Пришлось Великану смолчать. Но Тор грёб и грёб, и наконец Хюмиру сделалось не до бахвальства:

– Поворачивай, парень! Там, на дне, уже близок обрыв и под ним логово Змея! Даже мы, исполины, боимся его, хоть он и одного с нами племени. Сколько раз я едва уносил ноги, а тебя он проглотит и не заметит!

– Змей Йормунганд? – спросил Тор и нащупал верный молот. – Ты говоришь про этого жалкого червячка, которым только детей в потёмках пугать?

И не отпускал вёсел, пока лодка не встала как раз над обрывом. Тут вытащил Тор голову Вспоровшего Небеса, надел на отточенный крюк и закинул, посмеиваясь, в самую бездну. Хюмир ничего не сказал, но было видно, что ему очень не по себе. У него была снасть с двумя коваными крючками, и он поспешно наживил и забросил её, надеясь поскорей наловить рыбы и возвратиться на берег, не потревожив чудовища под водой. И удача ему улыбнулась: очень скоро на оба крючка попались киты. Великан живо подтащил их к лодке и оглушил тяжёлым багром. И открыл уже рот – уговаривать Тора грести обратно домой... но тут Мировой Змей всё-таки проснулся на дне, разбуженный запахом свежей крови от бычьей головы, которую Хозяин Громов опустил к самому его носу. Вмиг распахнулась ядовитая пасть и проглотила на-

живку вместе с рогами и острым крюком. Сладко облизнулся сын Локи, прозванный Поясом Земли, закрыл жёлтые глаза и хотел снова заснуть, но Тор наверху почувствовал дрожь леси, понял, что Мидгардсорм взял приманку, и резко подскёк.

Вонзилось острое железо в нёбо чудовищу, и тут уж Змей рванулся изо всех великанских сил, так, что кулаки Повелителя молний ударились о дубовый борт! В бешенстве забился Пояс Земли, заревел так, что далёкие горы Иотунхейма отгрянули эхом и содрогнулся весь Мидгард... но сила напоролась на силу. Тор постепенно наматывал лесу на кулак, не давая Змею поблажки и держа в правой руке занесенный Мьйолльнир. Лодка так накренилась, что перепуганный Хюмир хотел уже бросить добытых китов и попытаться спастись вплавь. Но в это время Тор проломил ногами дубовое днище и встал прямо на морское дно. И подтащил-таки Змея вплотную к себе, так, что безобразная ядовитая голова приподнялась над водой, и два вечных противника увидели друг друга: защитник Асгарда и Людей, славный Бог грома – и отвратительный родич Фенрира Волка! Страшным синим огнём горели глаза Тора, и отсветы Муспелля дрожали в немигающих змеиных зрачках! Хюмир, скуля от ужаса, закрыл ладонями голову и повалился прямо в холодную воду, плескавшуюся на дне лодки, на крепких досках...

Раз за разом взлетал сокрушительный молот, обрушивался на плоскую голову Йормунганда! Гремящая молния, что

с одного удара укладывала даже такого исполина, как Хрунгнир. Но Пояс Земли был на диво живуч и неистово бился, вздымая громадные штормовые волны, раскалывая ледяные горы хвостом, между тем как Тор подтаскивал его всё ближе, чтобы поразить уже наверняка...

До самого родника Норн докатились судороги Змея и трепет Земли, и три Девы вышли взглянуть, в чём дело. Вот рассеялся над священным источником клубившийся пар, и отразился в бегучей воде смертный поединок Тора со Змеем. Но бесстрастными остались лица древних сестёр. Знали вестии Норны: даже Богам не под силу вмешиваться в дело Судьбы, произносящей их устами свой приговор...

– Они уже виделись прежде, – припомнила старшая, Урд-Прошлого.

– Сегодня Змей не умрёт, – сказал Верданди-Настоящее.

– Они ещё встретятся, – предрекла Скульд-Будущее.

И, будто подслушав, вконец перетрусивший Хюмир схватил нож и полоснул по натянутой, как струна, лесе Тора, там, где она лежала на борту. С шумом и грохотом сомкнулись волны над головой нырнувшего Змея, и, говорят, молот Мьёльгнир настиг его ещё раз, уже под водой, и вода ослабила удар, не то быть бы ему для чудовища роковым.

– Заступился за родича?.. – отдышавшись, сказал Хюмиру Тор. – А сколько раз он хотел тебя проглотить, и, надеюсь, когда-нибудь ещё проглотит?

С этими словами разъярённый Бог грома так дал Хюмиру

по уху, что Великан полетел за борт кувырком – только пятки мелькнули. Еле выкарабкался он назад, пока Тор затыкал пробоины в днище. Молча сели они на вёсла и погребли назад к берегу, очень недовольные друг другом.

Но когда засинели вдали знакомые скалы и Хюмир почувствовал себя в безопасности, тотчас возвратились к нему и самоуверенность, и наглость. Он сказал Тору:

– Эй, коротышка! Невелик твой улов, да и лодка из-за тебя едва не погибла. За это придётся тебе ещё поработать, если хочешь, чтобы я отдал котёл. Привяжешь лодку и вычерпаешь воду досуха – или, может, дотащишь до дому хоть одного из китов?

Тор взял лодку за носовое кольцо и одной рукой выволок далеко на сушу – не снимая вёсел, не выливая воды. Бросил в неё обоих китов и понёс к дому Великана, зашагал лесистыми склонами через долину. Еле поспевал за ним Хюмир. Уже понял Турс, что с котлом придётся расстаться, но сдаваться всё ещё не спешил:

– Для такого малявки ты и впрямь неплохо гребёшь. Но вот тебе последнее испытание. Видишь тот кубок? Сумеешь разбить его – и котёл твой. Мне ведь ни к чему кубок, если не будет котла. А не осилишь – останутся у меня и котёл, и звонкая чаша!

Тор взял хрупкий с виду кубок, подержал, дивясь про себя, на широченной ладони – и с размаху хватил о ближайший столб из тех, что подпирали крышу. Откуда мог знать

Хозяин козлов, что кубок Хюмира был совсем не простой! Содрогнулось жилище, в мелкую пыль разлетелся прочный каменный столб – а тонкий сосуд отскочил, зазвенев, прямо в руки Великану.

– Полегче, недомерок! – захохотал исполин. – Никак захотел сокрушить весь мой дом и засыпать меня обломками по колено!

Тору, следует молвить, как раз того и хотелось, и, верно, пустил бы он всё-таки в ход молнию-Мьйолльнир... но тут пленённая Асинья, идя мимо с тяжёлым грязным ведром, сумела незаметно шепнуть ему:

– Кидай кубок прямо в лоб людоеду, иначе не разобьёшь!

Владелец Колесницы так и поступил. Надобно было видеть, как он полусогнул ноги и призвал всю свою силу Аса на помощь! Со свистом полетел кубок и угодил Хюмиру как раз между заиндевелых бровей – только осколки брызнули в стороны!

Делать нечего, пришлось Хюмиру расставаться с сокровищем, которое он столько веков сохранял для своих друзей-Великанов:

– Вон он, котёл, забирайте... если сумеете.

Он надеялся – братья-Асы попросту не поднимут котла, до того был тот вместителен и тяжёл. И решил уже, что не ошибся: два раза пытался Тюр сдвинуть котёл с места, но всё без толку. Тут подошёл Тор и с лёгкостью поднял посудину Великана. Перевернул, подлез – и пошёл себе в дверь, только

бренчали кольца в ушках котла, задевая его по пяткам!

...Хюмир с матерью были так опечалены потерей котла, что не сразу хватились Асиныи, светлобровой рабыни. Но всё же, не дозвавшись, хватились.

– Сбежала! – заревел Хюмир. – То-то мне показалось, что однорукий похож на неё, верно, она ему мать!..

– И всё время шушукался с нею, пока ты был в море, – поддакнула старая ведьма.

Затопал ногами Хюмир, придя в великанскую ярость... Выбежал скорее во двор и закричал на весь Утгард, созывая родню – двухголовую, трёхголовую, многоголовую... Без промедления собрались исполины и поспешили в погоню.

...Тор глядел только под ноги, покрытый огромным котлом, но зоркий Тюр заметил погоню и постучал по кованому боку:

– Выручай, брат!

Бог грозы сбросил котёл и увидел войско Турсов, перелезавшее через далёкие каменные горы. Что долго рассказывать? Загремел безжалостный молот, сыпанул горячими искрами – и покатались с плеч головы Великанов, у кого одна, у кого две, у кого целая сотня... Рушились хладнорёбрые Турсы и превращались в мёртвые горы, в россыпи безжизненных скал. Иные стоят в том месте и по сей день.

– Скверно вышло, – сказал Тюр, когда Таннгниостр и Таннгриснир уже мчали в Асгард их колесницу. – Хюмир ведь угощал нас за столом...

– Мало ли, что угощал, – хмуро ответил Бог грома. – Он начал с того, что похитил твою мать!

Но и у Тора на душе было неладно. Ведь угощение – та же клятва о мире. Где поел, там становишься за своего и не то что разбойничать – не должен даже мстить за обиду. Горе всякому, кто нарушает этот закон...

Наследник

Привезя в Асгард котёл, Тор не стал больше медлить со священным пиром для сына:

– Будешь носить такую же обувь, как все в нашем роду, в славном племени Асов!

Так водилось в древности и у Людей – каждый род обувался и одевался на свой, особенный лад, украшал одежду узорами, каких другие не вышивали. Ибо многие возводили свой род к зверю-женщине, вышедшей замуж за человека, или к зверю-мужчине, взявшему жену из Людей. Был род Тюленя, род Зубатки и Волка, род Лося... все и не перечесть. Предок-зверь только внукам давал носить свою шкуру или хоть её часть. Например, кожу с задних ног, переделанную в башмаки. Вот почему было достаточно поглядеть на обувь человека, чтобы сразу понять, какого он рода.

У племени Богов, конечно, не было предков-зверей. Зато Боги чтили корову Аудумлу: ведь это она своим ласковым языком целых три дня и три ночи вылизывала самого первого Аса из солёного камня, а когда он родился – не пожалела для него молока. В память об Аудумле Тор сам отобрал в своём стаде трёхлетку-бычка, длиннорогого, солнечно-рыжего... заколол и содрал шкуру с задней правой ноги, сделал башмак. Станет Магни своим среди могучих Богов, потомков пращура Бури!

А пока разделявали бычка, Бог грозы взял глубокое решето и трижды наполнил его солодовым зерном – сварить пива на всех, вот почему у первых Людей число «три» значило попросту «много». Эгир, новый хозяин котла, сразу взялся за дело. Забурлило хмельное светлое пиво, наполнило глубокий чан до самого края...

– Утонуть можно, пожалуй, – задумчиво молвила, глянув в котёл, жена Эгира, Добытчица-Ран.

Встрянула сеть, всегда висевшую на плече, отправилась обходить моря, собирать захлебнувшихся рыбаков и воинов, упавших за борт в бою. И ведь напророчила: с той поры у Людей не раз получалось, что пьяные сваливались в пивные котлы и тонули. Но у Богов, конечно, подобного не бывало. Боги любили полакомиться брагой, однако же властвовать над собою ей не давали.

Асы и Асиньи весело собирались на пир. Лишь один злобный Локи, сын Лаувейи и Великана Фарбаути, выглядел недовольным. И всё озирался, ища, к чему бы придраться. Хитрейший из Асов жестоко завидовал Тору и его дружной семье и с горечью вспоминал собственное потомство, рождённое в Железном Лесу. Змея Йормунганда, мрачную Хель и Фенрира Волка, связанного на острове Люнгни. Локи никогда их не любил, как не любил и тех сыновей, что родила ему верная Сигюн – Нарри и Нарви, вечно дравшихся между собою, точно пара свирепых волчат... Тщеславный Локи не мог спокойно думать о том, что его дети никогда не ста-

нут своими на празднике у Богов, никогда не побратаются с младшими Асами: улыбочивым Бальдром, широкоплечим Магни и молчаливым Видаром, хозяином толстого башмака...

Переполнила чёрная зависть недоброе сердце Локи. Он громко сказал:

– Жертвенная кровь солгала! Тебя, Эгир, зря выбрали хозяином пира! В твоих палатах темней, чем на дне гнилого болота!

Дом Эгира, как уже говорилось, стоял в морской глубине, и под вечер в нём вправду сделалось сумрачно. Эгир не стал пререкаться со злоязычным: кивнул проворным рабам, Эльдиру-Повару и Фимафенгу-Ловкому. Расторопные слуги тотчас внесли ясное золото. И так ярко блестело и переливалось сокровище моря, что в доме стало светлее, чем в самый солнечный день.

Но завистливый Локи никак не мог успокоиться. С ненавистью глядел он на слуг, подливавших гостям вкусное пиво. Боги щедро награждали рабов, хваля их усердие. Локи знал: о нём, Асе, никто здесь не произнесёт доброго слова. Когда Фимафенг подошёл наполнить его кубок, Локи не сдержался и ударил его кубком по голове, так что брызнула кровь.

– Кровь! – в испуге ахнули Асины. – Не к добру это!

– Он облил меня пивом, – довольно ухмыльнулся Локи, любуясь испорченным торжеством.

– Мы клялись соблюдать мир! – сказал Один.

А Тор в гнев схватился уже за молнию-Мьйолльнир, но Бальдр остановил его руку, чтобы не нарушать правду Богов, не убивать пусть негодного, но побратима. Один указал Локи на дверь:

– Вон, мерзкий! – громче молота Тора прогремел его голос. – Не помешаешь ты сделать Магни наследником Асов!

Не желая пускать в ход оружие, Тор и Тюр разом схватили щиты, висевшие на стенах, и двинулись, грозно потрясая ими, на злобного Аса.

– Я припомню тебе, обманщик, сторевшие орлиные перья! – воскликнула воительница Скади и встала с братьями рядом.

Локи был столь же труслив, сколь и коварен. Он понял, что может действительно поплатиться. Выскочил за двери и убежал далеко в лес. Асы же вернулись к прерванному пиру, ибо негоже оставлять доброе дело из-за одного подлеца.

Вот Магни сел подле матери, славной Великанши Ярнсаксы, а подошедший Тор силой стащил юношу с лавки, причём сын отчаянно упирался и делал вид, что совсем не хочет вставать. Рождённый вне брака, он всё ещё был в роду матери, и покровителям её рода незачем было гневаться на него за предательство. Пускай они видят, что измена эта – невольная. Весело смеялись могучие Асы, глядя, как Тор за ухо ведёт рослого сына к священному башмаку и заставляет вступить в него правой ногой. Правая сторона к худу не приведёт: хочешь удачного дня – вставай с правой ноги. Хозя-

ин Громов сам вступил в башмак после сына, накрывая след Магни своим, утверждая его в семье.

За ним подошли сын и пасынок – Моди и Улль, потом другие мужчины племени Богов: Один, Тюр, Бальдр, Ньёрд, Фрейр, братья и побратимы... Вот теперь ни один злой колдун, даже сам Локи, не сумеет навести порчу на юного Магни, вынув его след и опалив на огне! Кто осмелится подступиться со злом, сглазить, подослать немочь и неудачу, когда рядом родня?!

– Я ввожу этого человека в права на имущество, – твёрдым голосом произнёс Тор памятную Клятву Отца. – Ввожу его во все права на владения и подарки, на место в общем пиру, на заступничество и на месть. Он будет отмщать за наших погибших и отвечать за убитых нами врагов – так, как если бы его мать была мне законной женой!

Асы и Асиньи стали по очереди сажать юношу к себе на колени, освящая родство, подтверждая усыновление.

– Он будет рядом с тобой, Тор, до самой гибели мира, – сказала Урд, старшая Норна.

– Он отомстит за тебя, – добавила средняя, Верданди.

– Он поднимет твой молот, когда ты его выронишь, – приговорила младшая, Скульд.

Молчаливые сёстры обычно бывали так разговорчивы только у постели роженицы. Но ведь Магни теперь всё равно что умер для прежнего рода, а для нового – как будто родился.

И Ярнсакса-Железная, отважная Великанша, знай утирала неслышные слёзы, бежавшие по щекам. Племя отца, племя Асов, должно было отныне стать её сыну роднее, чем она – мать... Магни перехватил её взгляд и ободряюще улыбнулся: не плачь!

Пир был в самом разгаре, когда в дымовое отверстие крыши влетели два ворона – и закружились, хлопая тяжёлыми крыльями, над столом.

– Великаны нар-р-рушили мир-р... – прокаркал Хугин, усаживаясь Одину на плечо.

– Дети Хюмир-ра втор-р-рглись в Мидгаррд... – откликнулся Мунин.

Тор нащупал молот и поднялся.

– Я с тобой, отец, – сказал Магни, вскакивая на ноги.

Тор посмотрел на него и улыбнулся:

– Идём, сын.

Перебранка Локи

Проводив взглядом стремительно умчавшуюся колесницу, хитрейший из Асов покинул колючие кусты, в которых отсиживался, и пошёл назад, к дому, навстречу звукам праздничного веселья.

У самой двери ему встретился Эльдир. Невольник испуганно отшатнулся при виде обидчика слабых, но Локи лишь поднял руку:

– погоди бежать, поварёнок... скажи мне сперва, о чём говорят на пиру Боги и дети Богов?

Эльдир ответил:

– О мудрости Одина и о подвигах Тора, о славном былом и о том, что ещё суждено.

– А обо мне? – спросил Локи. – Говорят ли обо мне?

– О тебе, – ответил слуга, – Боги стараются не вспоминать. А если и вспоминают, никто не зовёт тебя другом и не сожалеет, что тебя выставили. Ни Боги, ни дети Богов.

– Ну что же, – пробормотал Локи. – Скоро они узнают, как быть невежливыми со мной. Я приправлю желчью их мёд, подмешаю в кубки вражду и раздор!

– Не делал бы ты этого, – осмелился посоветовать Эльдир. – Тот, кто брызгает грязью в других, вполне может дожидаться, что эту грязь об него же и оботрут!

– А ты помолчи, сын Трэля и Тир, пока я не превратил

тебя в лягушонка, – ощерился родитель чудовищ. – Невелик будет тебе прибыток, если начнёшь браниться со мной!

Слуга попятился прочь, а Локи вошёл в дом и злорадно отметил, что Асы и Асиныи, только что весело беседовавшие за столом, разом смолкли и повернулись к нему.

– Славься, день, славьтесь, сыны дня! – приветствовал их Локи.

Никто не откликнулся, и красавец Ас обвёл палату насмешливым взглядом.

– Или нет среди вас, побратимы, такого, кто поднёс бы мне доброго мёда? Или иссякло ваше гостеприимство, жители Асгарда? Зовите меня за стол или уж гоните наружу, в ночную тьму!

Браги, покровитель поэтов, нехотя молвил:

– Ты сам во всём виноват, зачинщик раздоров. Зря ты пришёл сюда снова. Такому, как ты, нет места на священном пиру!

Локи воскликнул с видом несправедливо обиженного:

– И ты спокойно слушаешь это, Отец Богов и Людей? Или позабыл, как мы смешивали кровь, вступая в родство? А ведь ты тогда говорил – никому из названных братьев негоже лакомиться пивом, пока не поднесут и другому!

– Видар, сын, уступи ему место, – сумрачно проговорил хозяин Вальхаллы. – Пусть сядет и больше не портит нам пир у Эгира в доме!

Молчаливый Видар налил Локи полную чашу, и тот под-

нял её над огнём, чтобы сбылось пожелание:

– Во здравие Асам и Асиньям! Славьтесь, могучие Боги! – Помолчал и добавил: – Все, кроме одного – неучтивого Браги...

– Локи, я подарю тебе меч и коня, только не затевай ссор, – сказал слагатель стихов. – Я добавлю кольцо, лишь не злословь!

– Меч и коня? – захохотал сын Лаувейи. – Но где же ты возьмёшь их, домосед? Это воинская добыча, а ты не любишь сражаться. Ты храбр только здесь, за мирным столом!

– Если бы мы не клялись соблюдать мир, – сказал Браги, – я показал бы тебе, злой наветник, храбр я или нет.

– Стоит ли вам осыпать бранью друг друга, двум Асам, – сказала светлоокая Гевьон, та самая, что выпахала своим плугом датский остров Зеландию. – Неужели мы первый раз забавляемся, сравнивая мужей, неужели вы разучились шутить?

– Ты-то молчала бы, непостоянная Гевьон! – повернулся к ней Локи. – Ты готова всякого обнимать, кто подарит тебе нарядный убор!

– Небольшая беда, если женщина обнимает мужчину, а он радуется её подарком, – вмешался Один. – Не тронь, Локи, вещью деву: она провидит все судьбы – обрадуешься ли, узнав, что тебе суждено?

Но Локи уже не мог остановиться, даже если бы захотел:

– Кто здесь говорит о судьбах? Ты, одноглазый? А сколько

раз ты даровал победу в бою совсем не тому, кто был достоин? Ты даровал её трусам!

– Я даровал им земную победу, но в Вальхалле они не ступали и на порог, – не сдержался Отец Павших. – Зато я не превращал себя в женщину и не рожал под землёй страшных лиц-детей, как ты, муж женовидный!

Локи выплеснул пиво наземь из чаши:

– Тебя самого видели колдующим! Это ты – муж женовидный!

– Зачем трогать старое, – попробовала усюветить его мудрая Фригг.

Но не тут-то было.

– Молчи, распутная Фригг! – крикнул Локи. – Скольким ты дарила любовь, пока Один странствовал далеко от Асгарда?

Асинья закрыла руками лицо, не зная, куда себя деть от стыда. Светлый Бальдр обнял её, укоризненно глядя на Локи.

– Радуйся сыну, пока не сбылось предсказание, – издевался глумливый насмешник. – Право, хотел бы я, чтобы оно скорее исполнилось!

– Уймись, Локи, – хмуро посоветовал Ньёрд, хозяин Лебединой дороги.

– Сам уймись, Ван, несчастный заложник, – тотчас оборвал его злокозненный Локи. – Все знают твою распутницу дочь, жену – приблудную Великаншу и сына, помешавшего

ся от любви!

Ньёрд ответил с достоинством:

– Только глупец попрекает любовью. Мой сын Фрейр никогда не обижал ни пленников, ни беспомощных пленниц. В нём нет никакого изъяна перед Богами. Такое ли потомство у тебя, злыязычный?

– Фенрир Волк когда-нибудь проглотит Солнце и Месяц, – сказал Локи. – Вот тогда и поговорим о потомстве. А Хель, моя дочь, уже скоро получит вашего любимчика Бальдра, ведь его убьют не в сражении...

– Замолчи! – крикнули разом Хёд и Тюр.

– Что такое? – наклонил красивую голову Локи. – Ты, безглазый, не видящий перед собою дороги! И ты, однорукий, укушенный Лунным Псом, моим сыном! Где ты был, когда твою мать целовал отвратительный Турс?..

Но слепой Хёд перебил его:

– Слышу!.. Слышу колесницу могучего Хлорриди!

И точно – не успел ещё он договорить, когда грохнула дверь, и плечом к плечу встали посреди палаты два победителя-Аса, сын и отец.

– Смолкни, мерзостный Локи! – сказал сразу же Тор. Он успел довольно расслышать из-за двери, и широкая ладонь сжимала послушную рукоять, а голос гремел: – Смолкни, мерзостный Локи! Не то отведаешь молота!

– Ты, Тор... – начал было Локи. – Твоя жена Сив...

Но Бог грома шагнул вперёд, и занесённый Мьйольнир

полыхнул синей зарницей:

– Смолкни, мерзостный Локи!

Тут уж сын Лаувеи стрелой вылетел вон: Тор не из тех, кто станет тратить время на перебранку, его оружие – молот, а не язвительные слова. И говорят, Боги возобновили прерванный пир, и никто более не мешал им веселиться в доме у Эгира. И ещё говорят – с тех пор они каждое лето собираются на священный пир у Хозяина подводных глубин. Вот за что скальды зовут иногда Эгира – Пивоваром. Иные же утверждают, что Эгир левша. И оттого-то, когда он варит в своём волшебном котле океанские бури и потом выплёскивает их в полёт, они крутятся противосолонь...

А Локи выгнали из Асгарда, запретив возвращаться.

Скрюмир

Однажды Тор вместе с Тьяльви и Рёсквой-Резвущкой коротал дождливую осеннюю ночь на краю Утгарда у лесного костра. Они думали на другой уже день возвратиться домой и подъели почти все припасы, когда Локи, сын Лаувейи, изгнанный Ас, вышел к ним из тумана. Боги давно уже не считали коварного зачинщика распрей своим побратимом, но у промокнувшего и голодного Локи был до того жалкий вид, что отходчивый Бог грозы невольно смягчился:

– Садись к огню, оскорбитель Богинь, поешь да обогрейся. Заодно и расскажешь нам, что нового слышно.

Локи не заставил себя долго упрашивать и с таким прожорством взялся за остатки еды, что даже Тор мог бы ему позавидовать, если бы чувство зависти было ведомо Метателю Молний.

– В Утгарде объявился могучий волшебник, – наконец насытившись, поведал былой обманщик Богов. – Говорят, он собрал к себе множество Великанов и сулитя вести их походом на Асгард, добывать сокровища Асов и прекрасных Богинь в жёны самым отважным... Никто не знает его имени, я сам слышал только прозвание – Утгардалоки...

Тор погладил рукоять верного молота:

– А не мог бы ты показать, где живёт этот Утгардалоки?

– Отчего же, – сказал изгнанный Ас. – Покажу!

На другое утро они двинулись в путь и шагали весь день, пока не забрались в самую глухомань. Там застала их новая ночь, такая же холодная и непогожая, как и минувшая. На счастье, уже впотьмах они вышли к какому-то заброшенному дому, на удивление просторному и с таким широким входом, что сперва он им показался проломом в стене. Обрадованные путники забрались под крышу и устроились на ночлег. Но едва они успели заснуть, как началось сильное землетрясение: застонали деревья, ходуном заходили надёжные стены, слышался отовсюду грохот и шум, как будто во круг топтались чудовища. Напуганные путешественники попятились внутрь дома и обнаружили там, как раз посередине, небольшую пристройку. Туда они и забились, а Тор встал у входа, сжимая рукоять молота и готовясь к отпору. Шум возле дома не затихал до рассвета, но никто не пытался напасть на прятавшихся внутри.

Когда же наступил день, Тор вышел наружу и сразу увидел поблизости на поляне спящего Великана. Тот громко храпел, раскинувшись на траве, и Бог грозы тотчас понял, что за шум они слышали в ночной темноте. А дом при солнечном свете оказался вовсе не домом – всего лишь брошенной рукавицей.

И говорят, Тор впервые в жизни покраснел от стыда, предвидя, что ещё не раз и не два припомнят ему ту рукавицу на пирах в Асгарде, в дружеской перепалке... Поглядел он на спящего Великана и – тоже впервые в жизни – спросил себя,

по силам ли ему подобный соперник.

– Стар становлюсь, видно, – сказал сам себе Тор.

Опясался Мегингьярдиром – добрым Поясом Силы – и тогда только подошёл к незнакомцу, держа молот наготове. А проснувшийся Великан протёр глаза и посмотрел на него совсем не враждебно:

– Славься, Аса-Тор! Что ты делаешь в этом лесу? Уж не Утгардалоки ли ищешь?

– Истинно так, – отвечивал Тор. – А ты, случаем, не..?

– Куда мне, – захохотал молодой Турс, и с дубов посыпались жёлуди от этого хохота. – Да против Утгардалоки я сущий цыплёнок!.. Но я как раз направляюсь в ту сторону, ибо думаю вступить в его войско. Пойдём вместе, если хочешь!

– Ни разу ещё у меня не бывало в попутчиках Великанов, – сказал задумчиво Тор. – Однако отказываться не буду, пойдём, коли не шутишь! Как звать-то тебя?

– Зови меня Скрюмиром, – ответил тот.

Скрюмир означало Хвастун, но Тору вовсе не показалось, чтобы исполин бахвалился зря. Тор со спутниками едва поспевали за ним, идя через лес. На диво широк был шаг незнакомца, а ведь он ещё вызвался нести все пожитки и до вечера шаггал, убрав котомку Тора в свою!

К закату дня Скрюмир подыскал место для ночлега и отказался от ужина, заявив, что ляжет сразу же спать:

– А вы развязывайте котомку и ешьте, если проголодались.

Улёгся под деревом и тотчас захрапел. Тогда Тьяльви попробовал распутать ремень, которым был затянут мешок Великана, – и не совладал. Тут уже Тор отстранил его и сам взялся за дело. Но сколько ни бился – ни единого узла не сумел ослабить, ни одного ремешка так и не развязал...

– Видишь, какие рождаются ныне в Утгарде Великаны? – сказал ему Локи. – Угости-ка его своим Мьйолльниром, Тор, пока он не наделал всем нам беды!

– Негоже нападать на спящего, – свёл густые брови Хозяин козлов. – Мой брат Тюр пошёл на обман, думая избежать великого зла, но оно оттого лишь стало неотвратимее. Не пришлось бы и мне пожалеть, если сделаю, как ты предлагаешь!

Локи ответил:

– Подумай лучше, что будет, когда такие, как этот Скрымир, вторгнутся в Мидгард, пойдут походом на Асгард!

– Всё равно, не поступаться же честью, – сказал Тор. – Я воин, а не убийца!

– О какой чести речь, когда борешься с Великаном? – возмутился хитрейший из Асов. – Сколько раз ты сам едва уносил ноги из-за их вероломства!

– Я воин, а не убийца, – упрямо повторил Тор.

– Стало быть, ты хочешь услышать, как твоя Сив плачет в объятиях многоголового Хримтурса? – спросил язвительный Локи. – А дочь проклиняет день, когда родилась?

Опутал он Повелителя молний своими речами, как пау-

тиной. И наконец Тор поднялся и, вытащив молот, подошёл к спящему Скрюмиру. Тот храпел на весь лес, не чуя беды. Взвился Мьйолльнир и обрушился на голову Великана... Даже Мидгардсорму – Мировому Змею – несладко пришлось бы от такого удара, но на чистом лбу Скрюмира не осталось даже царапины.

– Не листок ли с дуба свалился?.. – зевая, спросил проснувшийся исполин. – Ну как, Тор, поужинали?..

– Поужинали, – пробормотал Хозяин козлов, отходя прочь в великом смущении.

Улеглись они четверо подальше от Турса, но, правду молвить, было им, как и в прошлую ночь, совсем не до сна. И вот в самую полночь Тор вновь поднялся и, подкравшись, с маху опустил молот Скрюмиру на самое темя. Удар мог раздробить гору, но у Великана даже волосы на темени не шелохнулись. Он лишь открыл глаза и спокойно сказал:

– То листья падали, а теперь, кажется, жёлудь!.. А что ты всё бродишь, Тор? Ложись, завтра долго идти!

Перевернулся на другой бок и вновь захрапел во всю великанскую мощь.

Перед самым рассветом Бог грома решил попытать счастья в последний раз. Неслышно подойдя, ударил он Скрюмира в обращённый кверху висок и мог бы поклясться, что молот вошёл в тело по рукоять... каменная скала, пожалуй, разлетелась бы в мелкую пыль, а Скрюмир приподнялся и сел, сладко потягиваясь:

– Вот уже и птицы проснулись, ишь, роняют на меня сучки и травинки... Славься, Тор! Пора нам позавтракать да и двигаться дальше!

Легко развязал котомку и вынул припасы, но Тору со спутниками кусок в горло почему-то не лез.

Состязание

Ближе к полудню путешественники действительно увидели впереди крепость. Да такую, что Тору пришлось запрокинуть голову, оглядывая её. Когда они вошли внутрь, Скрюмир сразу смешался с толпой молодых Великанов, и больше они его не видали. Воины стали спрашивать Тора, кто он да откуда родом. Он назвался, и его провели к конунгу крепости – самому Утгардалоки.

– Это ты, что ли, и есть Тор-Метатель, Тор с Колесницей, Хозяин Громов, Тор из племени Асов?.. – спросил конунг, наклонясь с хозяйского места и разглядывая пришлецов, и вид у него был разочарованный. – Я-то, наслушавшись про тебя, думал, ты и ростом повыше, и в плечах покрепче... ладно, будь гостем и не обижайся! Но надобно тебе знать, каков у нас здесь обычай: каждый должен чем-нибудь отличиться. Есть ли у вас искусство, которому бы мы удивились?

– Есть, – сказал Локи и вышел из-за широкой спины Тора, где прятался всё это время. – Я ем так быстро, что никому за мной не угнаться, ни Асу, ни Великану!

– Что ж, – сказал конунг. – Испытаем, на что ты способен. Тут принесли длинное корыто, полное вкусного варёного мяса. И вот Локи устроился у одного конца, а у другого сел его соперник, огненно-рыжий малый с похожим именем – Логи. Они разом взялись за мясо. Проголодавшийся Локи

ел с удивительной быстротой, но и Логи не отставал. Встретились они как раз посередине корыта, стукнулись лбами. И оказалось – пока Локи дочиста обгладывал кости, Логи умудрился съесть не только все кости, но даже само корыто. Ему и присудили победу.

– А что этот юноша, пришедший с тобой? – спросил конунг Тора, указывая на Тьяльви. – Какая игра ему по сердцу?

– Он быстрый бегун, – ответил Тор. – Вот послушай, какой подвиг он совершил. Знают ли здесь у вас об острове Готланд, что поднимался из моря и вновь уходил под воду, так что никто не мог на нём поселиться? Тьяльви сумел обежать его за один день, держа в руках огонь, и остров остановился. Теперь там живут Люди и говорят, что это доброе дело.

А Тьяльви добавил бесстрашно:

– Я готов бежать взапуски с любым, кого ты назовёшь.

Рёсква с гордостью поглядела на брата.

– Славное искусство, – похвалил Утгардалоки и обернулся к своим воинам, стоявшим вокруг: – Эй, Хуги! Поди-ка сюда!

Вышел парнишка, казалось совсем не умевший смирно стоять; ноги под ним так и плясали. Все вместе они отправились в поле, где была ровная тропинка, как раз подходящая для состязаний. Пустились Тьяльви и Хуги бежать по первому разу... и Тьяльви тотчас сильно отстал – когда он достиг поворота, Хуги уже мчался навстречу ему.

– Придётся тебе подналечь, парень, если хочешь выиграть

эту игру, – засмеялся Утгардалоки. – Но и то верно, не много видал я Людей, чтобы бегали быстрее тебя!

По второму разу Хуги повернул обратно, когда Тьяльви был ещё на расстоянии полёта стрелы от поворота. И всем стало ясно, кто из двоих легче на ногу.

– А ты, Тор? – спросил конунг, когда они вернулись в палаты. – Уж ты-то наверняка чем-нибудь меня удивишь!

Тор исподлобья обвёл глазами пиршественный чертог:

– Ну... говорят, ещё не бывало такой чаши, чтобы я не смог единым духом её осушить...

Конунг велел подать Тору полный рог доброго пива:

– Из этого рога у нас обычно пьют те, кто опаздывает на пир. Но тебе-то он, верно, покажется безделицей...

Тор приободрился: рог впрямь выглядел не слишком вместительным, хотя и длинным изрядно. Поднёс он его ко рту и принялся жадно пить, благо чувствовал немалую жажду. Питьё, правда, показалось ему не особенно вкусным – горчило оно и было солоноватым, – но он глотал его и глотал, не желая срамиться перед Великанами. Вот уже круги поплыли перед глазами... а пива в роге как будто и не убавилось.

– Сказал бы мне кто, что Аса-Тору больше не осилить, я бы не поверил, – покачал головой Утгардалоки. – Ладно, попробуй опять!

И снова Тор пил, пока не потемнело в глазах, а потом и ещё раз... теперь стало заметно, что к рогу всё-таки прикасались, но и немногим более того.

– Теперь ясно, что мощь твоя вовсе не столь велика, как мы все здесь полагали, – сказал конунг насмешливо, глядя на отдувающегося Тора. – А может, ты попытаешь счастья в забаве, которой тешится здесь ребятня? Они поднимают с полу мою кошку...

Сейчас же выскочила откуда-то серая кошка, крупная и пушистая. Наклонился к ней Тор, взял одной рукой под брюшко и стал поднимать. Но вот странное дело: чем выше он её поднимал, тем больше она изгибалась, и лишь когда Тор ухватил её обеими ладонями и сам встал на цыпочки – оторвала одну лапу от пола.

– Всё правильно: кошка большая, а Тор совсем маленький! – захохотал Утгардалоки.

– Может быть, я и маленький, как ты говоришь, – сказал вконец пристыженный Тор. – Но найдётся ли у тебя удалец, что поборолся бы со мною один на один?

– А как же, найдётся, – отвечал конунг. – Такому, как ты, как раз впору бороться с моей дряхлой старой кормилицей. Эй, бабушка Элли, выйди сюда!

Тотчас появилась старуха – седая, сгорбленная, однако проворная, и под дружный смех Великанов Тор принуждён был с нею схватиться. Но и тут ему не досталось удачи: чем больше силился он повалить древнюю бабку, тем крепче она стояла. А потом и сама дала Богу грозы такую подножку, что он упал на одно колено. Подошёл Утгардалоки и велел им кончить борьбу:

– Дело к ночи, пора уже спать.

Он сам отвёл Тору и его спутникам спальные места на широкой лавке в палате. Меховые одеяла были мягкими, а от очага веяло добрым теплом – но Тьяльви и Рёсква знай прижимались к Тору, да и сам Хозяин козлов еле дождался утра, чтобы уйти поскорее из этого места.

Утгардалоки вышел его проводить, хотя Тору это было очень не по сердцу.

– Натерпелся я у вас сраму, – с горечью молвил он конунгу. – Никогда мне этого не позабыть, а и забыл бы, так не дадут!

Тогда Утгардалоки оглянулся назад, на далёкие уже стены своей крепости, и вдруг усмехнулся:

– Послушай меня, сильнейший из Асов. Ведь это я был с вами в лесу под именем Скрюмира. Видел ты возле моих палат каменную скалу с тремя глубокими вмятинами? Это её я подставил под твои удары, а ты и не заметил, потому что я отвёл тебе глаза. То же было и с играми. Логи значит Огонь, не так ли? Тот, кто звался Логи, и был просто огнём, а ты сам знаешь – прожорливее огня ничего нет во всех девяти мирах. Хуги значит Мысль, и это в самом деле была моя мысль, вот почему Тьяльви, легконогий бегун, так сильно отстал. Кроме мысли, его, пожалуй, и не обогнать никому.

Тор остановился в изумлении, а конунг продолжал:

– Когда ты стал пить, я снова отвёл тебе глаза, и ты не разглядел, что рог был другим концом соединён с Океаном.

Мои Турсы едва не умерли на месте от ужаса, увидев, как много ты сумел выпить и как обмелел Океан. Люди станут называть это отливом. А ещё больше мы все испугались, когда кошка оторвала от пола переднюю лапу: ведь не кошка это была, а сам Мидгардсорм, Пояс Земли. Едва-едва достало его длины удержать на земле голову и кончик хвоста: ты так высоко поднял руку, что близко было до Неба. Но поистине величайшее чудо тебе удалось, когда ты так долго сопротивлялся, сражаясь против старухи Элли, ведь это была сама Старость. И там, где любой другой рухнул бы замертво, ты едва припал на колени... И вот что я ещё скажу тебе, Асатор: если бы я знал наперёд, что так велика твоя мощь, ни почём не позволил бы я тебе отыскать мою крепость и тем более проникнуть в неё. И не надейся опять увидеть её, у меня хватит власти этого не допустить. А впрочем, меня славно позабавило твоё унижение. И в особенности то, что ты напал-таки на Скрюмира, отбросил честь воина, попытался убить его спящим...

Тут Бог грозы, замороженно слушавший хитреца, опомнился и с глухим проклятием схватился за молнию-Мьйолльнир... Но поздно: и сам конунг-волшебник, и крепость растаяли без следа, точно вовсе их не бывало – лишь ветер гнал по полю жёлтые осенние листья...

Тогда Тор, Тьяльви и Рёсква-Резвушка стали оглядываться кругом и заметили, что Ас-изгнанник, злокозненный Локи, тоже куда-то исчез.

– Утгардалоки, – первой сообразила проворная разумом Рёсква. – Утгарда-Локи, Локи из Утгарда! Это он нас морочил!

Тор только сокрушённо покачал головой и ничего не сказал. И молчал всё время до тех пор, пока они не вернулись домой.

Гибель Бальдра

Когда Тюр не смог больше быть Богом справедливых законов – а случилось это после того, как Тюр пошёл на обман, помогая опутать Лунного Пса, – он передал свою власть Бальдру. Но светлому Бальдру, ненаглядному сыну Одина и Фригг, любимцу всех Асов, написано было на роду: не исполнится ни один его приговор, даже самый разумный и мудрый. Поразмислил Бальдр и сделал Богом справедливых законов своего наследника-сына.

– Его приговоры, – сказал Бальдр, – будут исполняться всегда. Недаром я назвал его Форсети – Старейшиной Тинга!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.